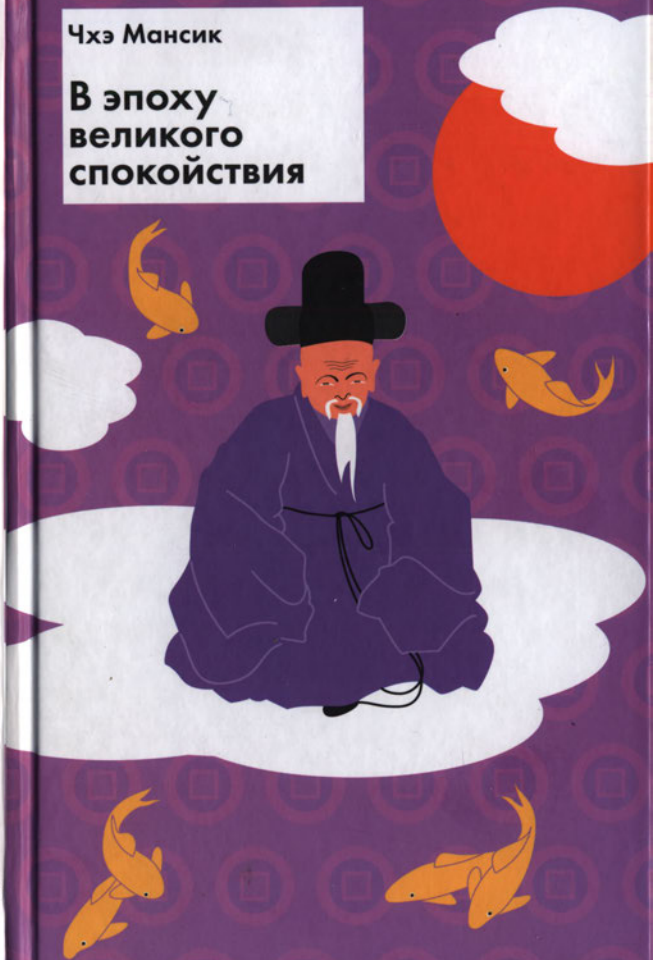

Чхэ Мансик В эпоху великого спокойствия

Чхэ Мансик

В эпоху
великого
спокойствия

Переводческий проект «Серия 5+5» осуществлен АНО «Институт перевода» (Москва) при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Корейского института перевода LTI Korea (Сеул) в 30-летнюю годовщину установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Идея проекта заключается в издании переводов пяти выдающихся произведений русской литературы на корейский язык и пяти значительных произведений южнокорейской литературы – на русский. Все переводы были выполнены впервые специально для проекта. В серии представлены прозаики и поэты, классики и современные авторы. В ее создании приняли участие ведущие слависты и корейисты обеих стран. Благодаря «Серии 5+5» читатели смогут глубже узнать культуру друг друга и убедиться, что у наших двух народов гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд.

LTI Korea

9 785751 616229

tekt
tekt

채만식

태평천하

Чхэ Мансик

В ЭПОХУ
ВЕЛИКОГО
СПОКОЙСТВИЯ

РОМАН

*Перевод с корейского
Анны Дудиновой и Евгении Розенфельд*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.531-31
ББК 84 (5Кор)-44
Ч97

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям*

Издано при поддержке LTI Korea (Сеул)

Издано при поддержке АНО «Институт перевода» (Москва)

ISBN 978-5-7516-1622-9

© А. Дудинова, Е. Розенфельд, перевод, 2020

© «Текст», издание на русском языке, 2020

Наставник Юн возвращается домой

В один из вечеров после *Чхусока**, когда закатное осеннее солнце уже скрывалось за горизонтом, почтенный наставник Юн, слывший богачом в районе Кедон, остановил рикшу у своих ворот и собирался выйти из повозки. Судя по всему, он отлучался куда-то по делам.

То ли из-за недосыпа прошлой ночью, то ли из-за утренней ссоры с женой, но в этот день у рикши все шло не так. Даже по самой обычной ровной дороге ему было тяжело тянуть свою повозку, а тут пришлось еще и взбираться по крутому подъему в узком переулке, хоть язык высовывай, что уж говорить. И неудивительно, ведь весил пассажир двадцать восемь с лишним *гван!***

Точный вес наставника Юна перестал быть загадкой позавчера, когда вместе с Чхунсим он отправился на прогулку за Чинкоге, а потом зачем-то влез на весы перед аптекой, что прямо на-

* Чхусок — день урожая, один из трех важнейших традиционных праздников Кореи. Отмечается 15-го числа 8-го месяца по лунному календарю. (Здесь и далее прим. перев.)

** 28 *гван* — примерно 105 кг.

против главного почтового отделения Кэйдзё*. Тогда-то она и увидела, сколько он весит.

Рикша, происходивший из самых низов и закаленный своим ремеслом, изо всех сил тащил повозку с грузным пассажиром и наконец остановил ее у высоких крытых ворот, которые лишь немного уступали по размерам Южным, а затем снял плед, укрывавший колени господина.

Наставник Юн с трудом приподнялся на узком сиденье повозки, которая шаталась из стороны в сторону так, что готова была перевернуться в любую секунду, и собрался было спуститься на землю, но ненадежность конструкции вызвала опасения. Поняв, что не справится сам, пассажир повернулся к рикше:

— Эй, ты! Поддай-ка мне руку. Что стоишь как вкопанный?

Рикша, с трудом переводя дыхание, обтирал пот, однако, услышав упрек, почувствовал себя виноватым и тотчас протянул руку.

Когда наставник Юн спустился, стало очевидно, насколько он огромен. Попытайся кто-то обхватить его талию, рук хватило бы только наполовину. Подстать весу, в нем и росту было пять ча и девять чхи**. Словом, повозка рикши, в которой он прибыл, казалась рядом с ним игрушкой, а когда они въезжали в ворота, в проеме практически не оставалось свободного пространства.

Выглядел наставник Юн хорошо. На протяжении тридцати с лишним лет, бывая в уездах Пуан и Пёнсан, он укреплял свое здоровье то пантами оленя, то кровью свиней и косуль. Вот и сейчас,

* Кэйдзё — название Сеула в период японского колониального правления.

** 5 ча и 9 чхи — около 179 см.

благодаря тому что он регулярно принимал целебный женьшень, лицо его имело здоровый, как у ребенка, вид, а не слишком густая и не слишком редкая борода была бела, как снег, чем он чрезвычайно гордился.

Лицо наставника Юна было воплощением всевозможных достоинств мужчины: долголетия, достатка и знатности происхождения. Об этом свидетельствовали и глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, напоминавшие глаза феникса, и правильной формы нос, и продолговатые уши, и даже внушительных размеров рот.

Возраст?.. В этом году ему исполнилось семьдесят два. Однако не стоит спешить с выводами. Хотя наставник Юн и страдал одышкой из-за гипертрофии сердца, в остальном его здоровью могли позавидовать даже молодые мужчины лет тридцати. Он не уступал им ни в чем.

Притягивала взгляд и его манера одеваться. Сияющий атласный наряд наставника Юна светился новизной, а на голове поверх *тхангона** красовался устремленный ввысь *кат*** с подвязкой, изготовленный в славившемся своими мастерами городе Тхонъёне. На ногах у него были высокие черные, как ночь, кожаные ботинки, из которых выглядывали вязанные цельной хлопковой нитью белые *посон****, в правой руке он держал изящную трость с серебряным набалдашником, а в левой — бамбуковый веер из тридцати четырех пластинок.

* *Тхангон* — головной убор из конского волоса, надевавшийся под шляпу.

** *Кат* — традиционная корейская шляпа из конского волоса.

*** *Посон* — традиционные корейские носки.

В прежние времена такая особа вполне сошла бы за губернатора одной из провинций, но теперь ситуация настолько изменилась, что какой-нибудь насмешник якобы по ошибке мог принять наставника Юна за клоуна, а уличные продавцы сладостей от Кэйдзё до Токио норовили облизать этого «карамельного петушка».

Выйдя из повозки, господин наставник собрался было поправить распахнувшуюся за время поездки переднюю полу *турумаги**, но вместо этого развязал шнурок темно-синего кошелька, заманчиво раскачивавшегося у него на поясе.

— Сколько с меня за извоз?

Судя поговору, родом пассажир был из провинции Чолла, а сама речь звучала как-то пренебрежительно.

— На ваше усмотрение, господин.

Держа в руках плед, рикша поклонился. Такой ответ у него был припасен для всех важных пассажиров, но именно этого почтенного господина рикша удостоил им от всего сердца. Разумеется, в этом ответе крылась просьба хорошо подумать об оплате.

— А, на мое усмотрение, говоришь? Тогда ступай восвояси!

Наградив рикшу пристальным взглядом, наставник Юн отвернулся и завязал развязанный было кошелек.

Отчего-то глаза рикши забегали в разные стороны. Он предположил, что поездка могла быть в кредит, и, почесав затылок, произнес:

— Позвольте мне прийти завтра.

* *Турумаги* — длинное пальто или халат, надеваемый поверх традиционного корейского костюма.

— Завтра? Зачем завтра?

Уже до поездки настроение наставника Юна было испорчено, а из-за пустой болтовни оно ухудшилось еще больше.

Рикша же прекрасно понимал, зачем ему приходится завтра: чтобы получить плату за поездку в кредит. Но об этом же прямо не скажешь. Рикше стало неловко, и он так и не сумел ответить подобающим образом. Тем временем наставник Юн, не озаботив себя ни единой мыслью о переживаниях рикши, как бы давая понять, что он все сказал, уже направился к дому.

Рикша не мог смотреть, как работа, которая, паче обыкновения, была настолько тяжела, что чуть легкие не разорвались, оборачивается неудачей. Он не понимал, почему этот господин так поступает, но и не мог в этой ситуации только стоять и бормотать что-то невразумительное, поэтому ему не оставалось ничего иного, кроме как проявить решительность.

— Господин, плата за извоз...

Однако в итоге от этой решительности стало только хуже.

— Плата?

— Да, господин.

— Ах ты, да как ты смеешь!

Наставник Юн разозлился и, словно собираясь ударить рикшу своим огромным кулаком, шагнул в его сторону.

— А не сам ли ты сказал, что на мое усмотрение?

— Именно так!

— Вот... На мое усмотрение, это значит, сколько пожелаю, не так ли?

Рикша понял, к чему идет дело. И это его совсем не радовало. «Да, конечно, сколько пожела-

ете», — подумал он и, подавив ехидную усмешку, недопустимую в присутствии уважаемого господина, изобразил улыбку — ведь с таким человеком лучше не шутить.

— Ты сказал, за извоз — на мое усмотрение. А я счел, что за это можно не платить, вот и повелел тебе ступать восвояси.

Рикша подумал было, что господин и вправду шутит, но ни в его облике, ни в словах не было ни тени шуток.

— Эх, я-то думал, что есть еще честные извозчики, увидел в тебе достойного малого, благородство которого не позволит взять со старика платы, ведь ему и так тяжело. А ты, милый человек, задумал меня провести? Про таких, как ты, говорят: «Тот, у кого один рот на два слова, — сын двух отцов». Не иначе как твоя мать была женщиной легкого поведения!

Конечно, рикша не знал, что это классическое изречение Конфуция используют и в качестве ругательства, но он не мог не почувствовать себя оскорбленным оттого, что его мать называли женщиной легкого поведения. Он все еще не понимал, то ли пассажир шутит, то ли серьезен, говоря, что не собирается платить; от этой неопределенности ему и так было не по себе, а тут важный господин обвиняет его в попытке сжульничать да еще тревожит прах его усопших родителей. Кому такое понравится? Довез до дому такую тушу, сам же еще и получил за это, а теперь стоит и только рот открывает как рыба на песке. Иной на месте рикши дал бы этому наглецу по физиономии.

— Благородный господин, будьте благосклонны ко мне, вашему слуге! Дайте хотя бы одну купюру...

Рикша подавил в себе подступающую злость и говорил крайне почтительно. Однако у наставника Юна слово «купюра» вызвало неподдельное негодование — такое, какое вызвала известная декларация* этого немецкого выскочки Гитлера, или как там его.

— Что-о? Какую купюру?! Да как ты... — воскликнул наставник Юн, удивленный такой неожиданной наглостью.

Впрочем, наивный рикша воспринял эти слова буквально:

— Купюру всего лишь в одну *иену*** , господин...

— Много я повидал в этой жизни, но чтоб такое!.. Как же так, ты же сам сказал заплатить по моему усмотрению, словно вовсе не хотел получать никакой платы, а теперь просишь целую *вону*!*** Какая дерзость!.. Тебе б только нажиться за счет чужого добра, паршивец. Ладно, будь потвоему. Сколько хочешь? Отвечай скорее!

Рикша хотел было набросить еще несколько *чон*****, но, сообразив, что все равно не получит желаемого, а лишь потеряет заработок в других местах из-за проволоочки, обреченно назвал пятьдесят *чон*. Однако наставник Юн был непреклонен.

— Видали наглеца? Ты что же, шутки шутить со мной вздумал? Что за вздор ты несешь? Это

* Скорее всего, имеется в виду Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей, подписанная в 1934 г.

** Корейская *иена*, пришедшая на смену *воне* в 1910 году, когда Корея была аннексирована Японией, использовалась в качестве национальной валюты до 1945 года.

*** Здесь господин Юн пользуется старым обозначением национальной валюты.

**** 1 *чон* — сотая часть *воны*, национальной валюты Кореи.

«пятьдесят чон» слетело с твоих губ легко, словно имя ребенка!

— Господин, я много не прошу. Ведь я довез вас от Пумингвана* до дому.

— А я что говорю? Да я туда доплюнуть могу, а ты за это пятьдесят чон просишь!

— Это совсем немного. К тому же, благородный господин, разве не добавите вы мне на площадь *макколи*?**

Наставник Юн сделал вид, что не расслышал, отвернулся в сторону и снова развязал завязанный было шнурок кошелька, откуда достал две монеты по десять чон, которые положил себе на ладонь и начал перебирать кончиками пальцев.

Природа человека такова, что ему свойственно ошибаться. Зная это, господин Юн тщательно проверил ребро монеты на наличие рубцов, чтобы убедиться, что он не вынул по ошибке пятьдесят чон вместо десяти.

— Вот, так бы я дал тебе пятнадцать чон, но, выслушав твои доводы, дам тебе двадцать: лишние пять чон, как ты и просил, трать, как знаешь — хоть на *макколи*, хоть на *тхакпэги****, — мне до этого нет никакого дела.

— Господин, этого недостаточно!

— Что значит недостаточно? Двадцать чон тебе недостаточно? Да в деревне ты себе на это купишь десять *пхён***** земли, десять *пхён*!

* Пумингван — общественное здание в современном Сеуле. В период японской оккупации (1910—1945) там проходили митинги, призывающие население к войне.

** *Макколи* — корейский традиционный алкогольный напиток крепостью 6,5—7 градусов.

*** *Тхакпэги* — в некоторых диалектах корейского языка то же самое, что и *макколи*.

**** *Пхён* — единица площади, равная 3,3 м².

Рикше хотелось сказать, чтобы господин сам отправился в деревню, купил там на двадцать чон десять лхён земли и кормил с этого все свое потомство хоть до третьего, хоть до четвертого колена, но с большим трудом все же сдержался.

— Господин, добавь еще хотя бы десять чон. Ведь и весом вы добры...

— Да ты еще и критиковать меня смеешь, умелец какой! Этот самый вес намного больший ущерб понес от езды в твоей замшелой телеге. Ты когда-нибудь слышал, чтоб плата за поездку в автомобиле или поезде зависела от веса пассажира?

— Да, но...

— Ну что? Возьмешь, что даю, или не возьмешь? Если нет, то я на эти деньги куплю кусок мяса и с удовольствием съем его на ужин.

— Еще только десять чон, это же пустяк для столь благородного господина!

— О-хо, благородного? Да я бы уже давным-давно разорился от такого благородства! Ей-богу, попадись мне еще один подобный извозчик, и дни мои сочтены!

Если бы рикша мог, то ответил бы на это: «А попадись мне еще один подобный пассажир, я с ума сойду».

Тем не менее пассажир снова развязал кошелек и вынул монету в пять чон. Господин наставник не на шутку разозлился из-за того, что вынужден отдать еще одну монету, ему было жаль денег, но выносить настойчивость рикши он дольше уже не мог.

— Вот, бери. Двадцать пять чон. Но теперь я буду непреклонен: хоть вешайся на моем поясе, медной монеты больше не получишь!

Не успел наставник Юн закончить эту фразу, как рикша, зажав в мозолистой руке три ла-

тунных монеты, звякнувших от соприкосновения друг с другом, пробормотал что-то вроде «спасибо», убрал свою приходную книгу и скрылся.

— Эх, и зачем я только эту девку слушал?! Ведь из-за нее мне попался такой назойливый извозчик, на которого пришлось потратить на целых пять чон больше! Ох уж эта несносная Чхунсим, чтоб ей неладно было, все уши мне прожужжала про этот концерт, как было не пойти с ней...

Разгневанный наставник Юн бранил Чхунсим последними словами, хотя какое отношение она могла иметь к его решению пойти на концерт в Пумингван? Да, она и вправду упоминала этот концерт, хвастаясь, что ее сестра Унсим тоже в нем участвует, и господин наставник так загорелся желанием послушать, что тут же сам предложил Чхунсим пойти туда...

Правда, если бы он не услышал о представлении от Чхунсим, то не пошел бы на него сегодня, а на следующий день, узнав, что пропустил его, был бы крайне раздосадован.

2

Искусство не платить за проезд

Наставник Юн страстно обожал музыкальные представления с участием известных исполнителей. Это, пожалуй, стало его главным — после денег — увлечением в этом мире.

Господин наставник был родом из провинции Чолла, поэтому неудивительно, что южные ритмы и голоса доставляли ему такое удовольствие.

Будь его воля, он бы триста шестьдесят пять дней в году наслаждался представлениями *кисэн** и артистов, приглашенных на дом, но сколько же на это нужно денег!

Чтобы устраивать подобные вечера каждый день, наставник Юн мог бы договориться с каким-нибудь посредником по найму *кисэн* или с Обществом изучения корейской музыки, но даже если бы он и добился особых уступок в цене, то это стоило бы по меньшей мере десять *вон* в сутки, триста *вон* в месяц, больше трех тысяч *вон* в год... Мать честная! Такая астрономическая сумма даже господину Юну не по карману.

Ясное дело, господину наставнику такое и присниться не могло.

Впрочем, человек со всем может свыкнуться, и наставник Юн нашел то, что могло приблизить его к осуществлению, казалось бы, неосуществимого желания: концерты по радио. Не сказать чтобы они были полноценными заменителями, но и они доставляли ему большое удовольствие. Поэтому господин Юн поставил малюсенький радиоприемник, который берег как зеницу ока, на столик у изголовья и наслаждался струящимися из динамика южными ритмами, мелодиями, глосами, балладами.

Как же хорошо, зажав в зубах длинную трубку, лежать на мягкой подушке! Вслушиваясь в приятные звуки, струящиеся из приемника, наставник Юн конечно же сожалел, что не может видеть красивых лиц куртизанок и изящных движений артистов, но все же испытывал неподдельное наслаждение.

* *Кисэн* — корейские куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора.

Обязанность переключать каналы в зависимости от программы господин наставник возложил на своего управляющего, секретаря и исполнителя всяческих поручений Тэбока. Именно на него обрушивался весь гнев наставника Юна в дни, когда на радио не было ни музыки южных провинций, ни баллад.

— Я даю тебе пищу наравне со всеми остальными — три порции в день, а ты, негодник, куда ты дел музыку, которая играла каждый день?

Не зная, что ответить на такое несправедливое обвинение, Тэбок лишь качал головой. Сначала он несколько раз пытался оправдаться, говоря, что ведь если на радиостанции так решили, то музыки южных провинций не будет, сколько ни крути колесико приемника.

От этого господин наставник злился еще сильнее:

— Не будет? Что за чушь собачья? Это ты небось так мне отвечаешь из-за того, что я тебя называл негодником, и поэтому решил кого другого оговорить в отместку? Как может быть такое, что до прошлого вечера звучал голос одного и того же певца, а сегодня вдруг исчез? Что, все *кисэн* и артисты скоропостижно скончались?

На самом деле единственным, кто тут мог скончаться, был Тэбок, которого наставник Юн бранил словно кошку, застигнутую врасплох на обеденном столе.

Одно время на радиостанцию даже приходили анонимные письма в несколько десятков страниц, написанные аккуратным почерком, с просьбой ежедневно без выходных передавать музыку южных провинций. Автором этих слезных посланий был не кто иной, как разозленный Тэбок, уставший от огульных обвинений и упреков хозяина.

Впрочем, негодование наставника Юна этим не исчерпывалось. Даже если по радио и передавали его любимую музыку, он был недоволен тем, что вместо трех-четырёхчасового непрерывного вещания она звучала всего тридцать минут — за это время только-только войдешь во вкус.

По правде говоря, несмотря на все брюзжание, наставника Юна радовало приобретение: ведь сам радиоприемник обошелся ему в семнадцать *вон*, а плата за пользование всеми его возможностями составляла одну *вону* в месяц, что на самом деле не так много.

Однако каждый раз, когда приближался срок уплаты этой суммы, недовольство господина наставника по поводу того, что он вынужден отдавать целую *вону*, нарастало:

— Можно подумать, диво какое, чтоб за него еще и по *воне* в месяц платить! — И, негодуя на то, что даже слушать радио нельзя бесплатно, восклицал: — В таком случае отключайте меня со следующего месяца!

Вот такие отношения с радио сложились у наставника Юна.

Вторым его увлечением были музыкальные представления известных исполнителей.

Сколько на свете самых разных *кисэн* и артистов, сколько замечательных песен на любой вкус! Наставник Юн был готов наслаждаться живой музыкой целую вечность, и то, что, в отличие от опостылевшего радио, эти представления устраивались нечасто, несомненно, было их большим недостатком, но зато их посещение доставляло истинное удовольствие. Разумеется, господину наставнику очень хотелось бы, чтобы такие

представления устраивались как минимум триста шестьдесят дней в году.

Наставник Юн непременно посещал каждый концерт именитых исполнителей, проходивший в Сеуле, — ведь для него это было самым завораживающим действием на свете. А если он не попадал на какое-то из представлений, то исключительно по нерадению Тэбока, который — кроме тех случаев, когда он отправлялся с поручениями в город, — должен был каждый день ходить в цирюльню на углу и смотреть в газетах программу радиопередач и объявления о предстоящих концертах известных артистов и иных представлениях, устраиваемых Обществом изучения корейской музыки.

Поэтому, когда Тэбок не сообщал наставнику Юну об этих великолепных выступлениях и тот с опозданием узнавал, что пропустил хотя бы одно из них, Тэбоку приходилось выслушивать громогласную брань своего господина, как в тот раз, когда батрак, обязанный выполнять и разнообразные поручения по дому, по недоразумению купил три килограмма тофу вместо двух, потратив на это на пять чон больше.

Любовь наставника Юна к выступлениям известных артистов была настолько велика, что сегодня он, боясь не поспеть к началу долгожданного представления, назначенному на час дня, вышел из дому, когда на часах не было и половины двенадцатого. Сопровождавшая его Чхунсим, нехотя шедшая рядом, повернулась к нему и пробурчала:

— Зачем же выходить так рано? Какой толк приезжать загодя и сидеть без дела в ожидании начала?

Наставник Юн провел рукой по белоснежной бороде и усмехнулся:

— Что ты паясничаешь? Давай иди поживее!

Слова наставника Юна заставили Чхунсим снова повернуться и продолжить путь.

У девушки было лицо правильной овальной формы, совсем не характерной для южных провинций, где она родилась. И хотя она не слыла красавицей, но такой зайчик с ясными глазками, прямым носиком и аккуратным ротиком не мог не вызывать умиления. Впрочем, подобная внешность повлияла и на характер: девушка отличалась фривольным нравом.

Было ей годков эдак пятнадцать, и лицо ее еще не обрело всех признаков зрелости, но оттого что за свою недолгую жизнь она всякое успела повидать, в ее теле угадывались достоинства взрослой женщины.

Длинная, ниже талии, коса с аккуратно вплетенной бордовой ленточкой мерно покачивалась при ходьбе. Далеко не все знали, что на самом деле это были чужие волосы, прикрепленные к достаточно короткой стрижке Чхунсим. Небольшие пряди на лбу были искусно завиты и прихвачены тут и там заколками.

Традиционный короткий жакет Чхунсим выцвел от стирки и стал бледно-розовым, но в сочетании с темно-серой складчатой юбкой, туго подвязанной галстуком, он смотрелся достаточно гармонично. На покрытой детским пухом коже виднелись следы лишая, а неровно нанесенная пудра местами походила на пигментные пятна. Дай ей пройти где-нибудь в таком виде, ее было бы не отличить от молодых *кисэн*, что часто встречаются на мосту Тэгван-гё. (Однако не

стоит относиться к ней с презрением. В последнее время у нее появился человек, которого она любит.)

Какое-то время Чхунсим шла молча, как ей и повелел наставник Юн, но вдруг она снова резко повернулась к нему, словно пораженная какой мыслью.

— Господин! — воскликнула она и засмеялась. Девушка ни минуты не могла не кокетничать.

— Что? Что тебе опять не так?

— Давайте лучше поедem на автомобиле, а? Это же лучше, чем выходить так рано.

— Авто-мобиле?

— Да-а.

— Будь по-твоему, чтоб тебя.

Чхунсим, удивленная той легкостью, с которой согласился наставник Юн, окинула его пристальным взглядом. Действительно, на его лице была хитрая усмешка.

— Правда?

— Да, черт с тобой!

— Тогда нужно найти телефон, чтобы сделать вызов?

— В этом нет надобности. Еще немного пройдем, и оттуда уже поедem.

— Откуда? Надо сначала дойти до перекрестка, где начинается район Ангук...

— Есть одно местечко и до перекрестка!

— Нет же!

— Есть! Такой серебристый, блестящий, большущий автомобиль...

— Погодите, не об автобусе ли вы говорите? — спросила Чхунсим, поняв вдруг, что господин наставник ее провел, и обиженно воскликнула: —

Так все это время под «автомобилем» вы имели в виду «автобус»!

— Эх ты, несмышленная, все-то тебе автомобиль! А между прочим, автобус намного дороже!

— Это по пять чон с человека дороже?

— Ты о чем? О плате за проезд? А я говорю о цене за покупку...

Ожидая автобус на перекрестке Чэдон, наставник Юн и Чхунсим наблюдали необычную для этого времени дня картину: несмотря на то что утренние часы пик уже миновали, а до вечерних было еще далеко, два битком набитых автобуса проехали мимо, не остановившись. Третий автобус был забит чуть меньше, и господин Юн с Чхунсим, помогая себе локтями, смогли в него влезть, что едва не повергло кондукторшу в слезы.

Не обременяя себя мыслями о других пассажирах, господин наставник испытывал непосильные муки оттого, что был вынужден ехать с ними в переполненном автобусе, хотя для этого автобуса вполне хватило бы его одного. Кроме того, ему пришлось стоять, согнувшись в три погибели, чтобы его *кат* не помялся о потолок, а на это требовалось еще больше места. Чхунсим же ютилась у него под мышкой, и если бы она прикрылась подолом его *турумаги*, то могла бы и вовсе не платить за проезд.

Когда наконец автобус прибыл на последнюю остановку возле здания японского генерал-губернатора, наставник Юн и Чхунсим вышли вместе со всеми остальными пассажирами, которые, буд-то желая запечатлеть в памяти этот момент, перед выходом бросали на них долгие косые взгляды.

Выйдя из автобуса, господин наставник первым делом с облегчением вздохнул, после чего

развязал кошелек и медленно вынул купюру в десять *вон*.

— Как же быть? У меня нет сдачи! — в сердцах воскликнула кондукторша.

— А я что сделаю? И чем тебе это не деньги?

— А кто говорит, что не деньги? Только нужна мелочь!

— Нет у меня мелочи!

— А что это сейчас звякнуло у вас в кармане? Вот...

— А, это? — Наставник Юн потряс кошелек, из которого слышался звон. — Так это фальшивые деньги, подделка... Хочешь, чтобы я ими заплатил, хоть они и поддельные? — спросил господин наставник и начал развязывать кошелек.

— Не надо! Так что же делать?.. Куда вы? — всполошилась не на шутку рассерженная кондукторша.

— На остановку трамвая.

— Менять деньги?

— Само собой.

Естественно, все это наставник Юн сделал преднамеренно: и вынул купюру в десять *вон*, тогда как в кошельке у него было полно мелочи, и направился якобы к остановке, хотя ему нужно было выйти у городской администрации. И вот, так и не заплатив за проезд, он не спеша двинулся в сторону Пумингвана, а чуть впереди шла Чхунсим.

— Это компенсация за мучения, перенесенные мною в этом битком набитом автобусе, — делился с ней наставник своим искусством не платить за проезд. Судя по всему, он был не их тех, кто хранит секреты своего мастерства за семью замками.

Концерт по-европейски

Путь по разбегающимся дорогам района Чонно занял немало времени, но даже несмотря на это большие часы на башне здания Пумингвана показывали только двенадцать часов дня, когда наставник Юн и Чхунсим прибыли на место.

Не успели они подойти к кассе, чтобы купить билеты, как между ними разгорелся очередной спор. Господин наставник велел Чхунсим разыскать за сценой ее сестру, которая, как он помнил, участвовала в представлении, чтобы та провела их бесплатно. Но девушка упорствовала, напоминая о том, что это он ее сюда привел и что добросовестным зрителям подобает покупать билеты, а не лезть через черный ход.

Какое-то время они стояли и спорили, оба не желая уступать, но в конце концов наставник Юн незаметно вынул две монеты по десять чон и протянул Чхунсим со словами:

— Вот, возьми, это тебе на печеные каштаны. И попроси все же, чтоб нас пустили бесплатно, ладно? Ведь так и тебе лучше, и мне.

У господина наставника вошло в привычку, давая детям мелочь, говорить «на печеные каштаны», даже если на дворе стояло жаркое лето.

Чхунсим без дальнейших размышлений взяла двадцать чон на печеные каштаны и, поговорив с кем нужно, вскоре была за сценой.

Между тем наставник Юн купил красный билет низкой категории за пятьдесят чон. Пройдя внутрь, он занял лучшее место в первом ряду нижнего яруса, став, таким образом, первым зрителем в пустом зале.

Спустя некоторое время в помещение вошел джентльмен в европейском костюме лет сорока, лишь самую малость уступавший господину наставнику в расторопности, и тоже устроился в первом ряду. Отчего-то этот джентльмен от самого входа не отрываясь смотрел на господина Юна, и его интерес, казалось, только возрастал. Наконец мужчина пересел на соседнее с ним место. Несколько минут он сидел молча, тем самым выражая свое почтение господину наставнику, но его желание заговорить было настолько велико, что он, не выдержав, со всей возможной вежливостью заметил:

— В последнее время, я смотрю, концерты пользуются популярностью.

Однако наставнику Юну совсем не хотелось заводить бесполезные разговоры с незнакомцем, к тому же он знать не знал, что означает это слово «популярность».

— Да-а! — машинально ответил он, не прибавив ни слова.

Джентльмен в костюме немного помолчал в недоумении и снова заговорил:

— Интересно, сколько же нужно учиться, чтобы стать выдающимся артистом?

Наставнику Юну уже начинал надоедать этот любитель поговорить, поэтому он небрежно бросил:

— Кто его знает...

— Ха-ха, да будет вам!

— Что будет?... Я песни умею и люблю слушать, а не исполнять!

— Да быть такого не может! Если сам Ли Донбэк не умеет петь, то кто умеет?

Так вот оно что! Стало быть, мужчина принял его за известного артиста Ли Донбэка! Невозмож-

но передать словами, как в этот момент наставник Юн кипел от переполнявшего его возмущения. Запас его терпения на сегодня уже был исчерпан, и находишь господин наставник не в концертном зале, а у себя дома, он приказал бы выкинуть наглеца вон за ворота.

Впрочем, чего только не повидал на своем веку наставник Юн: ему и лезвие ножа приставляли к горлу, и направляли дуло пистолета прямо в грудь. Ему были хорошо знакомы и нравы нового времени: он знал, что приказы, бездумно раздаваемые налево и направо, могут обернуться и против него. Поэтому господин наставник заставил себя успокоиться и показал мужчине свой билет, тем самым подтверждая, что он тоже зритель. Тем не менее, к его величайшему удивлению, джентльмен в костюме не рассыпался в извинениях, а только покачал головой и произнес: «А, так вот оно что... Стало быть, я ошибся». Это вызвало у наставника Юна новый прилив негодования, но раз уж он решил терпеть, то и на этот раз молча подавил его.

И тут появился еще один человек в костюме. Да, сегодня господину наставнику явно не везло. Искусственный цветок на воротничке вновь вошедшего выдавал в нем билетера. Проходя мимо наставника Юна, он заметил, что тот сидит на белом месте, тогда как в руке у него красный билет. Вот если бы билетер не увидел этот красный кошель, то ему бы и в голову не пришло, что господин с такой благородной внешностью способен на нечто подобное.

— Это белая зона. Будьте добры, пройдите наверх, — вежливо обратился билетер к господину наставнику.

Но тот не знал таких новых обозначений, как белая зона, и поэтому указание подняться на второй этаж стало для него неожиданностью.

— Это ты мне велишь на второй этаж идти?

— Здесь белая зона, а у вас, как я вижу, нет соответствующего билета, поэтому вам следует пройти в красную зону, что на втором этаже.

— Ка-ак?! Это ведь билет низкой категории! Я у тебя же его и купил за пятьдесят чон! Вот, погляди-ка!

— Все верно. Как вы и говорите, это билет низкой категории. А вы сидите в высокой, поэтому, пожалуйста, пройдите вон туда, в низкую зону.

— Так это высокая категория? А та, что наверху, называется низкой?

— Да-а.

— Это как же так вышло? Верхний ярус называется низкой категорией, а нижний — высокой?! Впервые такое слышу за семьдесят лет жизни!

— И все же здесь, внизу, высокая категория, а там, наверху, — низкая.

— Погоди, это получается, мы не в Корее, а в Европе находимся? И оттого все наоборот?

— Ха-ха-ха, теперь везде так. Если вы все же желаете остаться, можете заплатить еще одну во-ну за место в белой зоне и наслаждаться представлением.

— Ну уж нет! Для меня это низкая категория, тут и буду смотреть!

Смущенный тем, что обладатель столь внушительных размеров и столь впечатляющей внешности ведет себя как избалованный ребенок, билетер решил уступить его капризам, и в итоге наставник Юн со своим красным билетом остался в белой зоне. В данном случае это упорство не бы-

ло его очередной уверткой от оплаты. Господин наставник действительно был уверен, что в Пумингване нижний этаж и является низкой категорией. По опыту он знал, что лучшие места находятся в первом ряду нижнего яруса (то есть, как он считал, низкой категории), откуда четко слышны слова песен, а каждое движение *кисэн* и артистов видно как на ладони; к тому же билет туда практически ничего не стоит. Исходя из такого понимания, господин Юн и в этот раз купил билет низкой категории и занял место на нижнем ярусе, которое, как оказалось, находилось в белой зоне и стоило в три раза дороже. Но благодаря то ли своей чрезмерной наглости, то ли своему упрямству, он настоял на своем и остался в белой зоне. Более того, в отличие от обыкновенных театров, где самые первые ряды относятся к низкой категории и поэтому там голытьбы набивается как сельди в бочке, а внушительные размеры наставника Юна, зажатого толпой, делают его объектом насмешек, сегодня на нижнем ярусе для высших слоев общества не было бедноты, и здесь можно было наслаждаться и солидным видом любителей музыки, и красотой *кисэн*.

С удовольствием досмотрев представление до конца, господин наставник отправил Чхунсим домой в Чхончжиндон пешком, а сам пошел к остановке трамвая. Но при мысли о том, что ему придется садиться в трамвай вместе с толпой остальных зрителей, а потом ждать автобус и, в довершение всего, выйдя на перекрестке Чэдон, взбираться в гору к району Кедон, ему стало не по себе. В общем-то с купюрой в десять *вон* можно снова проехать бесплатно, но вдруг как будто необъяснимый страх пронзил наставника Юна.

«А что я буду делать со всеми этими деньгами?» — мелькнуло у него в голове, и он, передумав, тут же поймал рикшу. В конце концов господин наставник оказался у ворот своего дома раздосадованный тем, что заплатил рикше лишних пять чон.

Обычно все ворота закрывались, включая боковые, которые запирались изнутри. Однако в этот раз они были распахнуты настежь. Что же касается больших ворот, то каждый раз, когда они оставались открытыми, господину наставнику казалось, что его состояние вытекает через них, не оставляя и следа, а его двор заполняют всяческие невзгоды, и поэтому их было строго запрещено открывать за исключением тех редких случаев, когда во двор въезжала большая повозка с дровами. Таково было строжайшее правило в доме наставника Юна. Посему большие ворота всегда запирались, и все без исключения, будь то стар или млад, господин или батрак, должны были пользоваться боковыми воротами, которые, впрочем, также надлежало плотно закрывать: ведь если бы ворота оставались открытыми, а сегодня случилось именно это, то попрошайки и прочие незваные гости могли беспрепятственно войти внутрь, что представляло собой немалую опасность. Разумеется, сколь бы долго они ни протягивали руку, им не подавали ни гроша, но с ними непременно приходилось ругаться, что было делом весьма утомительным. Именно поэтому открытые боковые ворота вызывали яростный гнев у наставника Юна, и он сразу же начинал выяснять, кто из бестолковых домочадцев совершил такую глупость.

Разозленный господин наставник втиснулся в крошечные боковые ворота, затратив на это столько усилий, сколько понадобилось бы вер-

блюду, чтобы пройти сквозь игольное ушко, и сразу же с грохотом захлопнул их. Навстречу ему выбежал слуга Самнам. Вид у него был несуразный: голова со светлыми курчавыми волосами напоминала голову теленка, не ходившего в ярме, к тому же она была такой большой, что и вовсе выглядела чужой. Глаза у него сильно косили, и, чтобы смотреть на кого-либо прямо, ему приходилось поворачивать голову в сторону, а из-за сильно вздернутого носа Самнам должен был во время дождя наклонять голову вниз. Юноше было двадцать лет, но, видимо, половина жизни прошла для него так быстро, что он не успел вырасти и выглядел лет на десять. Наставник Юн ценил Самнама очень высоко. Умную прислугу он никогда не нанимал, считая, что она склонна подворовывать. А все потому, что однажды, когда господин наставник еще жил в деревне, он уже обжегся, наняв сообразительного мальчика, и тот не упускал случая что-нибудь украсть. Самнам был сыном местного лесника и в округе слыл дурачком, за это наставник Юн и взял его на испытательный срок, по прошествии которого окончательно убедился в том, какой дар небесный ему достался. Конечно, временами из-за тугодумия Самнама с ним было крайне тяжело изъясняться, но зато на протяжении всего года он не то что монеты, спички не взял без спроса. К тому же он, будучи сыном лесника, не имел отвратительной привычки, характерной для его сверстников, просить жалованье за свой труд. Что и говорить, второго такого сокровища на всем белом свете не сыщешь.

Вот почему при виде глубоко кланяющегося Самнама господин наставник обычно бывал с ним

дружелюбен. Однако сегодня он был настолько зол, что обрушил весь свой гнев на того, кто первым подвернулся под руку.

— Эй, ты! Чья это паршивая рука оставила ворота раскрытыми настежь? А? — заорал он.

— Это не я! Госпожа только что вернулась, верно, она и не закрыла...

Госпожой в этом доме повелось называть его теперешнюю хозяйку, невестку наставника Юна.

— Ах так! Чтоб ее, паршивку! — выругался господин наставник на свою невестку.

Кого бы он ни бранил — будь то невестка, дочь, жена внука, ныне покойная собственная жена или давняя наложница, — у него вошло в привычку употреблять выражение «чтоб ее», подобно артиклю в европейских языках. Для мужчин же у него было припасено «разрази его гром»...

— Чтоб ее! Паршивка, и что она с утра до ночи ходит туда-сюда?

— Я не знаю!

— Ясное дело, откуда ж тебе знать, если я не знаю!.. Чтоб ее! Не иначе как мужу до нее нет дела, вот она и бесится, шляется туда-сюда!

— Наверняка так и есть!

Жаль, что у этой сцены не было посторонних свидетелей, иначе они бы хохотали от души.

Такую грубую манеру ругаться на всех без разбора — и на невестку, и на кого бы то ни было еще — можно было бы списать на дурной нрав господина наставника, однако на самом деле его грозная напыщенность была не более чем ширмой, подобной искусственному шелку или позолоченной заколке. Что же касается происхождения, гордиться господину Юну было нечем.

Пропади все пропадом,
кроме нас

Покойный отец господина наставника Юн Йонгю, из-за чрезмерно вытянутого лица получивший прозвище Лошадиная Голова, не был не то что помещиком, а даже мелким служащим в местном ведомстве никогда не числился. Это теперь отсутствие чиновнической должности, напротив, стало поводом для гордости, а в прежние времена, не обладая ни достаточными средствами, ни образованием для сдачи экзаменов, он только мечтать мог о том, чтобы получить пост хотя бы служащего библиотеки, коих сейчас так много.

Йонгю Лошадиная Голова до тридцати лет не накопил даже на *мангон** и поэтому неизменно носил одну и ту же плетеную шляпу из бамбука. Как завсегдатаю местного казино ему иногда перепадало немного с чужих выигрышей, и эти деньги он тут же пускал на карточные игры или рулетку, а если ему не везло ни в том, ни в другом, то он выжимал последние гроши из жены, которая, чтобы спасти от голода себя и маленького ребенка (речь идет не о ком ином, как о наставнике Юне), торговала вышивкой. В свободное от игр время Юн Йонгю спал подобно Со Дэсону**,

* *Мангон* — головная повязка из конского волоса, надевается на лоб для сохранения прически.

** «Спал подобно Со Дэсону» — так говорят о человеке, рожденном добиться больших успехов, но который бездельничает, ожидая своего часа. Со Дэсон, герой корейской повести середины XVIII века, в раннем возрасте потерял родителей и лишился всего. Скитаясь вместе с бродягами, он встретил старого учителя, который обучил Дэсона воинско-

будь то день или ночь... И так провел он полжизни. Впрочем, надо отдать Юн Йонгю должное, он слыл настоящим храбрецом, хотя и был полным невеждой.

Так или иначе, Юн Йонгю, очевидно, родился под счастливой звездой, ибо однажды ему как снег на голову свалилось двести *лян*^{*}, а по столичным деньгам выходило в десять раз больше. По тем временам этого было достаточно, чтобы считаться большим богачом. Всякое поговаривали: и что он выиграл эти деньги в казино, и что его жена получила наследство от дальнего родственника, и что их нечистая сила принесла — словом, откуда они взялись, никто не знал. Это сейчас, если какой бедняк разбогател в одночасье, наша бдительная полиция проверяет, откуда взялось богатство, а тогда, шестьдесят лет назад, никто и словом не обмолвился, даже невзначай. Лишь завидовали, придя к заключению, что деньги эти не иначе как дело рук нечисти.

Как бы то ни было, с того дня Йонгю Лошадиную Голову будто подменили: в казино он больше не появлялся, а на эти деньги купил поле, занялся мелким ростовщичеством и начал предоставлять ссуды под пятьдесят процентов годовых. Словом, в мгновение ока он стал важным господином. Его состояние росло и росло, как будто он и впрямь с нечистой силой повелся, и к концу жизни со сво-

му искусству. В конце концов он стал правителем им же основанного Северного государства.

^{*}*Лян* — мера веса и денежная единица, появившаяся в Китае в период правления династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) и проникшая в другие регионы Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Корею. Серебряные слитки, вес которых измерялся в *лянах*, служили валютой. Корейский лян равен 37,5 грамма.

их владений он ежегодно получал три тысячи сок* риса.

У наставника Юна (за свое внешнее сходство с жабой получившего прозвище Жаба Юн) с детства проявился талант к ростовщичеству, и к двадцати годам он уже помогал отцу, благодаря чему им удалось сколотить состояние.

В 1903 году наставник Юн в полном объеме унаследовал владения отца и в течение последующих тридцати лет шаг за шагом только приумножал семейное богатство.

Если посмотреть его учетные записи десятилетней давности, когда он вместе с семьей переехал в Сеул, господин наставник уже тогда получал чистых десять тысяч сок риса в год, и теперь на его счете в банке хранилось около ста тысяч вон. Так что, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что он во многом превзошел своего отца.

Надо признаться, это окропленное кровью состояние стоило им куда дороже, чем кажется на первый взгляд. Несмотря на то что в те темные времена занятие разными формами ростовщичества было весьма прибыльным делом, а местная бюрократия лишь способствовала приумножению богатства, и отцу, и сыну, сколотившим такое состояние всего за два поколения и успешно управлявшим семейным хозяйством, не раз приходилось иметь дело с алчным губернатором, который без какого-либо объяснения бросал их за решетку, где их избивали палками и вымогали у них деньги. А сколько раз налетчики, угрожая оружием, отбирали их имущество! В довершение

* Сок — корейская мера веса, примерно равная 200 кг риса посевного или 144 кг рисовой крупы.

всего, Йонгю Лошадиную Голову настигла смерть от рук шайки грабителей.

Воспоминания о тех днях и сейчас заставляют наставника Юна содрогнуться, а перед его глазами нередко возникают распростертое на полу тело безвременного ушедшего отца и объятый пламенем амбар, до краев наполненный зерном.

Это случилось в марте 1903 года, в роковой пятнадцатый день по лунному календарю, и с тех пор в этот день поминают Йонгю Лошадиную Голову.

Жаба Юн Дусоп, то бишь господин наставник в молодые годы, до ночи занимался учетом получаемых и выдаваемых в кредит денег, отпускал рис (разумеется, под высокий процент) то и дело приходившим арендаторам, которые по весне испытывали затруднения с зерном, ухаживал за прикованным к постели отцом, словом, в одиночку управлялся с огромным хозяйством, и потому часто не мог сомкнуть глаз до полуночи. Однажды он вдруг почувствовал, что его будят, потряхивая за плечо, и, испуганный встревоженным шепотом жены, вскочил с постели.

Уже не раз наставнику Юну приходилось сталкиваться с бандитами, и поэтому его тело, не дожидаясь сигнала спящего мозга, среагировало на опасность в точности как тело военачальника, которое безошибочно действует на поле боя, даже когда рассудок его хозяина замутнен.

Правду сказать, волнение, тревога и страх в то время царили в доме Юнов и днем и ночью, ни на секунду не давая расслабиться ни телу, ни душе. Казалось, что вся семья ходит по тонкому льду.

В комнате была кромешная тьма. Молодой Жаба Юн, схватив по пути чем прикрыться, по-

лусогнувшись прокрался к боковой двери, очерченной проникавшим снаружи лунным светом. Жены он не видел, но слышалось ее прерывистое дыхание, и через мгновение ее дрожащая рука коснулась его запястья.

— Быстрее! Быстрее! — поторапливала она, но ее голос заглушили удары то ли прикладом, то ли дубиной по воротам.

Собравшийся было бежать Жаба Юн на миг остановился и повернулся к жене с вопросом:

— А как же отец?

— Не знаю... Но... Ох, быстрее же, быстрее!

Жена, тяжело дыша, схватила мужа за руку. Конечно, она бы не смогла увести его силой, но тот уже сам бросился к боковой двери, распахнул ее ногой и выскочил наружу. Не успев обуться, он босиком пробежал весь двор, одним махом перепрыгнул через высокий забор, припал к земле и, прячась, будто фазан, пополз по борозде ячменного поля, простиравшегося вдоль дороги. С того момента, как его разбудила жена, прошло не более пяти минут.

Между тем прыжок через забор стоил Жабe Юну подштанников, не подвязанных поясом и посему слетевших, когда он перемахивал через ограду, поэтому по полю он полз уже голышом. В это самое время у дальнего угла дома показались две темные фигуры: у одной на плече было ружье, а вторая сжимала в руках дубину. Это были бандиты, специально поставленные для того, чтобы ловить спасающихся бегством через ограду. Что и говорить, Жабe Юну несказанно повезло: эти двое его не заметили, а сам он даже не подозревал, какой опасности подвергался, перепрыгивая через забор, и лишь продолжал ползти.

Попадись он им на глаза, они бы попробовали его догнать и схватить, а если бы им это не удалось, то начали бы стрелять из своего похожего на кочергу фитильного ружья, хотя было понятно, что привыкшие работать тяпками и вилами налетчики вряд ли попали бы в удирающего по полю человека, к тому же при скудном свете луны.

Долго ли, коротко ли, Жаба Юн голышом пересек поле и скрылся в сосновом лесу, а затем стремительно, одним прыжком, взобрался на невысокий холм и наконец почувствовав себя в безопасности, опустился на землю перевести дух.

Когда имеешь дело с бандитами, самое мудрое — это бросить все и бежать, не думая ни о чем, спасая собственную жизнь, ибо они, забравшись в дом, первым делом избивают хозяина и всех взрослых мужчин до полусмерти. Так что, попав к ним в руки, прежде всего жди побоев. За избием следует вынос имущества, и любой неверный шаг может стоить жизни. Сколько человек попало, столько и разделяют одну и ту же участь. Посему негласным правилом для всех было сразу же спастись бегством, ни на минуту не задумываясь ни о родителях, ни о детях. Даже если бы сын, зная, какая участь ожидает отца, и решил бы сопротивляться, у него все равно не было бы шансов: бандитов всегда больше, к тому же они вооружены, а убить человека для них все равно что прихлопнуть муху. И той ночью Жаба Юн, хотя сразу же подумал об отце, прежде всего обеспокоился спасением собственной жизни, ибо ему самому угрожала не меньшая опасность.

Шестидесятилетний Йонгю Лошадиная Голова, тело которого изнывало от побоев палками в

камере, откуда его только вчера освободили, и не думал о спасении. Он лишь приподнялся на своем ложе и включил прикроватный светильник. Он понимал, что без насилия не обойдется, и раз уж расклад таков, то он решил не сдаваться без боя.

Один из грабителей перемахнул через забор и открыл засов ворот изнутри, чтобы остальные могли беспрепятственно войти.

— Смотрите, чтоб ни одна тварь не сбежала! — приказал главарь двум бандитам, поставленным на караул у ворот. — Если кого увидите — стреляйте!

Отдав указания, главарь направился прямо в хозяйскую комнату. Тем временем другой бандит вошел во внутренние покои дома. Судя по тому, что обычно заходящиеся свирепым лаем собаки в этот раз не издали ни звука, а лишь изредка жалобно поскуливали, можно предположить, какого страху на них нагнали налетчики.

— Не смейте трогать женщин и детей! — строго приказал главарь на подступе к дому, окидывая взглядом своих соумышленников, на что те в один голос ответили:

— Ясно!

Это правило было отличительной чертой разношерстной шайки, забравшейся сегодня ночью в дом Юнов. И хотя ее члены выглядели один нелепее другого: крестьяне — кто в бамбуковых шляпах, кто с тряпичными повязками на головах, — совсем еще юнцы с заплетенными в косы волосами или же старики и прочий сброд, во всех своих грабежах они твердо придерживались одного правила: не трогать женщин и детей. С тем же, кто нарушал его, главарь расправлялся без промедления.

Зайдя в хозяйские покои, он приказал одному из бандитов раздвинуть внутреннюю дверь, запрыгнул на деревянный настил и тут внезапно натолкнулся на решительный взгляд Йонгю Лошадиной Головы, насквозь сверлящий вошедшего. От неожиданности бандит отпрянул назад. Он не мог поверить, что в этой критической ситуации Юн Йонгю не только не попытался убежать, но и осмелился так вызывающе смотреть на него, как бы говоря: «Ну, заходи, коли пришел».

Более того, на исхудалом больном лице седовласого старика, не спускавшего своего страшного взгляда с бандита, играл тусклый свет масляной лампы, и это делало его похожим на демона. От этого взгляда главарю стало не по себе, и кто знает, не отступил бы он, не будь у него за спиной десятка готовых к бою сподручников с ружьями, ржавыми ножами, дубинами и топорами.

— А-а-а, так ты тут ждешь! — угрожающе проговорил главарь, оправившись от оцепенения.

Йонгю Лошадиная Голова уже не раз сталкивался с этими бандитами, так что они были знакомы. Та же шайка забиралась в дом Юнов около месяца назад. Тогда налетчики взяли триста *нян** деньгами, какое-то количество ценных бумаг, женские украшения и в придачу увели корову, поэтому они хорошо запомнили хозяина. Сам же Юн Йонгю смог опознать лишь лицо главаря, но и его одного он успел возненавидеть лютой ненавистью, и оттого вместо страха Лошадиная Голова испытывал вскипающую изнутри ярость, а осознание неизбежности столкновения только придавало ему решительности.

* *Нян* — официальная денежная единица Кореи в период с 1892 по 1902 гг.

— Юн, собака, слушай! — начал главарь угрожающим тоном, не отрывая взгляда от Йонгю, безмолвно сидящего на кровати. — Это ты сдал моего человека властям? И после этого надеешься, что сможешь избежать расправы? Отвечай же, ты это сдал?

— А как же, пошел в полицию и сам обо всем рассказал! А ты как думал? — хрипло ответил Йонгю, и в его глазах сверкнул злобный огонек. — Да, именно так, все-все рассказал. А ты что же? Набрал шайку головорезов, грабишь порядочных людей и этим живешь! Думаешь, ты уйдешь от расправы? У-ух, стервец! — старик все повышал и повышал голос. — Да ты ведь долго не протянешь, мерзавец! Уж недалек тот день, когда и тебе снесут голову! — Йонгю так кричал, что чуть не сорвал голос.

Если вдуматься в сказанное, то эта последняя вспышка ярости перед надвигающимся концом стала не чем иным, как пророчеством, в нем звучала уверенность, что угнетенные в будущем восторжествуют, а угнетатели получают возмездие.

Юн Йонгю, несмотря на свое невежество, все-таки чувствовал, что властелином грядущего мира скоро станут деньги. Поэтому его пророчество касалось не только грабителей; оно относилось и к губернатору — циничному и расчетливому вымогателю, — и ко всем другим угнетателям, даже если сам Юн Йонгю этого и не осознавал.

— Ах вы, сволочи! Думаете, ночь сто лет будет длиться? Посмотрим, как вы запоете, когда день наступит! — продолжал сыпать угрозами разъяренный Юн Йонгю.

— Глупец, не трать слова попусту! — с грустью в голосе усмехнулся главарь.

Громкие голоса разбудили батрака, что спал в дальнем углу комнаты. Оглядевшись по сторонам и поняв, что происходит, он, затрясая от ужаса и попытался забиться в угол еще глубже.

В этот момент один из бандитов, вошедших в дом, приблизился к главарю. На дуле его ружья болтались белые подштанники.

— Командир, сын хозяина сбежал.

— Сбежал? А это что у тебя?

— А это валялось у ограды с той стороны. Стало быть, он потерял подштанники, перепрыгивая через забор. Видать, выскочил прямо из постели, не успев даже поясом подвязаться.

Несколько грабителей, представив описываемую сцену потери подштанников, захихикали.

— Болваны! Как вы могли проворонить?!

Главарь покачал головой и, указывая на батрака, трясущегося в дальнем углу комнаты, спросил:

— А может, это его сын, а сбежал кто-то другой?

Жаба Юн еще ни разу не попадался этой банде, и поэтому главарь не знал, как он выглядит.

Уловив в словах главаря приказ, один из бандитов кинул пристальный взгляд в угол:

— Нет, это батрак.

— Тыфу... Что ж, ничего не поделаешь... Не расслабляться и не трогать ни ложки, пока я не скажу!

— Ясно... Командир, тут есть бочонок с хорошим вином... А еще свиньи и куры, как раз на обед...

Несмотря на то что тот год, в отличие от позапрошлого, не был голодным, для вставших на путь грабежа было бы кошунством не заметить спиртного и мяса в доме.

Главарь снова повернулся к старику и сказал:

— Юн, мразь, слушай... Сегодня мы пришли не за твоим имуществом, а... к тебе по делу... Согласен выслушать или нет?

Йонгю, внимательно смотревший на главаря, пока тот говорил, отвернулся, как только он замолк.

— Ну так что? Нет, значит?

— Чтоб я бандита стал слушать?! Вот еще! Да я б вас всех порезал на мелкие кусочки, лишь бы не слушать!

Из своего богатого опыта столкновений с грабителями Йонгю знал, что хоть ползай перед ними на коленях, соглашаясь на все и моля о пощаде, хоть в открытую бросай им вызов — все равно в итоге и побоев не избежишь, и имущества лишишься. Поэтому, будучи уверенным, что ему не избежать этой участи, старик с самого начала и не думал их ни о чем умолять. Напротив, он презирал главаря и всю его шайку настолько, что охотно перерезал бы их всех до единого.

Около месяца назад, когда та же банда ночью забралась к нему в дом, Йонгю увидел среди грабителей кого-то знакомого. Оказалось, это его арендатор Пак, живший неподалеку.

— А, так это ты!

Лошадиная Голова никак не мог понять, что он такое сделал, из-за чего Пак его вдруг возненавидел. И вот человек, живущий и работающий на его земле, вместе с другими бандитами забирается в дом своего арендодателя! От негодования глаза Йонгю загорелись яростным огнем, а сердце забилося с такой силой, что едва не разорвало грудь.

На рассвете следующего дня Йонгю собственной персоной отправился в управление. Надо ска-

зять, грабили его часто, поэтому его лицо уже примелькалось тогдашнему губернатору Пэку Ёнгю, ему-то пострадавший и подробно изложил, что произошло, как и когда, особое внимание уделив участию в ограблении арендатора Пака, и выразил надежду, что, поймав одного, можно будет выйти на всю банду.

Однако Пэк решил иначе. Он все выслушал и пообещал поймать Пака, но при этом добавил: раз ты, Юн, так хорошо знаешь бандита, то и сам, стало быть, замешан, потому допрашивать будут вас обоих. А так как на Пака еще не вышли, Лошадина Голова был первым заключен под стражу.

В самом деле, зачем нужна справедливость или хотя бы доброе имя человеку, все усилия которого направлены на то, чтобы сфабриковать ложное обвинение и хитростью заполучить чужое имущество? Говорят, когда-то французский король Людовик XIV произнес знаменитую фразу: «Государство — это я». Так и в Корее один из правителей при допросе обвиняемого задал ему вопрос: «Как щебечет воробей?» Если бы тот ответил: «Чик», его бы казнили; ответь он: «Чирик» — исход был бы тем же; ничего бы не изменилось и при ответе: «Чик-чирик».

В то время губернатор был полновластным правителем на вверенной ему территории, любая прихоть которого безукоризненно исполнялась. К тому же его больше интересовало выколачивание денег из помещиков, нежели поимка преступников.

Итак, обведенный вокруг пальца Ёнгю Лошадина Голова был брошен в камеру. В тот же день к нему присоединился тот самый Пак. Допрашивали тем не менее, каждого по-своему. У Пака выпытывали имена главаря и членов шайки,

а также их местонахождение. Он признался, что состоял в банде, но обо всем остальном держал рот на замке и не обмолвился больше ни словом, несмотря на то что ему поломали ноги так, что белые кости торчали наружу.

От Йонгю же требовали признания в сговоре с бандитами и в том, что он делился с ними имуществом и снабжал их едой. По свидетельству Пака, выходило, что Юн-старший был связан с бандой, и если он откажется чистосердечно во всем признаться, то его передадут властям более высокого уровня с последующим обезглавливанием.

Нечего и говорить, что подобные голословные обвинения были наглейшей клеветой. А молодой Жаба Юн тем временем, не получив каких-либо указаний, трудился без сна и отдыха, раздавая взятки, чтобы выгащить отца.

Сумма в тысячу *нян*, два раза по пятьсот, досталась губернатору Пэку Ёнгю, еще тысяча *нян* ушла на взятки мелкому звену: начальнику канцелярии, канцеляристам судейской палаты, тюремным надзирателям, посыльным и даже глашатаям при уездном начальнике. Таким образом на взятки ушло две тысячи *нян*. И вот, спустя примерно месяц, ранним утром Йонгю Лошадиную Голову, всего в гнойных ранах от побоев, усадили в паланкин и доставили из тюрьмы домой.

В свете всего случившегося можно лишь догадываться, какую ненависть к бандитам и губернатору Пэку Ёнгю испытывал сейчас Юн Йонгю, сидя на кровати.

Ненависть ненавистью, а губернатору все легко сошло с рук. Лошадиная Голова же только и думал о том, как отомстить грабителям, и вот по воле судьбы они снова забрались к нему в дом.

И желание растерзать их в клочья объяснялось вовсе не его бесчеловечностью, а событиями недавнего прошлого.

Бандиты же ненавидели Йонгю Лошадиную Голову за то, что тот сдал Пака, не меньше, чем он их. И хотя Пака после поимки сурово пытали, он не выдал ни главаря, ни остальных грабителей, и это было расценено как высшее благородство с его стороны. Такая стойкость и верность не могли не вызвать восхищения у банды. Поэтому первым делом они решили во что бы то ни стало вызвать его из заключения, месть же Юну-старшему была отложена на потом. Если бы не этот план, то они бы без промедления сделали все, зачем пришли, и убрались восвояси.

* * *

Главаря охватила неопишуемая ярость, оттого что ему приходилось выслушивать проклятия старика Юна, который все больше распалялся и трясся от злости.

— Ты что, не хочешь даже слушать? — переспросил главарь, свирепо вращая глазами.

Но Юн без промедления ответил:

— Не трать слова зря!

— А ты не будь таким упрямым! — процедил главарь сквозь зубы и смерил Йонгю долгим взглядом. Но затем, понизив тон, снова принялся уговаривать: — Тебе же некуда деваться. Не спеши с ответом, от тебя требуется всего три тысячи нян на взятку. Ведь и тебя бы без взятки не выпустили, разве нет? Значит, тебе следует вытащить и моего подопечного, который по твоей же вине и попал за решетку. Конечно, мне б самому надо за-

няться этим делом, а не тебя заставлять, но у меня нет на руках трех тысяч мян, а чтобы их достать, нужно обчистить с десятков таких, как ты. Сам посуди, это ведь дело долгое. К тому же, если я стану взятки давать, это большой риск. Вот и выходит, что кроме тебя некому этим заняться. Через несколько дней его передают провинциальным органам власти, так что нужно поторапливаться, — закончил главварь чуть ли не умоляющим хриплым голосом.

Дело было за ответом Йонгю, который, впрочем, все это время сидел, отвернувшись и делая вид, что не слышит бандита.

Реакция старика вызвала очередной прилив ярости, от которого у бандита поначалу беззвучно зашевелились губы, а потом он сорвался на крик:

— Ну так что? Отвечай, сделаешь или нет?..

— Нет, не сделаю! — прокричал Йонгю столь же громко. — Я только и молюсь о том, чтоб вас всех переловили и поперевешивали! Вот одного уже схватили. А чтоб я свое имущество на взятки тратил ради его вызволения?! Слыхали? Скорее небо упадет на землю, чем я соглашусь на такое!

— Это твое последнее слово?

— Да, последнее! — отрезал Лошадиная Голова. Он был твердо уверен, что плакало его имущество, и ему самому не миновать расправы, но на своей территории он все же мог дать негодьям отпор, что во сто крат лучше, чем тратить три тысячи мян на вызволение одного из них. К тому же его рисовых полей им все равно не унести.

— Значит, не согласен? — уже через силу выдавил из себя главварь.

— Я скорее сдохну, чем соглашусь!

Не успел Йонгю закончить, как главать, оглянувшись назад, приказал:

— Вытаскивайте его!

От толпы бандитов, стоявших все это время за спиной главаря, отделились четверо, вместе подошли к кровати и начали бесцеремонно вытаскивать из нее старика. В этот момент распахнулась задняя дверь, и в комнату, неистово вопя и причитая, влетела его растрепанная жена. Она подбежала к мужу и вцепилась в него мертвой хваткой.

Несмотря на яростное сопротивление Йонгю, бандиты оттащили его к двери. Да и что он мог сделать, когда его держали четыре человека. И все же Йонгю каким-то образом удалось ухватиться за ружье одного из них. С ружьем в руках это уже был не тот шестидесятилетний побитый старик. Лошадиная Голова вдруг ощутил новый прилив сил и что было мощи рванул ружье так, что оно, как засов, встало поперек в дверном проеме, зацепившись за раму с обеих сторон, а ногами старик уперся в порог. И как ни тащили его бандиты за волосы, собранные в пучок, и сколько ни тыкали дубинками, он издавал лишь рычащие звуки, но не сдвинулся с места. Главарь, не желая больше наблюдать столь омерзительную сцену, выхватил дубинку из рук оказавшегося рядом подельника и, метя в правую руку Йонгю, сжимавшую ружье, нанес удар. Но в дверном проеме создалась такая теснота, что дубинка пролетела мимо руки, и удар пришелся по голове старика.

— О-о-о-ох! — издал он вздох и осел на пол. Из раны брызнула кровь.

Его жена закатила глаза и закричала:

— Батюшки, убивают! Скоты, убейте тогда и меня!

В тот момент и жизнь, и смерть для нее были равны: она схватила главаря за руку и впилась в нее зубами. Между тем потерявший от удара сознание Йонгю очнулся. Он не знал, зачем бандиты хотели вытащить его за дверь, но понимал, что в любом случае к добру это не приведет, и поэтому сопротивлялся изо всех сил. Сильный удар дубиной повалил его на пол, и, когда его затуманенного сознания достиг крик жены: «Убивают!», он и вправду подумал, что ему пришел конец. И тогда старый Юн, рассвирепев, решил, что, раз уж ему все равно не жить, то просто так он не дастся. Он резко встал, схватил попавшийся на глаза нож и начал яростно им размахивать. И тут бандиты пошли на то, на что никогда еще не решались: один из них ударил не просто женщину, а престарелую жену Йонгю. Он не знал, что она до того вцепилась зубами в руку главаря, а видел лишь продолжение эпизода, когда главарь уже схватил ее за волосы и с силой дергал из стороны в сторону.

Разумеется, даже с оружием в руках и с решимостью стоять не на жизнь, а на смерть у умирающего старика не было шансов против дюжины ружей, дубинок, ножей и топоров. В итоге он получил удар топором по затылку и снова упал. Глаза главаря загорелись от ярости, ибо у него не было намерения убивать старика. Не то чтобы у него рука не поднялась расправиться с ним, но Йонгю был нужен ему живым. Главарь хотел взять старика в заложники и таким образом заставить семью Йонгю выполнить его требования — так когда-то делали в Маньчжурии.

— Подожгите амбар с зерном! — грозно приказал он бандитам, окинув взглядом окровавленное тело старика на полу.

Вскоре над амбаром взвилось яркое пламя, так и норовившее пронзить небо. Завидев его, сбежались соседи и начали спешно тушить пожар. Тогда же вернулся из укрытия и нагой Жаба Юн. Разумеется, к тому времени бандитов и след простыл.

Юн-младший, припав к окровавленному телу отца, со всей силой ударил кулаком о пол и простонал:

— Чтоб этот треклятый мир рухнул к ядерной матери! — Потом решительно встал и, сдерживая слезы и скрипя зубами от негодования, проревел: — Да пропади все пропадом, кроме нас!

Это страшное проклятие тоже стало пророчеством.

* * *

Таково было потрясение, пережитое наставником Юном в молодости. Поэтому неудивительно, что каждый раз, когда ему приходилось тратить хотя бы малую частицу этого окропленного кровью имущества, нажитого ценой таких жутких страданий и переживаний, теперешнего господина наставника бросало в дрожь в буквальном смысле слова. И дело тут даже не в том, что для него имело значение, какая сумма и каким образом была накоплена. Он бы даже зашелся в праведном гневe, если бы кто-нибудь назвал его эксплуататором.

Он честным трудом заработал свое богатство. Да, эпоха предоставила ему хороший шанс. Но какое отношение к этому имеют арендаторы, земщики, взявшие рис взаймы, и прочие должни-

ки? Хотя пора взятия Бастилии давно миновала, наставник Юн все же ощущал сходство недавнего прошлого, полного потрясений, с теми далекими временами, и если сегодня, сидя на горе добра, ради сохранения которого была пролита родная кровь, он вдруг вспоминал о великом спокойствии новой эпохи, его лицо расплывалось в широкой довольной улыбке.

Говорят, человеческая натура такова, что, получив коня, человеку сразу же хочется иметь коновода. С наступлением новой эпохи суматошный мир канул в прошлое, но тут Жабу Юна начало заботить его незнатное происхождение, хотя богатству его можно было только позавидовать.

Конечно, Жабе Юну и раньше приходилось иметь дело с «молодежью в европейских костюмах» или, как ее еще называли, «молодежью с револьверами».

Но вот однажды в конце 1919 — начале 1920 года, а точнее, в один из дней декабря 1919-го, когда площадь его рисовых полей должна была уже достигнуть вожделенных размеров в пять тысяч пхён, Жаба Юн ожидал продавца земли, заготовив в доме четыре тысячи *вон* наличными для оплаты. И тут произошло такое, чему и нечистая сила удивилась бы, а Юн-младший просто дар речи потерял: как будто заранее зная об этом, два «щеголя» среди бела дня пришли к нему в дом и забрали все четыре тысячи *вон*. В тот день Жаба Юн расстался с деньгами, не издав ни звука: черное бездонное отверстие ледяного дула, направленного в грудь, было совсем близко, и на этот раз владыка царства мертвых его помиловал.

В прежние времена бандиты обычно забирались по ночам, ломая ворота. И при удачном сте-

чении обстоятельств можно было вовремя унести ноги. Тут же они торжественно прибыли средь бела дня как дорогие гости и приставили ствол в упор, так что ничего иного ему не оставалось. Обреченно отдав четыре тысячи *вон*, растерянный Жаба Юн в удручении опустился на пол и какое-то время просидел, не двигаясь, но вдруг его взгляд зацепился за небольшой листок бумаги, лежавший неподалеку. Это была расписка от бандитов о том, что они получили деньги.

— Ого! Мир становится цивилизованным, а вместе с ним и бандиты! Вон аж расписку выдают после ограбления!

В течение шести дней после этого Жаба Юн не мог ни есть, ни спать: два дня он провел, сожалея об отданных четырех тысячах *вон*, и еще четыре — в беспокойстве по поводу того, что мир возвращается в те времена, когда бандиты разгуливали практически безнаказанно.

После того случая те же незваные гости несколько раз навещали Юна-младшего, но уходили уже без добычи: с того злополучного дня он не хранил дома ни монеты.

Если, живя в деревне, имеешь много денег, то тебя постоянно донимают требованиями заплатить налоги, просьбами во что-нибудь вложить капитал, а нищие родственники так и норовят поживиться за твой счет. Все это доставляет немалое беспокойство, а тут еще эти пройдохи в европейских костюмах не дают покоя. Поэтому в конце концов Жаба Юн собрал семью и переехал в Сеул. Жизнь стала спокойнее, но теперь нового сеульчанина удручало отсутствие подобающей родословной, и делом всей жизни для него стало облагораживание своего клана, для чего он зарабо-

тал программу действий, состоящую из четырех этапов.

Во-первых, он приукрасил свое происхождение, найдя среди отошедших в мир иной родственников подходящих для этой цели людей. Затем под его чутким руководством в генеалогические таблицы было вписано, что один из них числился заседателем государственного совета, другой — министром, третий слыл почтительным сыном, четвертый женился на добродетельной женщине и т. д. Таким образом, потратив всего две тысячи вон, Юн Дусоп без особых усилий обзавелся новой родословной. Но сколь бы внушительно она ни выглядела, это было всего лишь украшение, чтобы радовать глаз, но сама по себе она не имела никакой ценности. Он так и остался Жабой Юном, сыном Юна Лошадиной Головы, или просто Юном Дусопом, отпрыском шулера Юна Йонгю. Ему недоставало аристократизма, как жаждущему в пустыне — воды.

Говорят, если носителя фамилии Син постоянно называть обезьяной*, то однажды он, сходя в зоопарк и посмотрев там на далеких предков человека, обнаружит между ними и собой немалое сходство. Точно так же, если бы кто-нибудь, желая угодить Жабке Юну и таким образом получить должность управляющего помещьем, выучил бы его новую родословную наизусть и по несколько раз на дню обращался бы к нему: «достопочтенный Юн Дусоп, потомок такого-то заседателя государственного совета в таком-то поколении» или «достопочтенный Юн Дусоп, такой-то потомок такого-то министра», это генеалогическое

* Иероглиф, используемый для записи фамилии Син, кроме того, означает «обезьяна».

древо обрело бы некое правдоподобие, да и адресату, безусловно, радовало бы слух, только откуда взяться такому сообразительному и в то же время безразличному к реальности человеку? А то еще можно было бы заказать известному эстрадно-му исполнителю запись пластинки с положенной на музыку родословной и проигрывать ее изо дня в день.

Впрочем, оказалось, что пользы от новой родословной не так уж много, и поэтому следующим этапом стало получение государственной должности.

В то время еще не исчезли *хянгё** — специальные образовательные учреждения, в которых читали Конфуция, Мэн-цзы и других конфуцианских мудрецов далекого прошлого. По весне и осени в них совершали жертвоприношения, забивая корову или свинью. Должность главы такой школы носила название «старший наставник».

Прежде старший наставник избирался местными жителями из числа наиболее образованных и высоконравственных конфуцианских ученых деревни, но с тех пор как управление финансовыми и прочими вопросами *хянгё* передали в руки уездных канцелярий, все изменилось. Теперь там появилось множество чиновников не столь высокого ранга, и тот, кто платил большие налоги и мог пожертвовать им земельный надел или предложить поместье в управление, имел большой шанс стать старшим наставником в *хян-гё*. Для Жабы Юна, у которого не было ни единого шанса сдать экзамены на чиновничью должность

* *Хянгё* — провинциальное учреждение в эпоху Чосон (1392—1897), одновременно служившее и конфуцианским храмом, и школой.

и стать государственным служащим, а о поступлении в почетный караул королевских могил он даже думать не хотел, чин старшего наставника хянгё был единственным возможным вариантом. Так Юн Дусоп стал главой конфуцианской школы. Вскоре, в том числе стараниями домочадцев, при обращении к нему вместе с фамилией начала звучать и его новая должность.

Три года после этого прежний Жаба Юн и теперешний господин наставник исправно выполнял свои обязанности: по два раза в год — весной и осенью — он прибывал в хянгё и с помощью команд «поклон» и «прямо» проводил церемонии поклонения Конфуцию, Мэн-цзы и прочим мудрецам, каждый раз гадая, кто из них сильнее.

Речь о том, что вопрос «Кто кого победит: Конфуций Мэн-цзы или Мэн-цзы Конфуция?» стал излюбленной забавой наставника Юна, которую он сам же и придумал. Начало этому развлечению было положено однажды летним днем, когда господин наставник появился в хянгё и, подойдя к группе ученых, сосредоточенно декламировавших стихи о родной природе, задал им свой вопрос:

— А как по-вашему, если бы достойные мудрецы Конфуций и Мэн-цзы состязались в борьбе на руках, то кто бы выиграл?

От неожиданности те не знали, то ли смеяться, то ли плакать, и лишь беззвучно открывали рты. Словом, так никто и не смог утолить любопытство наставника.

А по прошествии трех лет, в течение которых наставник Юн заправлял конфуцианскими церемониями в хянгё, он оставил этот пост и переехал в Сеул. Однако почетный титул наставника, равно как и загадка, кто выйдет победителем в борьбе

на руках — Конфуций или Мэн-цзы, — остались с ним на долгие годы.

Следующим, более серьезным шагом на пути обновления семейной родословной стал поиск путей породниться с благородным семейством. Единственный сын наставника Юна, пятидесятилетний Чхансик, если не считать сына от наложницы, не годился для этого, так как он уже был женат на дочери мелкого провинциального служащего. Поэтому ставка была сделана на дочь, которая в итоге вышла замуж за одного сеульского аристократа.

Оказалось, что новые родственники прозябали в нищете, влача жалкое существование в покосившейся хижине, а через год после свадьбы новоиспеченный зять погиб, попав под трамвай, и молодая вдова вернулась в родительский дом. Тем не менее этот недолгий брак укрепил принадлежность клана Юнов к аристократическим кругам. Но господин наставник на этом не остановился и для своего старшего внука нашел невесту в провинции Чхунчхондо. Ею стала девушка из небогатой, но принадлежавшей к высшему сословию семьи Пак. Второго внука он выдал за девушку из сеульского клана Чо, издавна обосновавшегося за Церемониальными воротами*. Поговаривали, что она приходилась то ли тридцатисеми, то ли тридцатидевятиюродной родственницей королевы Синджон**. Уж точно не из семьи торговца капустой. В результате наставник Юн об-

* Церемониальные ворота — одно из названий Малых Южных ворот, через которые проходили похоронные процессии.

** Королева Синджон (1809— 1890) — мать двадцать четвертого правителя Кореи Хонджона.

завелся тремя сватами из высшего сословия, таким достойным образом на порядок повысив свой статус.

Наконец, последний, самый важный, шаг должен был стать и самым дорогостоящим. Он заключался в том, чтобы сделать ближайших членов семьи истинными влиятельными аристократами: одного — уездным начальником, другого — полицеймейстером. Благо наставник Юн как раз имел двух внуков. Конечно, провинциальный начальник куда лучше уездного, а комиссар полиции во сто крат серьезнее полицеймейстера, но такие амбиции были бы сродни желанию наесться досыта с одной ложки, поэтому до поры наставник Юн решил придерживаться первоначального плана.

5

Дебри души

Итак, по возвращении из столицы с концерта господин Юн, не преминув заодно осыпать бранью всех и вся на подходе к дому, первым делом обрушил на голову бесценного Самнама последние сквернословия в адрес невестки Ко, чтоб ее, и только после этого, почувствовав некоторое облегчение и вспомнив о голоде, он снял верхнюю одежду и прошел в главные покои. Там господин наставник вальяжно опустился на циновку, покрывавшую теплый пол, и вытянул ноги так, что занял собой практически все помещение. Тут же появилась невестка Чо, жена его второго внука Чонхака — того самого, который должен был

стать полицеймейстером и посему изучал право в одном из частных университетов Токио, — и осторожно поставила перед ним столик с ужином, сервированный разнообразной фарфоровой посудой.

Несмотря на то что невестка Чо происходила из знатного рода, до замужества жила в Сеуле у самих Церемониальных ворот и даже слыла то ли тридцатисеми-, то ли тридцатидевятиюродной родственницей королевы Синджон, о школе она и слыхом не слыхала, да и внешностью не вышла. Ее плоское лицо было сплошь покрыто веснушками, а нижняя губа выступала так, как будто ее специально вытягивали. Еще более усугубляло этот недостаток то, что она была настоящей мастерицей городить околесицу, чем отчасти и объяснялась потеря интереса к ней со стороны ее новоиспеченного мужа, который с тех пор как уехал на учебу в Токио окончательно охладел к жене и в письмах домой настаивал на разводе. Наставник Юн, разумеется, относился к этим просьбам как к полнейшему бреду. Между тем молодая жена, считай, и так оказалась вдовой при живом муже.

За невесткой Чо показалась невестка Пак, держащая в руках поднос с мельхиоровым набором для спиртного. Невестка Пак была жемчужиной этого дома: послушная и трудолюбивая, она не только ладно справлялась с домашним хозяйством, но и потакала кулинарным пристрастиям господина наставника, поэтому он в ней души не чаял. Да и собой она была хоть куда: эта красавица с ясными глазами на круглом лице выглядела моложе двадцатипятилетней невестки Чо, даром что вскорости ей исполнялось тридцать. Единственным ее недостатком, пожалуй, было отсут-

ствие других сыновей, кроме пятнадцатилетнего Кёнсона. Как-никак род Юнов был небогат на мужское потомство.

Так или иначе, положение невестки Пак было не из легких. Конечно, нельзя сказать, что ее муж Чонсу, старший внук господина Юна, совсем к ней остыл или пренебрегал ей, но он уехал в деревню и жил там с наложницей, таким образом оставив жену соломенной вдовой.

Чонсу был частью последнего, четвертого, пункта пошагового плана по облагораживанию родословной, разработанного наставником Юном, в соответствии с которым в семье должны были появиться уездный начальник и полицеймейстер. На долю Чонсу выпало воплощение первой заてи. Поэтому пять-шесть лет назад он в сопровождении *кисэн* из Сеула отправился в родной уезд и там начал изучать секретарское дело. Таким образом, в доме оказались две жены без мужей...

Старшая невестка Пак передала свой поднос дочери господина наставника, а та поставила спиртное на огонь в дальнем углу комнаты. Домашние звали эту женщину Сеульской Госпожой, и была она настоящей вдовой. Спустя год после того, как она вышла замуж за обедневшего аристократа и переехала в Сеул, ее новоиспеченный супруг попал под трамвай, и она овдовела. Под стать несчастной судьбе Сеульской Госпожи была и ее неказистая внешность: узкий лоб, плоский нос, широко расставленные глаза, усеянное черными точками лицо и шея, глубоко втянутая в плечи.

Наставник Юн часто с ненавистью в голосе выговаривал дочери: «Не иначе как из-за своей дурной головы ты лишилась мужа в столь юном возрасте!» При этом каждый раз его посещала мысль о том, что дело могло быть не только в дурной го-

лове, но и в неприглядной внешности Сеульской госпожи. Горести молодой вдовы, само собой, ее не красили, но, с другой стороны, она была воспитана в достатке, да и детей у нее не было, поэтому в свои двадцать восемь Сеульская Госпожа выглядела намного моложе.

Итак, две соломенных вдовы, да одна настоящая — итого три... Но это еще не все.

Следующей вдовой была невестка Ко, которая в это самое время затаилась в комнате напротив и была готова в любой момент вступить в спор со свекром Юном, причем не важно, по какому поводу. И наконец, портниха семьи Юнов, происходившая родом из Чончжу, также была вдовой. Именно она, выйдя за ворота некоторое время назад, стала случайной свидетельницей ярости господина наставника, которая, хотя и была вызвана невесткой Ко, обрушилась на голову несчастного Самнама. Портниха тут же поспешила поведать об этом госпоже Ко, преувеличив услышанное раз в пять.

Итого в доме проживали пять вдов. Сосчитать несложно: кроме служанки да посудомойки Саволь, все живущие в нем женщины были вдовами. Ей-богу, настоящий цветник: только дождись весны и делись бутонами с соседями. Но правда жизни такова, что люди не растения, и ими так просто не поделишься, даже разведя цветник.

Получив ужин, наставник Юн обвел комнату взглядом и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил:

— А где Тхэсик?

Ни одно живое существо на свете господин наставник не обожал так, как своего младшего сына Тхэсика, о котором он сейчас вспомнил. Тхэсику

было всего пятнадцать лет — как и Кёнсону, правнуку господина наставника. Однако Тхэсик был рожден не от законной жены наставника Юна, а от девки из деревенского кабака. Впрочем, не важно, кем была его мать, намного большее значение имело то, что почти в шестьдесят лет господин Юн снова стал отцом и поэтому души не чаял в своем отпрыске. Тхэсика разлучили с матерью на двадцать первый день после рождения, наняли ему кормилицу и растили всей семьей. Поэтому господин наставник жалел и любил его больше, чем всех остальных своих детей.

Наставник Юн всегда трапезничал вместе с Тхэсиком, и оттого, не обнаружив свое чадо поблизости в этот раз, он начал искать мальчика, даже не притронувшись к еде. Его вопрос вызвал беспокойство у обеих невесток, смиренно стоявших в дальнем углу, и на их лицах появилось испуганное выражение. Однако Сеульская Госпожа, не испытывавшая ни капли страха перед раздраженным отцом, поднесла чайник к столику и ответила:

— Только что видела, он во дворе играл!

— И куда же он делся, если только что был? А ты, если не видишь брата, сразу должна спохватиться и пойти искать...

Хотя эти слова были адресованы Сеульской Госпоже, упрек был сделан всем членам семьи.

— Брат братом, а он разгуливает туда-сюда, когда ему вздумается, как тут уследишь? И ведь ему пятнадцать годков уж стукнуло, пора бы и перестать относиться к нему как к несмышленому ребенку!

— Хм! Хочешь сказать, это я на него внимания не обращаю? А вы, стало быть, его жалеете и кормите вовремя, да?

— Вот если б вы оставили свои пристрастия... Вы же столько для него делаете, что нам ничего и не остается!

— Хорошо тебе говорить, а что будет, когда я протяну ноги? Он ведь пойдет по улицам побираться!

— Так ему останется тысяча сок риса! Если он с таким наследством станет нищим, то я со своими пятьюстами помру во мгновение ока!

Сеульская Госпожа никогда не упускала шанса выразить свое недовольство тем, что этому плоду внебрачной связи, недоразвитому Тхэсику, достанется тысяча сок, а ей самой всего лишь пятьсот.

Пока отец и дочь перебранивались, дверь комнаты плавно отворилась и показался объект спора — Тхэсик. Он просунул голову внутрь и начал с любопытством оглядывать помещение. Встретившись взглядом с господином наставником, Тхэсик с оглушительным топотом подбежал к нему и плюхнулся на его огромные колени. По дороге Тхэсик выбил из рук Сеульской Госпожи чайник со спиртным, и она нахмурилась. Наставник Юн же со смехом произнес:

— Сынок, осторожнее! — и нежно погладил его по макушке.

Внешне Тхэсик так походил на слугу Самнама, в тот момент находившегося в гостиной, что их можно было принять за родных братьев. В свои пятнадцать лет сын господина наставника был не выше пятилетнего ребенка и в сочетании с несообразмерно большой головой, венчавшей его немогущее тело, напоминал росток соевого боба.

— Сынок, что ж ты такой неповоротливый, кто теперь чинить-то будет? А? Батюшки, а нос-то! Глянь-ка! — Из носа Тхэсика торчала желтая, как

тянучка, сопля, которая при каждом вздохе ходила туда-сюда подобно поршню. — Тхэсик, ты б хоть высморкался, ну или попросил бы утереть, а то что это? А?..

Наставник Юн косо взглянул на дочь и невесток и сам вытащил соплю из носа Тхэсика. Старшая невестка, предусмотрительно приготовив платок, уже стояла сбоку и ожидала дальнейших указаний.

— Па-а-ап! — высморкавшись в сторону, позвал Тхэсик.

— Что такое?

— Дай дедег... — это означало «денег», но из-за того, что Тхэсик говорил, как малое дитя, вышло «дедег».

— Денег? Зачем тебе опять деньги? Я же в обед давал, куда ты их дел?

— Кафетку купил.

— Ты что, целый день только конфеты ешь?

— Дай бде дедег!

— Ну, будь по-твоему. Только сохрани их пока, а завтра купишь, хорошо?

— Угу.

Когда наставник Юн вынул из кошелька монету в десять чон, Тхэсик издал непонятный полукрик-полусмешок и сполз с колен отца за стол.

С умилением глядя на шалости своего отпрыска, господин Юн один за другим выпил три бокала вина, налитого Сеульской Госпожой. Тем временем Тхэсик шаловливо рыскал взглядом по столу, хватая руками и отправляя себе в рот что-нибудь вкусненькое. При этом он не только то и дело ронял еду на одежду, но и каждый раз вытирал об нее руки, на что Сеульская Госпожа только хмурилась, не смея бранить его в присутствии отца.

Выпив три бокала, господин наставник наконец взял серебряную ложку с позолотой и уже начал было трапезу, но тут, подняв голову, смерил двух невесток пристальным взглядом и внезапно произнес:

— Не-ет, ну ты глянь-ка... Почему вы сделали не так, как я велел? А?

Невестки, догадавшись, о чем речь, уже стояли, опустив головы. Разумеется, по белоснежному цвету каши наставник Юн понял, что ее сварили из риса, не добавив ни зернышка ячменя.

— Ячмень что, весь поели?

— Нет, еще есть! — ответила старшая невестка.

— Вот и я о том же... Тогда почему, я спрашиваю, у меня в каше один рис? А? — продолжал допытываться господин наставник, но ответа не было. — Ну же, отвечайте? Мои слова что, значат для вас не больше, чем лай дворовой собаки? Сколько можно говорить, кладите хоть немного ячменя в кашу, или вы только под страхом смерти станете слушать? Что вы варите один белый рис?

— Отец, прекратите свои нелепые нападки, — не выдержав, упрекнула наставника Юна Сеульская Госпожа. — Думаете, съев немного риса, лишитесь своего огромного состояния? Да просто нет вареного ячменя, вот и вся причина... Перестаньте, займитесь лучше ужином!

— Ну уж не-ет, если это так оставить, думаешь, ячмень сам сварится? Нет вареного, говорите? Значит, надо заранее позаботиться о том, чтоб был, и подавать на стол когда следует! Вы все живете в роскоши и уже не хотите есть ячмень, вот и ищите всякие предлоги. Ну что за люди?! Даже в могилу лечь — и то предлог найдут!

Наставник Юн положил в рот ложку каши и начал медленно жевать, так как глотать сразу бы-

ло бы слишком расточительно. Ему самому было жалко есть чистый рис, а тут им кормили буквально всех, от членов семьи до прислуги, и мысль о том, что при мойке посуды драгоценные рисовые зерна стекают в сточную канаву, заставляла господина наставника жалеть еще больше.

— Эх вы... Вы ж небось, и не слышали о том, что ячмень полезен для здоровья. Кроме того, каша с ячменем намного вкуснее, чем пустой рис... Почему, спрашиваю, вы его так не любите?

Кроме пыхтения и чавканья Тхэсика, занятого едой, в ответ не раздалось ни звука, а невестки через силу изобразили на лицах послушное выражение, как будто говоря: «Вы совершенно правы».

— К тому же вам нет никакой надобности его молоть, местные крестьяне уже все за вас сделали и в дом принесли, осталось только помыть и сварить в обычной воде, благо дрова всегда на месте, да и есть понемногу, вот и все дела! Что тут сложного? — Наставник Юн перевел дыхание и продолжил совсем другим, более мягким и приятным голосом: — Еще, знаете, вот вы не любите ячмень, а между тем люди говорят, что бездетные женщины, которые регулярно его едят, детей рожают! Слыхали? Рожают! — Этим господин наставник намекал на то, что все вдовы семьи, несмотря на отсутствие мужей, смогут еще забеременеть, и нужно для этого всего ничего — регулярно есть ячменную кашу.

Как и следовало ожидать, реакция на его слова была однозначной: старшая невестка заявила, что с завтрашнего же утра обязательно станет есть ячмень, жена второго внука добавила, что тоже примет это к сведению, ну и Сеульская Госпожа

согласилась, что следует попробовать. Единственным исключением стала невестка Ко, сидевшая в комнате напротив и жаждавшая ссоры. Подумав о том, что этот старый хрыч снова морочит всем голову, она бросила злобный взгляд в сторону главной комнаты. Невестка Ко до того ненавидела наставника Юна, что была бы не прочь вцепиться в его белесую бороду и шмякнуть его хорошенько о пол. Она была именно такой, какой и подобает быть настоящей невестке. Недаром присказкой всех невесток считаются такие слова: «Хоть бы старую свекровь утащила лиса: тогда и ее покой перейдут ко мне, и ее трубка станет моей». Это каким же бессердечным институт свекровей должен быть по отношению к институту невесток, чтобы появилось такое безжалостное высказывание!

Невестку Ко выдали замуж в шестнадцать лет, а сейчас ей было сорок семь. Таким образом, в этом доме она провела ровно тридцать один год, находясь в подчиненном положении вплоть до того дня, когда скончалась жена наставника Юна, госпожа О. В течение всего этого времени она пролила немало горьких слез, исполняя волю своей свекрови, которую как только ни называли: и Рысью — за непомерно суровый нрав, и Скупердйкой — за излишнюю скупость, и даже Пустомелей — за вечную пустую болтовню. И вот в январе прошлого года пришло избавление от этого гнета. Иначе говоря, невестка Ко наконец-то освободилась от рабства. Однако сию особу никак нельзя было назвать послушной овечкой. Конечно, госпоже О не составило бы труда сжить со света даже самую безупречную, самую кроткую и услужливую невестку — она проглотила бы любую

жертву, сначала поиграв с ней, как кошка с мышкой. Но и невестка Ко отличалась непростым характером: несмотря на свое добродушие, вполне соответствовавшее ее пышнотелости, она была настолько упряма, что не существовало средства, которое могло бы сдвинуть ее с занятой позиции. Кроме того, она отличалась надменным нравом. Словом, говоря языком традиционной медицины, у нее наблюдался переизбыток начала Ян.

В общем, невестка Ко, стойко перенося на протяжении тридцати одного года тяготы своего положения, дожила до сегодняшнего дня. За это время она родила двух сыновей, Чонсу и Чонхака, тем самым предоставив наставнику Юну «сырье» для воспитания уездного начальника и полицеймейстера, а ее внук Кёнсон ходил во второй класс средней школы. Между тем голова этой почти уже пятидесятилетней женщины поседела наполовину.

Долго ли, коротко ли, наступил январь прошлого года, и эта старая ведьма, гримза О, как ее ни назови, наконец-то сдохла. Нет, ее не утащила лиса, она скончалась от диабета. Таким образом, место главной хозяйки дома освободилось, и его заняла старшая невестка Ко, которой трубка была ни к чему, так как она курила японские сигареты марки «Голубь», а вот комната покойной пришлась бы кстати.

Говорят, что теща без ума от зятя, даже если он рябой, а свекор — от невестки, даже если она одноголазая и беззубая, но наставник Юн каким-то образом оказался исключением из этого правила: он ненавидел невестку Ко не меньше, чем его жена госпожа О.

После окончания траура по усопшей Сеульская Госпожа, как это ни печально, должна была передать покои невестке Ко, которой приходилась золовкой, но тут вмешался господин наставник:

— Как ты знаешь, я в этих покоях завтракаю и ужинаю, и если они станут твоими, то мне будет очень неудобно есть. Поэтому, пока я жив, твоей комнатой будет та, что напротив.

Разумеется, это был предлог. Так или иначе, как только тело госпожи О покинуло покои, их заняли Сеульская Госпожа и Тхэсик, а невестка Ко осталась в комнате напротив.

«Эх, недаром говорят, негодному человеку ничего не достается! Жить мне теперь под забором до конца дней своих!» — так временами сокрушалась невестка Ко по поводу не доставшейся ей главной комнаты. Однако это было не единственной причиной, по которой ее угнетала вселенская несправедливость. Свекровь О ненавидела невестку такой лютой ненавистью, что даже на смертном одре не упускала возможности съязвить:

— Да, вот и настигла меня моя судьба. И как же хорошо, что есть человек, который будет плясать от радости на моих похоронах!

Нетрудно догадаться, о ком шла речь. Госпоже О было досадно, что после ее смерти все хозяйство достанется невестке Ко, которая будет им распоряжаться как пожелает, и поэтому умирающая продолжала ехидничать до последнего вздоха.

Конечно, с тех пор, как начался траур по госпоже О, жизнь невестки Ко стала легче. Доказательств тому можно привести великое множество, в частности, теперь она могла коротать бессонные ночи, покуривая у себя в комнате одну сигарету

за другой и чиркая допоздна спичками сколько угодно, причем следующим утром уже никто не брюзжал: «Что это за тварь курит с утра до ночи? Семнадцать спичек перевела!»

Радовало и то, что больше никто не прибывал к стене дверь в комнату невестки Ко в ее отсутствие. Однако это облегчение было номинальным, по сути же все осталось по-прежнему. Свекор Юн принял решение изменить порядок наследования прав распоряжаться домашним хозяйством, которые должны были перейти к невестке Ко, и, перескочив через одно поколение, передал их жене внука. Таким образом, после господжи О всеми делами в доме стала заведовать невестка Пак — жена Чонсу, старшего внука господина наставника, а невестка Ко, рассчитывавшая на то, что, став старшей в доме, она будет распоряжаться хозяйством и гонять своих невесток, оказалась не у дел. Более того, над ней снова кто-то стоял, только теперь место свекрови О занимала невестка Пак. Словом, невестка Ко оказалась в положении того наследника, который вступил на престол после кончины правителя, но не получил реальной власти.

Вдобавок к этому, чем дальше, тем больше претензий предъявлял к ней свекор Юн, как бы взяв на себя обязанности покинувшей этот мир жены. Удручало и то, что в главных покоях как ни в чем не бывало расположилась Сеульская Госпожа и вела себя так, будто она хозяйка дома. Но и это не все. Было еще одно обстоятельство, вызывавшее даже большее недовольство и злость...

С тех пор как у нее родился второй сын Чонхак, который ныне обучался в Токио на полицеймейстера, то есть уже двадцать четыре года, не-

вестка Ко не жила со своим мужем Чхансиком, сыном наставника Юна, и время не пощадило молодость этой соломенной вдовы.

Господин бездельник Чхансик еще в деревне взял себе законную наложницу, с которой впоследствии переехал в Сеул и поселился за Восточными воротами. Недавно, однако, он совершил то, чего не позволял себе все это время: завел еще одну наложницу, *кисэн*, поселил ее в районе Кванчхольдон, что в самом центре Сеула, и начал жить на два дома: в одном развлекаться, а в другом ночевать. К отцу он навещался, только если ему требовались деньги, в иных же случаях появлялся лишь после двух-трехкратного приглашения со стороны наставника. Но и в его редкие приезды Чхансик обсуждал дела с отцом в гостиной и сразу же уезжал, даже не заходя в женскую часть дома.

Характером господин бездельник Чхансик сильно отличался и от своего отца, наставника Юна, и от матери, госпожи О, она же Рысь, Скупердяйка и Пустомеля. Это и неудивительно, ибо унаследовал он свой благородный нрав от деда, Йонгю Лошадиной Головы. Кроме того, с момента достижения зрелого возраста до этого самого дня, а было ему сорок шесть лет, Чхансик ни разу не повысил голоса в спорах с другими. Если кто-то его принижал, господин бездельник делал вид, что не замечал этого, и никогда не отвечал руганью. Впрочем, он был настолько великодушен, что никто особо и не пытался его принизить.

Его совершенно не интересовало семейное богатство, да и с хозяйством управляться он толком не умел. По словам господина наставника, его сын был таким простофилей, что до пятидесяти

лет так и не повзрослел, а с практическими делами справлялся не лучше, чем та повариха, у которой каждый раз убегает каша.

Не то чтобы эта критика была совсем необоснованной, но при более тщательном рассмотрении господина бездельника можно было назвать человеком, поднявшимся выше суеты материального мира. Если оказавшиеся в затруднительном положении друзья или родственники приходили к нему за помощью, он не мог оставаться безучастным. Поэтому зачастую случалось так, что в итоге ему приходилось расплачиваться по долгам тех, за кого он поручился. В результате после того, как наставник Юн неоднократно понес убытки в несколько десятков тысяч *вон* от такой несправедливой поруки, он добился официального признания сына не имеющим права распоряжаться семейным имуществом. Однако деньги даны на то, чтобы их тратить, и поэтому после получения Свидетельства об ограничении правоспособности господин бездельник подделал печать отца и начал ставить на документах имя «Юн Дусоп».

Несмотря на то что о подделке знали, печать с именем Юн Дусопа, поставленная Чхансином, делала действительными даже долговые расписки, в связи с чем появилось немало держателей закладных на несколько тысяч и десятков тысяч *вон*, заверенных ею. Впоследствии об этих махинациях становилось известно, но господин наставник не мог отправить сына за решетку за подделку печати и был вынужден, обливаясь слезами и скрипя зубами, оплачивать закладные и долговые расписки.

Таким уж человеком был господин бездельник Юн Чхансик: с утра до ночи разгуливал с сомни-

тельными друзьями по кабакам, стрелял из лука, совершал поездки по живописным местам, коллекционировал древние трактаты, сочинял классические стихи и рассылал их по газетам, выпивал в доме одной из своих наложниц, а когда ему становилось скучно, шел к другой играть в маджонг... Словом, живя в свое удовольствие, он, подобно даосскому отшельнику, поднялся выше мирских условностей.

Коротание часов с наложницами, игра в маджонг, ночи напролет в элитных публичных домах... Что тут говорить, тот еще бездельник.

Так уж устроен мир, что у каждого человека свои причуды, и Юн Чхансик не был исключением.

О его щедрости и неумении отказывать в просьбах ходили слухи. Каким-то образом дошли они и до одного именитого мецената из образовательных кругов. Однажды он постучался в дверь господина бездельника.

Этот меценат подробно и красноречиво поведал о том, что он хочет открыть частную школу, но в последнее время финансовые дела у него идут не очень, и если бы нашелся доброжелатель, который смог бы пожертвовать двести тысяч вон, то эта сумма, вместе с остальными собранными средствами, была бы пущена на закладку прочного экономического фундамента, а затем осведомился, не желает ли господин Юн-младший внести сто или двести тысяч вон, ведь и для него это станет хорошим вложением.

Слушая гостя, господин бездельник неустанно кивал головой, повторяя: «Ах вот оно как!», «Так вот оно что...», и когда пришло время дать окончательный ответ, он неожиданно поинтересовался:

— Но ведь люди не могут ходить в школу не из-за ее отсутствия, а потому что у них нет денег на учебу, не так ли?

Все воодушевление гостя как ветром сдуло, и, сказав еще буквально пару слов, он удалился.

Это правда, что господин бездельник был очень отзывчивым человеком, но он никогда не жертвовал ни *чона* ни на какие благотворительные или общественные начинания.

Его отец, господин наставник, напротив, довольно часто участвовал в благотворительности. Пока они жили в деревне, он единолично взял на себя оплату и контроль за постройкой тренировочного зала при полицейском управлении; около ста пятидесяти *вон* он пожертвовал пожарной станции и двести *вон* — общеобразовательной школе на расширение учебного пространства. Помимо этого, несколько лет назад, когда случилось наводнение в провинции Южная Кёнсан, он купил новую копилку, положил в нее монетами одну *вону* и семьдесят два *чона* и отправил Тхэсика отнести это все в редакцию газеты. Потом даже вышел номер со знаменательной фотографией.

Однако господин бездельник Юн был совершенно не таким. Тех, кто ему сильно докучал, он направлял к отцу, но никогда не позволял себе выкинуть деньги на благотворительность.

* * *

Народная пословица гласит, что у богатства есть предел. Вот пример: после того, как человек накопит тысячу *сок* риса, а иной и десять тысяч *сок*, его состояние так или иначе колеблется в этих пределах и резко за них не выпрыгивает.

Это и вправду так. Взять хотя бы наставника Юна. С тех пор как его ежегодный доход достиг десяти тысяч сок неочищенного риса, прошло больше десяти лет. В денежном эквиваленте это около ста тысяч вон в год. А если наличность перевести в закладные, то можно дополнительно получать еще по двадцать-тридцать тысяч. Итоговый годовой доход — сто с чем-то тысяч вон. На уплату налогов и прочих взносов, а также в качестве регулярных коммунальных платежей и хозяйственных расходов уходит около половины — это пятьдесят-шестьдесят тысяч вон. Остальную же часть можно каждый раз откладывать, и тогда вместо суммы в миллион вон, которая была бы получена за десять лет при ежегодном доходе в десять тысяч сок, к настоящему моменту должно было бы накопиться как минимум миллион пятьсот тысяч вон, по пятнадцать тысяч сок в год. Однако при всем своем умении приумножать семейное состояние господин наставник что тогда, что сейчас имел ежегодный доход в десять тысяч сок.

Говорит ли это о том, что ростовщичество совсем его не интересовало? Едва ли. Чхансик раздавал деньги всем подряд, старший внук Чонсу вел распутный образ жизни, к тому же немалые средства уходили и на его продвижение по служебной лестнице, чтобы в конце концов сделать его уездным начальником, потому-то состояние и не росло, остановившись на уровне десяти тысяч сок.

Когда наставнику Юну приходилось расплачиваться по долгам Чхансика, он страшно злился и приказывал тотчас же доставить ему сына. Однако Чхансик никогда не появлялся по первому требованию, в лучшем случае по третьему.

«Ох уж этот расточитель, разрази его гром!» — отчаянно сокрушался про себя господин наставник, а когда сын наконец-то приезжал и делал равнодушный вид, обрушивал на него свой праведный гнев, едва не взрываясь от негодования.

На это Чхансик очень спокойно возражал:

— Отец, ну зачем вы так? У вас взрослые внуки, в прежние времена такие, как Кёнсон, уже женились... Не пристало так выражаться в вашем-то возрасте ...

— Да как же это... — только и мог вымолвить наставник Юн.

Нет, господину наставнику вовсе не было стыдно оттого, что сын укорял его за грязную ругань, но почему-то именно перед Чхансиком он терял дар речи. С одной стороны, он с нетерпением ждал сына, чтобы отчитать его как следует, а с другой — встретившись с ним взглядом, падал духом и сдувался на первом же слове.

«Да этот паршивец страшнее всех тигров и разбойников, вместе взятых! Ничто на свете не пугает меня больше!» — каждый раз заключал господин наставник, размышляя о своем сыне.

Действительно, ничто на свете — ни физическая сила, ни злые духи, ни оружие — не усмирало бесстрашного наставника Юна так, как моральное давление, и лишь Чхансик, в присутствии которого тот становился тише воды ниже травы, вселял в старика больший ужас, чем тигры или разбойники.

Зачастую после того, как господин наставник выходил из ступора, он требовал:

— Подонок, верни деньги, которые я выложил за твой долг!

На что Чхансик с безразличным видом отвечал ему:

— Можете вычесть это из моей доли наследства!

После этого наставнику Юну не оставалось ничего, кроме как отвернуться, напоследок рывкнув:

— С глаз моих долой, разрази тебя гром!

Подобные перепалки случались как минимум раз в месяц, а то и два-три, причем господин наставник неизменно был обречен на поражение. Более того, из-за долгов приходилось ругаться не только с сыном Чхансиком, но и со старшим внуком Чонсу, поэтому постепенно эти склоки вошли в привычку. Помимо этого, хотя и по другим поводам, наставник Юн был вынужден перебраниться с Сеульской Госпожой, младшим внуком Чонхаком, приехавшим домой на каникулы, его женой, управляющим Тэбоком, слугой Самнамом, не говоря уже о невестке Ко.

В такой обстановке, когда хозяин дома то и дело затевал ссоры с домочадцами, неудивительно, что и они не ладили между собой: Кёнсон ругался с Тхэсиком, Сеульская Госпожа — с ними обоими, а также невесткой Ко, женами племянников, да и с родным отцом. Невестка Ко лаялась с господином наставником, другими его невестками, своей золовкой, сыновьями, когда те гостили дома, а иногда навевывалась к наложницам мужа то в Кванчхольдон, то за Восточные ворота, и устраивала скандалы там.

Ругань, ругань, ругань... Определенно в этом доме она стала основой бытия. И как раз сегодня в этом море ругани назревал очередной скандал между свекром Юном и невесткой Ко.

Невестка Ко долгие годы хранила верность мужу и наконец достигла возраста, когда женщина, утратив навсегда способность производить на свет потомство, больше не считается полноценной.

На этом жизненном этапе даже женщина, живущая в счастливом браке, может обнаружить в себе необычные симптомы: например, неожиданные всплески истерии. Что же до невестки Ко, так ей пришлось состариться в одиночестве, истратив двадцать пять лет на жизнь в браке, но без мужа. Теперь она прощалась со своей женской плодовитостью навеки, но даже если не брать во внимание это досадное обстоятельство, ставшее причиной ее истерического состояния, очевидно, что ее душевное самочувствие было далеко от идеального. И старый наставник Юн, громко чавкающий, зычно прикрикивающий, сыграл не последнюю роль в доведении ее до белого каления.

Кроме того, ее лишили радости вести домашние дела, а ее сыновья давно выросли, покинули отчий дом и даже не вспоминали о матери. Что касается ее внука, Кёнсона, то к нему она не испытывала никаких теплых чувств. Мерзкий, непослушный, избалованный мальчишка. Муж был все равно что чужой человек, может, даже враг. А старик, ее свекор, все норовил разорвать ее на части ни за что ни про что, да бранил на чем свет стоит безо всякого повода. В общем, невестка Ко считала все это достаточным оправданием своему дурному нраву и приступам неконтролируемой вспыльчивости.

До смерти своей свекрови, госпожи О, в январе прошлого года она тридцать лет прожила как мышка, страшащаяся даже пискнуть в присутствии кошки, и привыкла душить в себе обиды. И вот однажды утром тирана не стало, а Ко внезапно почувствовала прилив сил, но мир вокруг не захотел меняться, ее положение в доме так и осталось прежним, и подавленная обида переросла в отчаянный гнев.

После смерти свекрови в доме не осталось никого старше нее, не считая наставника Юна, все остальные находились ниже нее по положению. Но господина наставника она считала сумасшедшим деревенщиной и уж точно не собиралась оказывать старику никаких знаков почтения как своему свекру. Словом, Ко была готова по малейшему поводу наброситься на любого в этой семье, независимо от возраста и положения.

Вот и сегодня она ждала возможности ринуться в бой со всей яростью, чтобы отомстить наставнику Юну за брань, которой он осыпал ее столь щедро и незаслуженно лишь потому, что она оставила боковые ворота открытыми.

На самом деле эти ворота оказались открытыми не по случайному стечению обстоятельств: Ко нарочно распахнула их настежь, потому что знала, как это рассердит наставника Юна. Она была уже готова к схватке, когда наставник Юн (вполне ожидаемо) разразился руганью. Как змей, что не смог превратиться в дракона и потому лелеет в глубине души злость и обиду, она затаилась в своей комнате, распаляясь, раскаляясь, накручивая себя, находя в этом единственное удовольствие, потому что ничего другого ей не оставалось.

Она жаждала крови и мечтала вцепиться кому-нибудь в глотку, чтобы утолить, наконец, эту

жажду. Ко прислушивалась к голосам за дверью, но слышала лишь, как старик пичкает своих невесток нелепыми байками: якобы можно понести, если есть ячменную кашу. Она не могла больше терпеть, с каждой секундой ее гнев разгорался все сильнее и сильнее. Бояться ей в этом доме было некого. А зачем тогда осторожничать и подавлять свою ярость? — спрашивала она себя. Щеки ее поникли, выражаясь вульгарным языком, как яйца старого коня в жаркий летний день, она тяжело дышала, обиженно выпятив губы, ноздри ее раздувались от злости. Она прижимала колени к груди, обхватывала их руками и вытягивала ноги снова. Прикуривала сигарету, спешно тушила ее и зажигала снова. Нет сомнений: если человеку не терпится сцепиться с кем-нибудь, он становится лишь злее от невозможности сделать это.

В доме было так тихо, будто все вымерли. Каждый затаился, никто не смел даже чихнуть. Только слышно было, как в главной комнате ворчит наставник Юн да чавкает Тхэсик. Беспшумно сгустились сумерки. В потемневшей комнате внезапно, словно озаренные мыслью, зажглись лампочки. Именно в этот момент, как будто лампочки послужили своего рода сигналом, настороженное спокойствие дома было нарушено. Громкие шаги от внутренних ворот через двор возвестили о возвращении Кёнсона.

Судя по закинутому на плечо портфелю и школьной форме, Кёнсон только вернулся с занятий. Увидев туфли своего прадеда на порожке перед деревянным настилом, он замер, втянул голову в плечи, высунул язык, развернулся и на цыпочках, крадучись, направился к задним комнатам.

Он осторожничал, потому что знал — ничего хорошего его не ждет. Ему может крепко влететь

за то, что несколько дней назад он довел Тхэсика до слез. Кёнсон думал, что ему удастся пройти незамеченным, но все это время за ним пристально следила его бабушка Ко. На самом деле ей было совершенно все равно, насолил ли чем-то мальчишка старому наставнику или нет, она собиралась накричать на внука не за то, что он распускал язык и отзывался о своем прадеде непочтительно. Ей просто хотелось с кем-нибудь наконец сцепиться.

— Кёнсон, ты, говнёнок!

Громоподобный крик сотряс весь дом, когда она открыла раздвижную дверь так резко, что задребезжали стекла. Конечно, все в доме замерли от удивления. Кёнсон застыл от ужаса. Он ждал взбучки от наставника Юна, но не думал, что его бабушка так внезапно набросится на него — ведь обычно ей не было до него никакого дела.

Испуг продлился недолго. Уже через мгновение он взял себя в руки, медленно повернулся и взглянул прямо на Ко.

— Да?

Пока Ко раздувалась от гнева, мальчик стоял вытянувшись, как на посту, и казался собранным и спокойным. Настолько спокойным, что даже не моргнул, и ей трудно было побороть в себе желание придушить его за вопиющую невозмутимость.

Поскольку Ко не удалось найти предлог для того, чтобы сцепиться со свекром, она решила схватить первого попавшегося под руку и устроить достаточно шумную сцену, чтобы поиграть у старика на нервах, а вот когда он начнет ругаться, тогда она и затеет с ним ссору. Кёнсон, этот наглый мальчишка, еще больше подкидывал дров в топку

ее гнева, но в глубине души она была этому рада и охотно распалялась еще больше.

Что касается Кёнсона, хоть он и был самым младшим в семье, за людей он в этом доме не считал никого, а потому никого не боялся, как бы кто ни пытался его застрашать. Все они были никто. И его прадед старик Юн, и двоюродная бабушка Селульская Госпожа, и его собственный отец Чонсу, и его тетка Чо, а также все наложницы его деда, господина бездельника Юна. На всех он смотрел свысока. А уж двоюродный дед, Тхэсик, и вовсе не в счет.

Кёнсон сразу понял, откуда ветер дует. «Ха! — подумал он. — Снова она бушует? Ну и видок... И пусть. Я ей так просто не дамся».

Он оставался спокойным и собранным. Ко все еще покрикивала пронзительно, как будто готова была в любой момент ринуться в атаку.

— Ах паршивец! Ну и паршивец!

Все, что она могла — это бранить его безо всякого повода, потому что обвинить внука ей было не в чем. Зато старик Юн наверняка уж рассерчает на бессовестную невестку, которая позволяет себе кричать и скандалить, пока ее свекор трапезничает. Старик Юн посчитает такое поведение непростительно дерзким и тогда уж точно развернет военные действия. А это было именно то, чего Ко добивалась. Только в первую очередь ей нужно было разделаться с Кёнсоном, который стоял перед ней и смотрел вызывающе, как будто спрашивая: «Ну и чего ты разоралась? Говори уже, если есть что сказать! В жизни такой тетки противной не видел!» Подобное нахальство нельзя прощать. И поскольку всю эту сцену устроила именно Ко, она же должна была найти способ выйти из

ситуации, сохранив при этом лицо, а также честь и достоинство взрослого человека.

— Ах ты поганец! Ты где пропадал? Почему возвращаешься так поздно? — Ничего лучше ей в голову не пришло.

Обычно ее мало интересовало, как ее внучок учится и ходит ли в школу вообще. Не стоило труда догадаться, что именно столь внезапно пробудило сегодня вечером ее живой интерес, однако Кёнсон был намерен уклониться от этого упрека во что бы то ни стало, а потому незамедлительно изобрел достойнейшее оправдание:

— Мы готовимся к школьной выставке! Конечно, я возвращаюсь поздно! — с неприкрытым недовольством ответил он. Тут же из главной комнаты примчалась его матушка, невестка Пак, и из чувства солидарности со своей свекровью принялась тихо отчитывать сына:

— Надо сразу приходить домой после школы. Где ты шатался? Уже так темно... Разве можно заставлять бабушку волноваться?

— Много ты понимаешь, мама, — огрызнулся вдруг Кёнсон, не скрывая своего раздражения, но на самом деле этот выпад был нацелен на его бабушку Ко. — Я ведь сказал, что задержался допоздна, потому что мы готовились к выставке! Так чего вы ко мне прицепились?

— Нет, ну что за паршивец!

— Потише, мама... Вы, женщины, ничего не понимаете! Сидите целыми днями дома безвылазно... Только потому, что я самый младший, все думают, что можно срывать на мне злость. С чего бы это? А? С чего?.. Может, я и самый младший, только я в этом доме когда-нибудь стану главным. Я!.. Думаете, можно цепляться ко мне? Придираться?.. Как бы не так!

Кёнсон выпалил все это без заминки и без запинки.

— Ах ты! Да как ты!..

Его мать, чувствуя, что не может урезонить отпрыска, оставила попытки вразумить его невнятными ругательствами и потянулась было, чтобы треснуть паршивца, но Кёнсон, как будто и не заметив этого, прошел мимо и удалился в задние комнаты, чеканя каждый шаг.

— Да!.. Ну и скверный же мальчишка!

Возмущенная нелепостью всей этой сцены, невестка Ко поцокала языком, со стуком задвинула дверь и вновь принялась разоряться:

— На редкость скверный! Еще молоко на губах не обсохло, а уже дерзит взрослым да огрызается, стоит лишь сделать ему замечание!.. Это все дурное семя. Ничего годного в этом семействе и зародиться не может.

Как только с языка Ко сорвались слова, порочащие практически всю родословную, враг, находящийся в глухой осаде, наконец показался из крепостных ворот — то есть наставник Юн стремительно распахнул двери внутренней комнаты. Вражеский полководец в сияющих доспехах с копьем наперевес — вернее, наставник Юн принял вызов на бой.

На самом деле наставник Юн давно раскусил игру невестки Ко, но ему было интересно, как далеко сможет она зайти в своих попытках спровоцировать его, а потому выжидал, затаившись. Сначала, когда Ко только начала вопить, он лишь взглянул на дочь и своих невесток.

— И чего эта ведьма опять разбушевалась, чтоб ее!.. — поморщился он.

Сеульская Госпожа, вторя ему, тоже сморщилась недовольно, а обе невестки склонили голо-

вы. Потом первая невестка, Пак, выскользнула тихонько на *мару**, чтобы отчитать сына. Тхэсик, поняв, что вернулся Кёнсон, подошел к раздвижному окну, чтобы выглянуть наружу, затем вернулся и сообщил, запинаясь:

— Па-а-п, пап! Это Кёдсод, да? Од гадкий, да? Мерзкое отродье!

— Ну, ну, довольно! Ты где такого нахватался?..

— Да? Пап, Кёдсод гадкий жадида. Мерзкий воришка, да? Па-а-ап, ведь так?

— Довольно. Нельзя так выражаться.

Наставник Юн одергивал мальчишку только для вида. На самом деле он не мог сдержать улыбки, довольный красноречием своего младшего отпрыска.

Когда до главной комнаты снова донеслись крики Ко, наставник Юн взглянул на дочь, потом на младшую невестку и пустился распекать Ко. Все это он говорил уже раньше в ее адрес, и не раз: «Опять эта дрянь горлопанит», «Муж ее бросил, вот и бесится теперь», «Невоспитанная баба! Все дело в низком происхождении!».

Наконец настал момент, когда открытого проявления боя было уже не избежать. Из уст невестки Ко вырвалось возмутительнейшее оскорбление, бросившее тень на честь всего клана Юнов, начиная дальними предками и заканчивая ныне здравствующими представителями семейства. Как же сильно невестка Ко жаждала крови! И наставник Юн принял вызов. Он не собирался спускать с рук такое поведение и готов был без пощады нанести встречный удар.

* *Мару* — деревянный настил, опоясывающий традиционный корейский дом.

— Эй, ты!

Он раскрыл раздвижные двери с оглушающим стуком и отбросил ложку, которая со звоном ударилась об угол стола.

— А ты-то что из себя представляешь? Ты-то кто вообще такая? Ну давай, раскрой свой поганный рот и скажи нам!

От раскатов его голоса сотрясался весь дом. Верно говорят, у большого человека и голос зычный.

Невестка Ко долго ждала возможности высказаться, и упускать ее она не стала:

— Я ничего плохого не делала! Я даже мухи ни разу не обидела! Это, видно, моя проклятая судьба была — породниться с этой поганой семьей. Никаких грехов за мной нет! За что вы меня со свету сживаете? И это моя награда за то, что я здесь вкалывала тридцать лет как рабыня? Или это оттого, что я толстая, вы все порываетесь сожрать меня живьем? Мне это все надоело! Я устала это терпеть!

Отдавая себе в том отчет или нет, они оба безукоризненно соблюдали правила честного боя. Один никогда не прерывал другого и всегда ждал своей очереди, чтобы сделать ответный выпад.

— Хороша! Ох и хороша, нечего сказать! Разве так невестка должна обращаться к своему свекру? Нечего сказать, достойное поведение для женщины, которая женила уже двух сыновей! Да у тебя внук вот-вот бриться начнет!

— А разве достойно мужчине, у которого уже есть правнук, называть свою невестку ведьмой в присутствии ее внука? Да вы и сами хороши! Ну просто образец благопристойности!

— Что взять с невоспитанной бабы? Ничего лучшего от дочери мелкого чиновника и ожидать нельзя.

— Нет, ну вы только послушайте! Жалкий, поганый аристократишко! Да мне ваш хваленый статус даром не сдался! Аристократ, ха! Похоже, все настоящие аристократы давно уже перевелись, раз Юны стали вдруг такими благородными! А кого это протащили через всю деревню, кто умолял о пощаде, пока его пороли? Разве это аристократ? Известна мне ваша родословная! Чем глубже копаешь, тем сильнее вонь!

Как бы ни был одарен мужчина в искусстве брани, ему никогда не переспорить женщину. После такой жестокой бомбардировки наставнику Юну ничего не оставалось, кроме как отступить незамедлительно или, наоборот, атаковать исподтишка.

На самом деле наставник Юн считал себя достаточно остроумным, но, когда Ко так яростно принялась обличать всю его родословную, он почувствовал, что она загнала его в угол. Лучше всего было бы, как не раз делала его покойная супруга госпожа О, схватить наглуую бабу за волосы, бросить на пол и отходить как следует деревянной колотушкой для сушки белья или еще чем-нибудь подходящим. Самый действенный воспитательный метод.

К сожалению, свекор не мог позволить себе тех же вольностей в обращении с невесткой, что и свекровь. Всем известно, что свекру нельзя побивать свою невестку. В душе наставник Юн проклинал того умника, кто придумал этот несправедливейший закон, ущемляющий права свекров, и призывал всяческие беды на головы потомков этого человека по крайней мере в трех поколениях.

Итак, наставнику Юну не оставили выхода.

— Эй, Кёнсон!

Господин наставник без толку звал своего внука. Наконец, громко топая, он вышел на *мару* и крикнул снова. Из комнаты Кёнсона донесся слабый голос. Расслышал наставник Юн ответ или нет, он продолжал кричать, пока не явился настояренный Кёнсон, одетый в одно исподнее.

— Ну-ка немедленно пойдй приведи своего деда. Немедленно!

— Хо-орошо.

— Говорят, сейчас развестись — что раз плюнуть. Разведется с ней этим же вечером, не то я...

Есть такая пословица: в доме вдовы всем управляет тот слуга, у которого ядра больше. Вот и наставник Юн всякий раз, когда невестка Ко не оставляла ему выхода, раздувался от важности, словно слуга, ублажающий вдову, и требовал немедленно привести его сына.

Однако господин бездельник Юн, услышав от посланца причину, по которой его вызывают, наотрез отказывался приходить. А если после этого за ним посылали снова, он все же представлял перед господином наставником, только чтобы сказать:

— Хорошо, отец. Завтра же и разведусь.

Но стоило ему только ступить за порог, как он тут же напрочь забывал о своем обещании. К счастью, наставник Юн на следующий день никогда не требовал, чтобы он сдержал слово.

Кёнсон медлил, и наставник Юн гаркнул снова:

— Чего ты ждешь? Живо приведи его, ну!

Только тогда Кёнсон двинулся обратно к задним комнатам под предлогом, что ему нужно переодеться. На самом деле ничего сложного в этом поручении не было. Он собирался всего лишь выйти ненадолго за ворота и вернуться

снова. Или просто тихо отсидеться в своей комнате, если удастся. А наставнику Юну потом можно сказать, что деда не было дома.

— Ну погоди... — рычал наставник Юн, меряя *мару* шагами. Он продолжал ворчать, спускаясь во двор по ступенькам. — Ну погоди... Раньше я только грозился, но теперь ты у меня дождешься. Либо он разведется, либо он мне больше не сын. Сегодня же вечером! Ты только погоди...

Извергая угрозы, наставник Юн потопал в свою комнату. Ко выпалила ему в спину, что он может поступать, как ему вздумается, она вовсе не боится развода, и если он ждет, что она начнет сейчас рыдать и сокрушаться, то очень сильно ошибается.

Итак, в бесконечной войне, у которой не было ни начала, ни конца, наступило перемирие. Враждующие стороны покинули поле боя и вернулись в свои лагерь, в доме снова воцарился мир.

Все наслаждались покоем.

Самволь мыла на кухне посуду вместе с другой прислужницей. Слуга разжигал огонь. Оставшиеся члены семейства — все, кроме Ко, — собрались в главной комнате ужинать.

Здесь были Сеульская Госпожа, обе невестки, Кёнсон, Тхэсик и распорядительница. Никто как будто и не заметил разразившейся у всех на глазах бури. Всем было по большому счету наплевать, что главу семейства оторвали от ужина, а невестка Ко не вышла поесть вместе с ними. Ни у кого не пропал аппетит, и все предвкушали ужин.

Однако, перебивая послевкусие только что воцарившегося перемирия, вспыхнула новая мелкая ссора.

Тхэсик был полностью поглощен схваткой между господином наставником и невесткой Ко. Как

только все успокоилось, он как ни в чем не бывало вернулся к своему ужину. В это время в комнату влетел Кёнсон, шлепнулся на место, где до этого сидел наставник Юн, и жадно набросился на еду, схватившись за ложку господина наставника.

Разумеется, Тхэсик не смог стерпеть того, что этот жадный, гадкий воришка Кёнсон посмел не просто покуситься на рис его дорогого папы, а еще стал есть папиной же ложкой. А уж когда Кёнсон нагло принялся поедать все самые вкусные яства, Тхэсик не выдержал и замахнулся ложкой.

— Эй! Это папид рис!

Кёнсон даже бровью не повел, зато охотно принялся дразнить мальчишку:

— С чего ты это взял? На чашке где-то написано?

— Воришка! — разнылся Тхэсик.

— Чего?.. А ну-ка, ты...

— Жадида!

— Хорош истерить, недоумок! Плакса...

— Жадида! Воришка!

— Утихни сейчас же! Чего? Ложкой меня треснуть вздумал? А то как я тебя тресну? Чуешь, чем пахнет?

Кёнсон погрозил Тхэсику кулаком через стол. В этот момент как раз вошла его мать, невестка Пак.

— Этот мальчишка... Кёнсон!

— А чего этот недоумок развопился? Обзывает меня жадиной и воришкой!

— Что с того? Не обращай внимания и ешь молча.

— Только пикни мне еще раз, недоумок, и я тебя прибью!

— Ты не слышал меня? Несносный мальчишка... Если не прекратишь, тебе влетит от прадеда, так и знай.

— Ха! Напугали.

— Нет, ты себя-то слышишь? Если будешь так дурно себя вести, тебя отошлют! Изгонят...

— И что же тут такого? Я буду собирать жуков, купаться, лазить по горам и вообще делать все, что душе угодно. А потом вернусь.

Потирая руки, в комнату вошла Сеульская Госпожа. Она нахмурилась, увидев, что Тхэсик все еще сидит за столом как приклеенный, ничего не ест, а вместо этого пыхтит обиженно и все еще шмыгает носом, гоняя зеленые сопли.

— Сестра!

— Чего тебе?

Тхэсик обратился к Сеульской Госпоже, надеясь, что она займет его сторону, но она лишь огрызнулась в ответ, и ему ничего не оставалось, кроме как разреветься и позвать отца.

Тхэсик надул губы, лицо его искривилось, он был готов заголосить в любой момент. Довести Тхэсика до слез — все равно что навлечь на себя большие неприятности. Не ту бурю, что бушевала во время ссоры с невесткой Ко, но настоящее стихийное бедствие, с громом и молниями такой силы, что полдома в щепки разнесет. Наставник Юн не прощал ни малейшей оплошности, но самым страшным прегрешением считалось довести до слез Тхэсика.

Сеульской госпоже ничего не оставалось, кроме как попытаться успокоить мальчишку:

— Ну-ну, давай ешь. Чего же ты куksiшьcя? За столом надо есть, а не куksiтьcя, — мягко произнесла она.

Невестка Пак, вытирая ему сопли, подмигнула Кёнсону. Кёнсон понял намек и подыграл неохотно:

— Дедушка! Кушайте, пожалуйста. Благодаря вам и ваш внук может отведать такие вкусные блюда. Да, дедушка? Мой дедушка так добр! Вот так, дедушка...

Обратившись к семейному дереву, нетрудно убедиться, что пятнадцатилетний Кёнсон приходится внуком своему ровеснику Тхэсику, а Тхэсик действительно является его двоюродным дедом. Конечно, можно просто закрыть глаза на столь странное родство, но не лучше ли называть вещи своими именами? Недаром говорят: нет страшнее трагедии для семьи, чем разрыв поколений.

7

Деньги к деньгам

В комнате наставника Юна дожидался Головастик Сок. Обхватив двумя руками свой огромный живот, он сидел на полу в углу. Он был доверенным лицом господина наставника, его брокером, как это принято сейчас говорить. Его живот был столь внушительным, что, казалось, выступал вперед самого господина Сока всякий раз, как тот тянулся за деньгами. Неудивительно, что его прозвали Головастиком — при таком-то выдающемся животе, почти полном отсутствии шеи и невысоком росте.

Головастик резво вскочил на ноги, приветствуя наставника Юна, и спросил заискивающе, но как будто по-дружески:

— Вы поужинали?

Наставник Юн был рад приходу Головастика, ведь его визит предвещал приятные новости, но для виду нахмурился и ответил ворчливо:

— А что, если нет? Побежишь и купишь тарелку говяжьего супца? Какое тебе вообще дело?..

— Просто спросил. Но если бы вы только сказали, угостил бы вас с радостью.

Пусть наружностью Головастик Сок и не вышел, но лица людей он умел читать хорошо, а потому знал, когда нужно немного польстить. Иначе он не стал бы брокером, которому доверяют тысячи, десятки тысяч вон.

Верно, подумал Головастик, я только что слышал крики, должно быть, что-то рассердило наставника Юна, поэтому он пришел, не поужинав, и срывает злость на мне. Головастик сразу оценил ситуацию и постарался умаслить господина Юна, пустив в ход всю свою обходительность. Как только господин наставник набил табак в свою огромную, с целую ногу длиной трубку, он тут же чиркнул спичкой.

— Да разве ж стал бы я угощать вас каким-то супом? Я б накрыл для вас щедрый стол!

— Ха! Говорят, если свекровь живет слишком долго, рано или поздно ее невестки в тазу утопят. Я вот долго живу и многое уже повидал! Могу и окочуриться скоро, так и не попробовав хорошего нежного мяса!

Наставник Юн выпускал изо рта клубы дыма. Головастик разгладил брюки, вытянул затекшие ноги и достал сигарету.

— Ну что вы, что вы, господин наставник! Я ведь ничего такого особенно и не сказал, всего-то предложил вас угостить...

— Уж не скажи. Есть такие люди, которые только болтать и горазды, а как дойдет до дела, так ничего от них не дождешься. Разглагольствовать всякий может, а вот возьми да угости. Меня, старика, обидеть просто, молодого бы обманывать никто не стал. Да только говорят, если старика уважить, то и самому зачтется непременно. Разве не так, а?

Наставник Юн весь расплылся в добродушной улыбке. Судя по всему, он успел позабыть о том, как сцепился с невесткой, и давно уже успокоился. Да и что в этом удивительного? Если бы он после каждой стычки (а их было немало) смаковал все нанесенные ему обиды, до своих лет он бы точно не дожил.

— Ну нет, что вы, я не просто разглагольствую.

Головастик раскачивался на месте, как будто готовился вскочить на ноги и побежать за говяжьим супом в любую секунду.

— Я могу прямо сейчас пойти да заказать еды и вина. А можно позвонить по телефону, так это вообще мигом... Вы в самом деле не ужинали? Ну так я закажу...

Наставник Юн расхохотался.

— Ну ты даешь! Да тебя чтоб заставить поклониться, с ног придется сбить. Все, хватит пустой болтовни. Я-то знаю, что ты не просто так вдруг расщедрился. Что у тебя на уме?

— Прошу прощения? На уме? У меня? Как можно!

— Не иначе как ты явился по тому делу, что мы обсуждали давеча утром, не так ли?

— Ну что вы, что вы! Дела есть дела, а это ведь совсем другое. Зачем уж вы на меня наговариваете попусту? — Головастик наигранно посмеялся.

— Да пес с тобой! Но ты ведь помнишь, о чем мы говорили? Двадцать процентов, иначе сделки не будет. — Наставник Юн вынул трубку изо рта, одарив Головастика многозначительным взглядом.

Головастик тут же оживился и придвинулся ближе.

— По пути к вам я встретил Кана. В общем, надо мне с вами обсудить кое-что...

— Так он согласен? Даже на двадцать процентов?

— Ну я надеялся, что вы еще раз хорошенько все обдумаете. Хотя бы ради моего блага!

— О чем тут думать? Я дам ему денег в долг.

— Конечно, конечно, само собой, но, пожалуйста, дайте под десять процентов!

— Исключено!

— Вы все же настаиваете... Хорошо, давайте посчитаем, что будет через тридцать дней, если назначить десять процентов за семь тысяч вон. Вычтем процент сразу, тогда получается, что, в сущности, вы даете ему только шесть тысяч триста. А через месяц он вам возвращает шесть триста, да семьсот вон сверху. Итого — семь тысяч. Разве же это плохо? Конечно, ему срочно нужны деньги, но, если взглянуть на дело с его стороны, это же просто кошмар! Как можно требовать двадцать процентов?

— Ха! Еще как можно! Ему нужны деньги. Чем сильнее деньги нужны, тем больше они важны, следовательно — тем выше их ценность. А значит, и процент должен быть выше, не так ли?

— Так-то оно так, да только из ваших слов выходит, что из семи тысяч вон он фактически получит только пять шестьсот, а тысячу четыреста

должен будет вернуть в конце месяца. Разве ж это честно?

— Если он считает, что это нечестно, пусть не берет моих денег. Я ведь не хожу за ним и не упрашиваю взять у меня в долг...

Наставник Юн, конечно, поставил вопрос ребром, и все же он понимал даже без Головастика, что *семьсот вон* в месяц — это неплохая прибыль.

Он мог позволить себе немного импровизации. Ясное дело, двадцать процентов — это лучше всего, но можно сойтись и на пятнадцати, да и если придется согласиться на десять, вреда никакого не будет... Деньги все равно лежат на банковском счете и просто тухнут без дела.

— Если вы не уступите, он может передумать брать в долг...

Головастик, уже хорошо изучивший нрав наставника Юна, наконец смог задеть его за живое. Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

— Может, отбросим дальнейшие споры и сойдемся на пятнадцати процентах? Даже если назначить всего пятнадцать процентов... семью десять — это семьдесят, а семью пять — тридцать пять, итого — тысяча пятьдесят *вон*!

— Нет, ну вы только послушайте его! Ты ведь работаешь на меня, разве ты не должен радеть за мою выгоду как мой брокер? И чем ты занимаешься вместо этого, а? Вечно пытаешься оставить меня в убытке!

— Ну что вы, что вы! Тут речи нет ни о каком убытке! Я всего лишь пытаюсь закрыть эту сделку. Всем известно, лучше договориться, чем размахивать кулаками, разве нет? Я ради вас хлопочу, не ради кого другого...

— Ишь как заливается! Интересно, лез бы ты так из кожи вон, если бы тебе не полагалось никакой комиссии?

— Ну... — Головастик посмеялся. — Раз уже вы заговорили о комиссии... Чем выше процент, тем больше я получу от сделки, вы ведь знаете. Но мир, как известно, не вокруг личной выгоды вращается.

— Чепуха! Если о собственной выгоде не печешься, тебя тут же сожрут с потрохами!

— Правильно вы, конечно же, говорите, верно... Ну так что же вы скажете? Сойдемся на пятнадцать процентах, как я и предложил? Да?

— Ох, я не знаю! Делай, как считаешь нужным. Головастик снова рассыпался смехом.

— Ну что же вы раньше так не сказали? Тогда завтра я приведу к вам господина Кана. Когда вам будет удобно? Хорошо бы управиться завтра до закрытия банка.

— Ну... Тэбок скоро возвращается. Он говорил, что вернется сегодня вечером, так что завтра уже точно будет здесь. Завтра в любое время и подготовим деньги... Только это надежная сделка? Ты уверен?

— Вы думаете, я неосторожен? У него своя лавка. Знаете ведь лавку в Манчхане рядом с мостом Чхольмульгё? Он не какой-нибудь оборванец и не спустит все на вино и женщин. Ему всего-то надо успеть внести деньги в банк до завтра, чтобы не просрочить платеж. Эти деньги осядут в банке, никто к ним даже не прикоснется. Верное дело. Не стоит вам из-за этого Кана беспокоиться. Если порасспросите, то узнаете...

— Что узнаю?

Наставник Юн вынул изо рта трубку, поднялся на ноги, достал из стенного шкафа пухленькую

книгу. Это была книга, составленная лично Тэбоком, своего рода «блэклист» — список всех предпринимателей района Чонно и Пэогэ, показывающий их кредит доверия.

Под кредитом доверия имелось в виду не совсем то, что мы понимаем под этим выражением. В книжке было записано общее состояние каждого предпринимателя и какие на нем висят долги.

Тэбок каждый день просматривал газеты и обозрение кредитного бюро, по крупницам собирал новости и вносил в книгу все данные об изменении кредита доверия.

Пусть книга была сработана небрежно (всего лишь сшитые в толстую тетрадь страницы), одного взгляда на нее довольно, чтобы понять — в этом документе содержится вся информация, которая нужна, чтобы решить, какому предпринимателю стоит давать деньги, а какому — нет.

Когда человек из провинции, тем более подозрительный тип, просил дать ему в долг, наставник Юн всегда ссужал деньги только после заключения договора о том, что должник заложит свою недвижимость. С сеульчанами он вел дела на основе простой закладной, если был уверен в должнике, ибо хорошо знал силу таких расписок.

Для должника на всем белом свете нет ничего страшнее закладной, а для кредитора — ничего удобнее. Как только ее срок истекает, вне зависимости от обстоятельств и без дальнейшего разбирательства, имущество в соответствии с ценностью закладной конфискуется и распродается с молотка.

Даже если мотивы займа вызывают сомнения, у должника нет выхода, кроме как вернуть деньги,

если он их взял под закладную. Нет людей, которые не боятся закладной. Без сомнения, она доказала, что является средством удобным и всемогущим. Наставник Юн пускал в ход по двадцать-тридцать тысяч вон в месяц и получал процентами по меньшей мере три-четыре тысячи. Иными словами, его имущество множилось на десять-двадцать процентов в месяц.

В одной старой книге он вычитал, что на закате эпохи Корё деньги пускали в ход против денег. Нынче же все переменялось, все стало с ног на голову, теперь деньги делают деньги. Уж не является ли это своего рода знамением?..

В общем, как бы там ни было, деньги, кажется, действительно имеют свойство притягиваться к деньгам. Подобное притягивается к подобному.

Наставник Юн снял с пояса очечник, достал очки, водрузил их на переносицу и погрузился в изучение составленной Тэбоком книги.

Головастик, чувствуя, что сделка — дело уже почти решенное, ощутил внезапный прилив спокойствия и закурил в ожидании ответа.

Наставник Юн выискивал все про лавку этого Кана. Проведя в уме кое-какие вычисления, он понял, что Кан, хотя время от времени и влезает в долги, сейчас может вполне осилить заем и в двадцать, и в тридцать тысяч вон. Какие-то семь тысяч точно будут ему по плечу, и никаких трудностей через месяц ждать не стоит.

— Ну, вроде все в порядке, однако...

Выразив таким образом свое полусогласие, наставник Юн вернул книгу обратно на полку, снял очки, закурил свою трубку и уселся вновь. Данное ранее безмолвное согласие считалось дей-

ствительным только при условии отсутствия каких-либо задолженностей у Кана. Нынешнее согласие было уже настоящим, действительным одобрением.

И все же наставник Юн добавил в конце это многозначительное «однако», так что все-таки это было не полное, а полусогласие. Он собирался еще раз обсудить дело с Тэбоком, когда тот вернется. И если вдруг Тэбок скажет, что сделка нежелательна, наставник Юн просто умоеет руки, ведь они не заключали никакого письменного договора, он всего лишь дал свое устное полусогласие.

— Итак?..

Головастик постарался сгладить это повисшее в воздухе «однако» и дожать сделку.

— Значит, деньги будут готовы завтра до закрытия банка?

— Пока что можно сказать и так.

— Как же я могу договариваться с Каном на этом основании? Вы главный, от вас все зависит. Вы должны дать точный ответ, иначе Кан не сможет чувствовать себя уверенно.

— Это, конечно, правда, но ведь и ты знаешь, что я в этих вопросах ничего не смыслю. Все зависит от Тэбока, я поступлю, как он посоветует. Я что, по-твоему, не раздумывая, должен согласиться за какие-то тысячу пятьдесят *вон*, не обдумав все как следует? Да и тех денег мне не видать. Вычесть твою долю в сто пять *вон*, и что мне останется? Даже тысячи не наберется. А если что-то пойдет не так? Мне просто выбросить шесть тысяч *вон*?

— Ну что вы, господин! Разве бы я стал вам предлагать ненадежную сделку? Как можно... Вы

знаете меня уже сколько? Четыре, пять лет? Ни разу за это время вы по моей вине не потеряли и монеты!

— Говорят, лучше семь раз отмерь, один раз отрежь. В нашем мире надо в оба всегда смотреть. Только зазеваешься — как тебя мигом кто-нибудь да облапошит.

Головастик рассмеялся вновь.

— Всем бы так, дожив до ваших лет, не потерять хватку! Тут вы совершенно правы, если вести дела аккуратно, можно избежать многих ошибок. Так Тэбок возвращается сегодня? Вы уверены?

— Может, он вернется поздно, но точно сегодня.

— Значит, если Тэбок подтвердит, что сделка надежная, деньги будут готовы завтра?

— Пожалуй, будут.

— Тогда я приведу Кана завтра около полудня. Вот мы все и уладили. Какое облегчение!

— Тебе-то, может, полегчало, а вот меня не покидает ощущение, что я мог бы получить на лишнюю тысячу больше!

— В следующий раз я устрою для вас самую выгодную сделку. Потерпите немного. Деньги сами поплывут к вам в руки. Банки нынче свирепствуют, все в полном отчаянии. Особенно страдают те, кто купил землю или имущество на взятые в долг у банка средства. Они будут только рады заплатить, скажем, сорок, пятьдесят чон в день!

— Ну и кто же в здравом уме даст таким людям в долг под пятьдесят чон в день, когда можно смело требовать не меньше *воны*. Нуждается ведь не тот, кто дает в долг, а тот, кто берет, а значит, он и *вону* заплатит.

Наставник Юн ничего не знал о недавно принятом законе о регуляции процентной ставки.

А хоть бы и знал, вряд ли бы его это сильно испугало, ведь десять лет назад он уже сталкивался с похожим законом и сумел успешно его обойти. Даже если он и окажется в щекотливом положении, он всегда сможет найти из него выход и вернуться к делам.

— Итак, значит, сделка состоится...

Уладив все вопросы, Головастик собирался уже вскочить на ноги, но ради блага будущих деловых отношений не смог упустить шанс завоевать благосклонность господина наставника.

— И все же скажите, вы в самом деле не успели поужинать?

— Выдернули прямо из-за стола! Вывела меня из себя, чтоб ее...

Наставник Юн вспомнил вдруг о позабытом гневе, и пустой желудок тут же дал о себе знать. Господин наставник резко стукнул трубкой о край пепельницы.

— Разве так можно? В вашем возрасте нужно лучше о себе заботиться!

— Это все злая судьба, вот что я говорю себе.

Головастик думал, что наставник Юн сейчас снова разразится ругательствами, но этого не произошло. Его лицо, еще мгновение назад не показывавшее никаких признаков беспокойства, вдруг потемнело, зычный голос сделался совсем глухим.

— Я каждый год собираю десять тысяч сок риса, зарабатываю несколько десятков тысяч *вон*. И даже такой богач, как я, при всем моем несметном состоянии, вынужден ходить голодным!

В самом деле, наставник Юн мог бы питаться рисом всего с одного урожая по меньшей мере сотню, а то и тысячу лет, и все равно бы оста-

лось. Лишь подумав о том, как часто ему приходилось ходить голодным, наставник Юн невольно почувствовал жалость к себе и своей несчастной судьбе.

— Вот ты к примеру! Ты первый бы назвал меня счастливым человеком, воскликнув: «Вот повезло ж старику Юну!» Так может говорить лишь тот, кто ничего обо мне не знает... а человек вроде меня ничем не отличается от пса, который лает почем зря всю ночь, отгоняя ворье от зерна. Собачья жизнь! Собачья жизнь, вот что я тебе скажу!

Наставник Юн замолчал. Медленно выдохнул дым, глядя в никуда отсутствующим взглядом.

Головастик даже представить не мог себе, что однажды увидит наставника Юна таким и станет слушать его горестные вздохи. Обычно господин наставник был зол как собака либо благодушен спяну; пыхтел от жадности, подсчитывая каждую монету, либо кипел от гнева, распекая всех направо и налево. Головастик Сок был всего лишь делец, куда уж ему постигать глубины человеческой души. Он видел перед собой только вредного старика, скопившего несметные богатства, окруженного наследниками, прожившего долгую жизнь, но даже сейчас способного дать фору любому. Словом, старика, благословленного судьбой, который жалуется на то, что приходится ходить голодным, на какие-то неведомые печали, собачью жизнь. Этот старик уже пожил свое и влачил последние дни. С этой мыслью Головастик снова бросил взгляд на господина наставника.

Три медных монеты за упокой

Головастик с трудом удержался от соблазна попросить наставника Юна полаять, когда тот сравнил себя с собакой. Жаль только, что подобная шутка граничила с дерзостью. Вместо этого брокер решил утешить наставника Юна лестью, елейно пытаясь убедить его в том, что глава столь процветающего семейства, взрастивший детей и внуков, не может избежать разнообразных обременительных забот.

Наставник Юн, казалось, пропускал мимо ушей все старания Головастика — он сидел, глядя в пустоту отсутствующим взглядом. Вдруг он спросил сурово:

— Ты видел когда-нибудь, как перед похоронами омывают тело?

Наверняка за этим вопросом что-то крылось, но от столь внезапного упоминания об омовении мертвеца Головастик почувствовал, как по спине его побежали мурашки.

— Наверняка видел... Я вот что хочу сказать... — продолжил наставник Юн, словно не заметив замешательства Головастика. — Ты ведь знаешь, что моя жена скончалась в прошлом январе.

— А, да! Уже год прошел, говорите? Как же время быстро летит...

— Мне тогда сказали следить за исполнением ритуалов, и я вошел в комнату, где лежало тело. Я вошел и тихо наблюдал со стороны. Не помню, как это точно называется, но, когда тело заворачивают в саван, перед тем, как завязать семь узлов, они берут ложку риса, словно кормят слеп-

ца, подносят ко рту покойного и говорят: «Тысяча сок риса!», потом берут вторую ложку и снова: «Две тысячи сок риса!», затем третью и — «Три тысячи сок риса». Да, так они и делали... А потом брали медные монетки, те, что были в ходу еще во времена династии Чосон. Они брали одну монету и говорили: «Тысяча нян!», две монеты — и «Две тысячи нян!», три монеты — три тысячи, вот что они делали.

— Верно! Это же... — Головастик, наконец, понял, ради чего наставник Юн затеял этот разговор, и вторил ему охотно, кивая головой. — Покойному дают деньги на его последний путь, чтобы, добравшись в иной мир, он пребывал там в достатке и благополучии, разве не так?

— Так-так. Я это прекрасно знаю. Мне хорошо знаком этот ритуал с тех пор, как я похоронил родителей. Не думай, будто я видел его впервые, когда умерла жена, это не так. Я вот что хочу сказать... Моя жена была женой богатого человека. Богатого... И все же в конце концов, когда она лежала там, холодная и неподвижная, в последний путь ей дали три ложки риса да три монеты. Это все, что она смогла взять с собой. Понимаешь? Когда богач умирает, все, что он может взять с собой, — всего лишь три ложки риса и три монеты!

Головастик сидел тихо и внимал со скорбным выражением на лице. Наставник Юн попыхивал трубкой некоторое время, потом вздохнул тяжело и продолжил:

— Поразмыслив как следует, я понял, что, когда мои глаза закроются навсегда, мне тоже придется отправиться в иной мир, прихватив с собой лишь три ложки риса и три монеты... Разве не так? Или что, мне выкоют огромную могилу,

чтобы сбросить туда тысячи мешков риса и десятки тысяч монет? А даже если выроют, что с того? Мне не будет от этого никакой пользы. Так?

— Ха, все это так!

— Та-ак. С этим нельзя не согласиться. Вот что я хочу сказать: даже такой человек, как я, владеющий тысячами сок риса и десятками тысяч монет, даже я, когда умру, смогу взять с собой на тот свет только три ложки риса и три монеты... Если так и будет, то зачем же я бьюсь, стараясь сохранить и приумножить свои богатства, а между тем только ленивый не поносит меня за спиной, собственные дети и внуки меня ненавидят! Я не трачу деньги так, как мне хочется, не живу, как мне нравится. Почему? Понимаешь, что я имею в виду?

— Да-да... Ха! Кажется, понимаю.

— К тому же, к тому же... Сколько лет мне еще осталось? Сто? Пятьдесят? Десять в лучшем случае, пока я не протяну ноги. И тогда я потеряю разом все свои проклятые богатства. Почему же они не дают мне покоя? Ради чего я трясусь над каждой монетой? Любая дрянь презирает меня, я не могу дожить свои дни, наслаждаясь спокойствием и достатком... Думаешь, это все? Я наскребая свое состояние по монетке... Что за жалкая судьба, ради чего все эти потуги? Вот какие мысли вертятся без устали в моей голове с тех пор, как я увидел свою жену на том столе.

Это было до того непохоже на наставника Юна — изливать душу столь откровенно, что, с точки зрения Головастика, все выглядело таким образом, будто на старика так странно повлиял страх скорой неминуемой смерти.

Гость и хозяин некоторое время молчали. Головастик изучал лицо наставника Юна, пытаясь

понять его настроение, чтобы сказать что-нибудь утешительное.

Как бы то ни было, старик либо начинал впадать в маразм, либо просто сошел с ума. Вот было бы славно, если бы старый хрыч вдруг сказал что-нибудь вроде: «Эй, ты, мне больше не нужны все мои богатства, не нужны они мне, так что бери их и живи в достатке...» В самом деле, почему бы старику не отсыпать ему несколько десятков тысяч *вон*. От одной только мысли о неожиданном богатстве им овладела жадность, а бедность только разжигала его аппетит. Желание умаслить старика хоть как-то становилось все более и более отчаянным.

— Господин наставник?

— Ммм?

Головастик обратился к старику как можно более вкрадчиво, и получил вполне добродушный отклик.

— Есть кое-что, что я хотел бы вам предложить.

— Предложить?

— Да, есть одно дело, которое...

— Постой. Уж не собираешься ли ты снова уговаривать меня пожертвовать деньги на эту, как ее, школу? Я прав? Даже не заикайся про это опять!

Судя по тому, как резво наставник Юн отразил поползновение на его драгоценный капитал, он уже очнулся от своих мыслей и снова стал прежним — ни следа не осталось от печали в глазах и грустных ноток в зычном голосе.

— Ну что вы, что вы!

В груди у Головастика что-то оборвалось, когда он увидел, как все его надежды испарились без следа. Теперь ему следовало быть куда осторожнее, и он добавил поспешно:

— Я и не собирался. Вы ведь уже сказали, что вам это неинтересно, разве стал бы я снова документать? Да и какой вам с этого прок... Я ведь почему об этом речь повел. Если пожертвовать на школу, все газеты выпустят кучу хвалебных статей, может, вам и памятник поставят. Вас станут чтить потомки... Вот поэтому я тогда заговорил об этом, так, к слову пришлось. Но вообще, если подумать, это все пустая трата денег. Ничего замечательного в этом нет!

— Замечательно — не замечательно, разве нормальный человек захочет тратить собственные деньги на какую-то школу? Зачем делать что-то, от чего тебе лично пользы никакой, только другим польза? И как еще мир таких сукиных детей носит?.. погоди, эти филантропы еще будут милостыню просить по подворотням. Ты только погоди!

В самом деле, наставник Юн не сошел с ума и старческий маразм его не одолел, он был в абсолютно здравом уме. К сожалению для Головастика, но ничего не поделаешь.

Все попытки Головастика снискать расположение господина Юна потерпели сокрушительное поражение и только спровоцировали его на проявление дурного нрава. Он даже вспотел, пытаясь бросить все свое красноречие на обоснование причин, почему тратить деньги на общественное благо — это такая уж плохая затея. Лишь преуспев в этом сложном деле, он смог вернуться к вопросу, который собирался поднять до того, как разговор свернул не в то русло.

— Я вам уже не первый день служу, и мне больно видеть, как вы, в вашем-то возрасте, печалитесь, как пропускаете ужины. У меня тоже есть по-

жилые родители, я не могу безмолвно наблюдать за тем, как вы страдаете, хоть вы мне и не родной отец... Я всегда внимательно слежу за вашим самочувствием. И это не пустая болтовня!

— Это ты меня все-таки говяжьим бульоном угостить собираешься?

— Ох, господин! Послушайте, господин...

— Ну что такое?

— Вот что я хочу вам предложить от всего сердца: почему бы вам не взять себе новую жену?

Наставник Юн полоснул Головастика острым взглядом и только усмехнулся. Как будто говоря: «Наглость большая с твоей стороны мне такое предлагать, но что-то в этой мысли есть, что-то есть...»

Головастик приторно улыбнулся в ответ, придвинул одно колено ближе, склонив к старику свою лишенную шеи голову.

— У вас все еще прекрасное здоровье. Почему бы не найти бережливую женщину средних лет, которая позаботится о вас и будет вам готовить? Поселитесь в отдельном доме где-нибудь неподалеку. Я уверен, ваша дочь прекрасно справляется с ведением хозяйства, но, если вы возьмете жену, наверняка вам будет куда сподручнее. Вы все еще полны сил, и, если вам вдруг станет одиноко вечером или ночью, вы всегда сможете найти в ней утешение... хе... хе...

— Ну ты, попридержи коней!

В словах Головастика было разумное начало, последнее его замечание прозвучало настолько соблазнительно, что наставник Юн, будучи не в силах и дальше сверкать взглядом и усмехаться, вытащил трубку изо рта и теперь откровенно пускал слюни.

— Ха... разве не замечательная идея? Без лишних слов приступайте поскорее к поискам жены, господин.

— Вижу, ты понимаешь, в каком положении я нахожусь. — Наставник Юн наконец решился заговорить начистоту о том, что мучило его уже давно. — Раз уж ты сам завел этот разговор... Я был бы только рад, если бы рядом со мной была женщина, пусть даже плешивая. Вот только куда должен я пойти в моем возрасте, к кому обратиться, чтобы найти подходящую жену? Непростое дело, ты так не считаешь?

— Конечно-конечно, вам негоже самому заниматься этим вопросом, я это прекрасно понимаю, а потому...

— В этом вся беда. И с окружением мне как на зло не повезло. Эти двое, Чхансик и Чонсу, более неблагодарных паршивцев на всем белом свете не сыщешь! Прибить их обоих мало. Ты спросишь — за что? А я скажу! У каждого по две-три наложницы, а о родном отце заботиться они и не думают! Разрази их гром... Будь у них хоть немного совести, они нашли бы мне женщину, пусть хоть косую... Женщин ведь полным-полно, не так ли? Если бы они нашли мне женщину, косую, кривоносую, все равно! Она бы, как ты говоришь, ухаживала за мной и развлекала меня время от времени, так? Но они слишком заняты, проматывая мои деньги, обо мне им думать некогда! Вот и скажи мне, заслужили они, чтобы я их прибил на месте, или нет?

Наставник Юн жаловался на свое великое горе самозабвенно, хотя на самом деле он лукавил. Он жил без женщины не более года, с прошлой осени. До этого у него никогда не было недостатка в наложницах.

Когда он жил в деревне, он содержал двух наложниц в отдельных домах и тесно общался с приглянувшимися ему девицами из питейных заведений. А если привечал где-нибудь миловидную девушку, всегда брал в дом под предлогом, что она будет массировать ему ноги. Даже если не брать в расчет случайные связи, за десять лет, что он жил в Сеуле, у него было не меньше десяти наложниц.

Кисэн, все эти якобы школьницы, условные девственницы — кого только не было. Всех их он отсылал прочь через год, а то и два-три месяца.

Примерно три года назад наставник Юн нашел себе подходящую вдову. Он купил ей дом прямо по соседству и, не зная забот, получал от ее общества массу удовольствия целых два года.

Ей было за тридцать, и уродливой назвать ее язык не поворачивался. В отличие от большинства тогдашних девиц, она знала свое место, была скромной и покладистой, хорошо вела хозяйство. Словом, с ней ему повезло.

Он даже раздумывал после смерти завещать ей дом и землю или сотню сок риса, чтобы после его кончины она жила безбедно, при условии, конечно, что она не доставит ему никаких хлопот и будет ухаживать за ним до последнего его дня.

Затем случилось что-то, чего наставник Юн никак не ожидал. По крайней мере, от этой женщины. Говорят, что люди не меняются, но все-таки жизнь наложницы изменила ее, и не в лучшую сторону: она начала подворовывать у него понемногу, а потом и вовсе сошлась с живущим неподалеку молодым служащим страховой компании и однажды ночью сбежала с ним, забрав все свои вещи и прихватив кое-какие ценности в придачу.

Конечно, каждый сам выбирает, что для него предпочтительнее — привязать себя к старику и растратить все молодые годы рядом с ним, но обеспечить себе достойную старость, или отдаться молодому человеку и наслаждаться настоящим, наплевав на завтрашний день. С точки зрения наставника Юна, эта дрянь, конечно, сама упустила свое счастье, и он был почти уверен, что она кончила свои дни в какой-нибудь сточной канаве.

Не то чтобы его особенно беспокоила участь этой женщины, но после ее побега он чувствовал какую-то пустоту. Словно лишился чего-то важного, не сокровища, но чего-то удобного и привычного, что было под рукой всегда. И поэтому, чтобы унять досаду, он бранил ее на чем свет стоит.

Как бы то ни было, вкусив все радости жизни с пристойной наложницей, наставник Юн даже думать не мог о том, чтобы взять в дом какую-нибудь *кисэн* или ряженую школьницу. Ему хотелось найти такую же женщину и получать такое же удовольствие. Если бы не это маленькое обстоятельство, вряд ли бы он все эти долгие месяцы (с прошлой осени!) маялся один — уже давно обзавелся бы парочкой наложниц.

Над поиском подходящей наложницы в поте лица трудился один рябой корабейник — торговец женским тряпьем, которого наставник Юн несколько лет назад взял под покровительство. Когда после долгих поисков он представлял наставнику Юну подходящую кандидатку, тот всегда находил в ней какой-нибудь изъян для отказа, а затем распекал беднягу за то, что он не смог выполнить поручение.

Неудивительно, что наставник Юн, человек от природы нетерпеливый, после целого года, проведенного в одиночестве, не мог сдерживать раздражения, видя, как медленно продвигается поиск новой наложницы. Потому-то этот вспыльчивый злонравный старик и не упускал случая поносить своего сына и старшего внука за то, что те не спешат найти ему женщину.

Эти двое жили в свое удовольствие, меняя женщин как перчатки. Если бы они только захотели, то без труда отыскивали бы подходящую наложницу для наставника Юна, но им просто не было дела до нужд главы семейства. Конечно, наставник Юн хотел прибить этих мерзавцев, разрази их гром.

Всегда, когда наставник Юн вызывал к себе сына или внука по какому-нибудь делу, он заканчивал свои нравоучения одинаково:

— Вы неблагодарные, непочтительные паршивцы! Дня, ночи не проходит, чтобы при вас не было по две, три женщины! А я, старик... Хотите, чтобы я помер тут в одиночестве? Разрази вас гром!

Он не стеснялся распекать их в открытую — ничего удивительного, что он свободно поносил их и в присутствии Головастика.

Головастик хорошо постарался, завоевывая доверие наставника Юна, и теперь, даже если его поиски не увенчаются успехом, он всегда сможет притащить какую-нибудь образину в юбку, а потому, раз уж они завели об этом разговор, он решил не отступаться и подогреть аппетиты старика.

— За несколько дней я могу подобрать вам что-нибудь действительно стоящее — жену, я имею в виду. Мы впервые заговорили об этом сегодня,

но на самом деле я уже давно раздумывал, так и эдак, расспрашивал здесь и там...

— Спасибо, конечно, за хлопоты, но это вовсе не обязательно.

Так ответил наставник Юн, но его хитро прищуренные глаза говорили о другом. На самом деле он думал: у этого человека много знакомств, у него хорошо подвешен язык, в целом если кто и может справиться достойно с таким заданием, так это он.

— Ну что вы, мне совсем не трудно! Предоставьте это дело мне. Вот увидите...

— Надеюсь, ты не подумываешь о какой-нибудь *кисэн* или ряженой школьнице? Такие девицы только и думают, как бы обобрать доброго человека. Наглые, распущенные девки. Только и ищут, как бы что-нибудь где-нибудь перехватить... Такой дрянной, негодной женщины мне и даром не надо!

— Как можно! У меня и в мыслях не было подсовывать вам что-нибудь эдакое. Вот увидите. Сыщу достойную вдову лет пятидесяти.

— Пятидесяти?! И на кой мне, скажи, пятидесятилетняя старуха?

Головастик тут же рассыпался смехом.

— Ну конечно, конечно. Я так сказал, только чтобы посмотреть, как вы отреагируете.

— Нет, вы его послушайте!

— Ха-ха-ха... Что скажете, если ей будет за тридцать? Или, скажем, чуть за сорок? — спросил Головастик, все еще посмеиваясь.

— Все верно, от слишком молодой тоже никакого проку.

— Все понятно. Доверьтесь мне. Вот увидите, подыщу для вас не слишком молодую, достаточ-

но миловидную, смышленную, покладистую и бережливую...

В этот момент с улицы донесся звон колокольчика — это мальчик развозил газеты. Беседа тут же прервалась, и в комнате повисло напряженное молчание. Доставили экстренный выпуск.

После Мукденского инцидента фронт постепенно смещался в центральные регионы Китая и дальше на юг, превращаясь в полномасштабную японо-китайскую войну. По мере эскалации конфликта газеты печатали специальные выпуски все чаще.

Когда колокольчик извещает о специальном выпуске, освещающем последствия какого-нибудь потопа или еще что-нибудь столь же обыкновенное, со временем острота впечатлений притупляется. Но этот колокольчик извещал об огромном несчастье, именуемом войной. Специальные номера выходили все чаще, а это значило, что война разгорается и распространяется как пожар, каждый новый выпуск приковывал все больше внимания, напряжение росло.

Головастик и наставник Юн молчали. Воображение, раздраженное прилетевшим с улицы звоном, рисовало возможный ход войны на основании их весьма приблизительных знаний о том, как протекает конфликт.

— Наверное, где-то снова что-то захватили, да? — Наставник Юн первым прервал молчание, когда звоночек затих вдали.

— Ну... наверное, так, да.

— Говорят, Китаю не на что рассчитывать. С чего эти дураки вообще взяли, что смогут противостоять Японии, величайшей из держав?

— Совершенно согласен! Китайские солдаты никуда не годятся. Стоит им только слышать

выстрелы, как они бросают винтовки и штыки и бегут прочь. Поэтому-то у них и заведено, что есть те, кто сражаются в передних рядах, и те, кто стоят за их спинами с винтовкой наперевес, чтобы первые не сбежали... Если кто-то только попытается удрать, их убивают на месте!

— Сукины дети... Зачем тогда вообще сражаться? Совсем с ума посходили. Вот скажи! Я слышал, что и на этот раз война началась из-за того, что они первые замахнулись на японцев. Это так?

— Верно так. Ну и тупицы же.

— Лучше бы они не высывались да торговали тихо-мирно искусственным шелком и сладкими лепешками. Куда им воевать!

— Может, им сражаться-то и не пристало, да вроде как за ними сила посерьезнее стоит.

— Да? И кто же?

— Россия, господин хороший!

— Россия?

— Да... Они бы ни за что не посмели воевать, если бы Россия не науськивала Чан Кайши. «А почему бы тебе не схватиться с японцами? Жалкий идиот, у тебя кишка тонка? Давай развяжи войну. Развяжи! Ты только начни, а уж я подсоблю. Не думай ни о чем, просто атакуй. Ударишь раз, и дальше все пойдет само собой. Все сложится отлично!» — вот так вот и подстрекала.

— Ясно, так это все русские! Только зачем? Уж не потому ли, что проиграли в Русско-японской войне? Хотят свести счеты...

— Вовсе нет. Просто русские задумали теперь проглотить Китай.

— Оттяпать Китай? Ну, если уж они этого хотят, то почему бы им самим не повоевать с китайцами?

— Вы не понимаете. Русские ведь теперь... как это... социалисты!

— Да-да, я слышал, эти русские ублюдки такие... Они там у себя забрали все у богачей да раздали крестьянам и треклятым рабочим. Так ведь?

— Верно!

— Ну и дела! Где это видано вообще!

— Только русские не хотят заниматься этим в одиночку. Они хотят, чтобы китайцы сделали у себя то же самое!

— Китайцы? И китайцев превратить в бандитов? Этих... поганных социалистов? Как их ни называй, а я знаю, что на самом деле они всего лишь обыкновенные разбойники. Ты, может, не знаешь, но во времена Чосон были такие... *хвальбиндановцы**. Ничем не отличались от этих... как их... проклятых социалистов.

— Я слышал про них.

— Тогда ты понимаешь. Эти *хвальбиндановцы* ничего из себя не представляли, всего лишь скопище бандитов, ворье. Совсем как эти... Понимаешь?

— Именно так, господин! И эти бандиты, и социалисты придерживаются одного принципа, что бедные должны обворовывать богатых.

— Вот, вот! Это же просто безумие какое-то. Только потому, что они бедные, они лютуют и неистовствуют. Так ты говоришь, эти дрянные русские хотят и китайцев превратить в отпетых бандитов?

* В конце XIX века в Корее существовало движение Хвальбиндан, состоящее преимущественно из представителей бедных слоев населения. Со временем слово «хвальбиндан» стало нарицательным для разного рода банд и шаек, которые грабили зажиточных граждан с целью раздать их имущество беднякам.

— Все так. И не только китайцев, они под себя весь мир перекроить собираются!

— Что? И Корею тоже?.. Разве у нас уже не переловили и не пересажали всех этих подонков, этих социалистов? Разве уже не пошло все на убыль?

— Но если Китай станет совсем как Россия, ничего хорошего из этого не выйдет. Это ведь не только на Корею, на всю Азию повлияет!

— А тут ты прав! Корея ведь прямо рядом с Китаем... конечно, и нас заденет тоже! Только этого еще не хватало! Только не это. Плевал я на остальных, а мне-то как быть? Беда, бе... У меня даже сейчас мурашки по коже бегут, стоит только вспомнить о тех бандитских налетах, с которыми приходилось иметь дело раньше. И что, мне теперь переживать все это снова? Ни за что! Никогда не бывать этому! Пропади они пропадом! Проклятые твари... — Наставник Юн разбушевался так, будто его враги действительно стояли прямо перед его глазами.

— Ну, в таком случае...

— Скажи-ка мне, кто им не дает стать богаче? Кто у них когда-нибудь что-нибудь украл? Почему эти сволочи никак не успокоятся? Каждый человек живет согласно судьбе, которая ему уготована, кто-то богат, кто-то беден, все это предопределено небом, все это провидение... Только потому, что кому-то живется лучше, а у них жизнь не задалась, им можно красть у кого ни попадя и набивать свои животы? Так, что ли? Разве это правильно? Всех их нужно переловить, ублюдков этих, и поотрубить им бошки!.. Что делать, если мир снова вернется к прежнему? Что?

— Не стоит вам об этом волноваться, господин наставник.

- Не стоит?
- Определенно!
- Хорошо, если так, да только...

— Именно потому сейчас японцы и наступают на Китай, чтобы этого не допустить. Чан Кайши не знает, что сам себе роет могилу. Эти русские социалисты запудрили ему мозги. Он сам себе могилу роет, это точно... Как вы и сказали, все они превратятся в жалких бандитов.

— Именно так! Могилу роет? Если бы так просто! Он ведет страну к полному краху! Китай превратится в Корею времен лютующих разбойничьих шаек...

— Скажем так, опутанные русскими сетями, китайцы сами слепо идут навстречу своей гибели. Если так и дальше пойдет, русские не только Китай утащат за собой на дно, они станут угрозой всей Азии. Этого допускать нельзя. Поэтому Япония выступила, чтобы привести Китай в чувство. Вся эта война — это про то, чтобы научить китайцев уму-разуму.

— Ха-а! Хорошо, просто замечательно. Теперь-то мне все ясно! В этом есть смысл! Именно так и нужно сделать! Без сомнения, это будет правильно! И в этот раз нельзя позволить этим ублюдкам отделаться простой оплеухой, их надо отходить до полусмерти, отделать их так, чтобы им больше никогда ничего подобного в голову не пришло, чтобы живого места не осталось, да хоть бы ноги все переломать... Да, это дело хорошее. Так эта война, получается, не для того, чтобы оттяпать побольше земли? Не как всегда бывает?

— Конечно! Это совсем другая война!

— Замечательно! Неужели кому-то на свете живется настолько тяжело, что можно затеять

этакое дело? Сам посуди. Сколько полицейских и чиновников прислали к нам, чтобы известить этих бандитов. Благодаря им мы, мирные граждане, можем жить в мире и спокойствии. И вот теперь японцы воюют с этими проклятыми социалистами, чтобы защитить нас. Разве это не благое дело? Весьма благое, и мы должны быть благодарны! Только точно ли японцы выиграют в этой войне?

— Никаких сомнений! Японцы выиграют обязательно!

— Ну конечно, разумеется... Япония — самая богатая и могущественная держава на белом свете. Даже от сердца отлегло.

Поглощенный беседой, Головастик вдруг пришел в себя и вытащил часы из кармана. Сказав, что у него еще много дел, он в спешке удалился. Уходя, он не забыл уверить наставника Юна в том, что помнит о деле, которое они обсуждали ранее, обязательно подойдет к нему со всей ответственностью и скоро отыщет ему подходящую жену.

9

Экономия ради экономии

Как только Головастик ушел, наставник Юн растянулся на своем матрасе и удобно устроил голову на деревянном подголовнике.

Грузный бледный старик, развалившийся на полу в пустой комнате, тускло освещенной тринадцативаттной лампочкой и наполненной дымом, выглядел жутко, словно руины давно заброшенной крепости.

Наставник Юн лежал без дела и страдал от скуки. Вот бы Чхунсим пришла пораньше! Она обещала заглянуть к нему после ужина, а раз обещала — придет непременно, но, учитывая ее ветреный характер, не стоило надеяться, что она явится вовремя как штук.

И Тэбок что-то задерживался. Наставнику Юну не терпелось узнать, как он справился с поручением. К тому же было уже восемь часов. В это время Тэбок обычно приходил, чтобы включить и настроить радио.

За ужином наставник Юн не успел перехватить и пары ложек, и теперь был ужасно голоден. Если бы дочь или кто-нибудь из невесток принесли сейчас столик с едой и предложили ему поужинать, он бы, конечно, сделал вид, что не хочет и согласился бы нехотя, но на самом деле поел бы с огромным удовольствием. Только никому из домочадцев даже в голову не пришла такая мысль, и это злило наставника Юна еще больше.

Он был настолько голоден, что даже подумывал отправить Самнама за тарелкой удоны, он уже видел, как втягивает лапшу с огромным аппетитом, хлюпая бульоном и причмокивая. От одной мысли об этом его рот наполнился слюной, и все же Самнама он не позвал — у него в груди все сжималось при мысли, что об этом узнают домочадцы, а он не мог потерять свой авторитет в их глазах.

Наставник Юн все гадал, кто явится раньше, и в итоге первым пожаловал Тэбок.

Для управляющего, секретаря и вообще личного помощника такого богатея, как наставник Юн, Тэбок выглядел довольно жалко, да и одет был не ахти. Он носил тканевые туфли на шну-

ровке, военные штаны цвета хаки и черную чогори*. Черный галстук криво опутывал сморщенный воротничок. Его голову величала старая соломенная шляпа — ей было уже четыре года. Лицо Тэбока обгорело на солнце, щеки ввалились, скулы резко выступали, а глаза запали.

Он походил больше на бедного служащего какого-нибудь маленького провинциального учреждения, который только вернулся домой после продолжительной поездки по делам службы, изможденный и изголодавшийся. А ведь когда-то он в самом деле служил в провинциальном учреждении.

Тэбок вошел в комнату, но не успел он и рта раскрыть, чтобы поздороваться, как наставник Юн рывком сел и выпалил нетерпеливо:

— Ну? Как?

Тэбок ездил вместе с судебным приставом, который должен был наложить временный арест на собственность одного из просрочивших выплаты должников наставника Юна. По сути, плевое дело, но поскольку наставник Юн был человек от природы нетерпеливый, ждать, когда Тэбок отчитается сам, он не мог.

— Все хорошо...

Тэбок, уже наученный опытом, не пытался ничего рассказать сам, а ждал, когда наставник Юн задаст ему очередной вопрос. Он тихо сел на пол, поджав под себя ноги, и уставился на господина наставника в ожидании следующего вопроса.

— Какую собственность арестовали?

— Вообще, в амбаре как раз оказалось с полсотни сок риса.

* Чогори — неотъемлемая часть корейского традиционного костюма, напоминающая блузу или жакет.

— Риса? Вот это удача... И на них точно наложили арест?

— Да.

— Отлично! Так мы сами и купим с аукциона все эти мешки по хорошей цене! Рис...

— Я уже провел все необходимые приготовления.

Тэбок, конечно, был не из тех, кто берется за дело спустя рукава.

Наставник Юн собирался убить двух зайцев одним выстрелом. Имущество должника уже арестовано, а значит, когда спустя время его выставят на продажу, он сможет купить его за бесценок через верных людей. Так он получит двойную выгоду. Предвкушение легкой наживы было настолько сладким, что наставник Юн никогда не упускал возможности провести такую хитрую схему.

— Да, все сложилось как нельзя лучше! Ну так ты подмаслил кого надо?

— Десять *вон* ушло на выпивку. Но эти деньги вернутся с лихвой!

— Отлично! Что угодно на свете можно вернуть, если знать, кому приплатить. Ну, ступай, поешь. Ты, наверное, голоден. А, кстати!.. Нет, ладно. Иди поешь сначала. Поговорим потом!

Наставник Юн хотел обсудить то дело, которое он обговаривал раньше с Головастиком, но Кан и его лавка могли пока подождать. Они обсудят все позже или даже завтра, сейчас Тэбок, вероятно, устал и был голоден, так что можно отложить все разговоры на потом.

Если дело не касалось вопросов прибыли, наставник Юн мог найти достаточно много причин, чтобы заботиться о благополучии Тэбока. На са-

мом деле Тэбок был настоящим сокровищем. Можно даже сказать — продолжением самого наставника Юна, его правой рукой.

Записанное иероглифами, его полное имя Чон Тэбок значило «абсолютное бесконечное счастье». Конечно, его имя вряд ли могло обещать ему светлое будущее, но до сегодняшнего дня счастье в его жизни явно не было ни абсолютным, ни бесконечным. Очень даже наоборот.

Он родился в тех же местах, что и наставник Юн. Пять лет служил в местном учреждении, четыре из них — бухгалтером. Педантичность, прямота, надежность и вместе с тем острота ума стали теми качествами, которые привлекли внимание господина наставника. Поэтому, когда семейство Юнов переехало в Сеул, господин наставник вместе с прочим имуществом прихватил с собой и Тэбока в качестве бухгалтера, поверенного, а также надежного посыльного.

Все эти десять лет Тэбок служил наставнику Юну безукоризненно. Он вел дела во всех отношениях идеально, даже можно сказать, что Тэбок был создан специально для того, чтобы служить наставнику Юну. Сообразительный, хваткий, расторопный, никогда не упускающий выгоды... в нем не было никаких изъянов.

Например, если отправить его вечером в город с поручением купить три брикета тофу, он наверняка почувствует острую необходимость купить только два с половиной. А поскольку ни одно заведение во всем Сеуле не согласится продать только половину брикета, он решит сэкономить еще больше и купит только два. В итоге, его стремление сэкономить два с половиной чона приведет к тому, что он сэкономит вдвое боль-

ше и сбережет целых пять. Разве кто-то может справиться лучше? И это лишь один пример удивительной склонности Тэбока к экономии. Честное слово, бережливость этого человека просто не знала границ!

Некоторые, конечно, считали Тэбока скрягой, и все же такая поверхностная характеристика унижала его человеческое достоинство. То, что он чувствовал необходимость купить два с половиной брикета вместо трех, а не найдя места, где отпускали бы половинки, брал только два брикета, не было продиктовано исключительно желанием сэкономить деньги как таковые. То есть это не было его абсолютной целью.

Ему было не важно, кому принадлежали деньги или имущество. Для него имело значение только то, как распорядиться ими наиболее экономично и эффективно. Именно к самому процессу экономии Тэбок проявлял самый живой интерес.

Вот настоящая причина, по которой, если ему велели купить три брикета тофу, он покупал только два. А если наставник Юн отправлял его с поручением на окраину Тондэмуна, туда он шел пешком и только обратно ехал на трамвае, сэкономив пять чон на проезде. В такие дни Тэбок светился счастьем. Снова и снова он рассматривал сэкономленные пять чон. Вы могли бы подумать, что эти пять чон он тихонько прикарманивал, но такого, разумеется, ни разу не случилось.

В общем, Тэбок, без сомнения достоин того, чтобы мы рекомендовали его как величайшего экономиста и страстного поборника высоких идеалов бережливости.

Некоторые люди находят удовольствие в том, что коллекционируют старые редкие книги. Они

собирают разнообразную литературу, ветхие пыльные томики, которые, казалось, никому не могут быть интересны. Другие выращивают комнатные растения. Сажает маленькие растеньица всех мыслимых и немыслимых видов в горшки, ухаживают за ними, даже смахивают пыль с листочков специальной кисточкой.

Кому-то подобные увлечения могут показаться бесполезными и даже глупыми, но для тех, кто занимается этим, на свете нет ничего замечательней. Вот и Тэбок, оттачивая до совершенства свои навыки в сфере экономии, ежедневно тренируясь урезать, торговаться и сокращать всевозможные расходы, нашел свое истинное призвание.

Наставнику Юну и Тэбоку было нечего делить. Само собой, все принадлежало господину наставнику, Тэбок не владел ничем.

Наставник Юн безоговорочно доверял Тэбоку и даже никогда не назначал ему жалованья, позволяя самому решать, сколько ему нужно денег на личные расходы. Да захоти Тэбок, он мог бы и миллион потратить.

Однако ежемесячные траты Тэбока были малы и четко фиксированы: тридцать пачек сигарет «Кленовый лист» (если в месяце был тридцать один день, он собирал окурки и смолил их в последний день месяца), за двадцать пять чон он ходил бриться в цирюльню, а семь чон тратил на баню. Таковы были его постоянные расходы. Изредка он заказывал себе одежду, всегда самого скверного качества, и никогда не тратил на проезд больше десяти чон. На этом все.

Кроме того, иногда он проявлял свой исключительный талант к экономии, сокращая не только расходы на хозяйство наставника Юна или его

финансовые сделки, но даже свои собственные и без того неприятные расходы.

Давайте рассмотрим самый простой пример.

Раз в месяц Тэбок обязательно ходил в баню, что стоило, как уже упоминалось, семь чон. Мылом он не пользовался, поэтому сверху ничего доплачивать не приходилось, ну разве что время от времени полотенце изнашивалось и рвалось.

Однажды он решил не ходить в баню строго каждый месяц и попробовал немного отложить этот ритуал. Так он начал купаться раз в тридцать пять дней. Поступив таким образом шесть раз, он обнаружил, что сэкономил тридцать дней, то бишь стоимость одного похода в баню, так как за семь месяцев у него вышло всего шесть посещений — а это целых семь чон экономии!

В тот день, когда он осознал это невероятное достижение, Тэбок был на седьмом небе от счастья. Разве этот триумф экономии, это торжество точнейшего математического расчета, не достойны восхищения?

На родине Тэбок оставил пожилых родителей, которые работали на полях наставника Юна и жили, ни в чем особо не нуждаясь. У него была жена, которая ухаживала за его родителями, но она умерла пару лет назад, оставив Тэбока вдовцом.

Он горевал по покойной жене и беспокоился о родителях, оставшихся без присмотра в деревне, да и участь вдовца казалась ему незавидной. С другой стороны, недаром говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Кто знает, может, его беда могла обернуться неожиданной удачей, хотя он об этом пока и не подозревал. В любом случае он возлагал много надежд на свой новообретенный статус вдовца.

Тэбок теперь был бесхозный мужчина, и в доме как раз имелась бесхозная женщина, Сеульская Госпожа. А наличие незамужней хозяйки и неженатого гостя, проживающих вместе в ограниченном пространстве, непременно означало, что они должны составить замечательную пару, таково уж негласное правило. Но жизнь, как известно, та еще стерва и не всегда благоволит таким негласным правилам. В общем, сложно было предсказать, выйдет ли что-то из больших надежд Тэбока.

Прежде всего, обе стороны (или, скорее, вторая сторона) должны иметь те же намерения. Кроме того, наставник Юн должен был либо дать свое благословение, либо сыграть в ящик. Все эти неизвестные переменные представляли собой препятствие, которое так просто не преодолеть.

Предположим, наплевав на неодобрение наставника Юна, они сойдутся и решат жить вместе, тогда Сеульская Госпожа наверняка лишится своего наследства в пятьсот сок риса. Тогда вся эта затея, с точки зрения Тэбока, представлялась абсолютно бессмысленной, поскольку результат никак не удовлетворял поставленной цели.

По натуре своей Тэбок не был бабником, влюбившимся за каждой встречной юбкой. Строго говоря, он вообще не видел смысла в страстных увлечениях, а потому трудно сыскать хоть одну причину, по которой он мог бы счесть привлекательной такую женщину, как Сеульская Госпожа — похожую на клопа, совсем без шеи, рябую, с плоским носом.

Средоточием его больших надежд была возможность монетизировать свой статус вдовца, а

это позволяло ему найти определенную притягательность в отношениях со вдовой, которая должна унаследовать пятьсот сок риса.

Поэтому перво-наперво Тэбоку нужно было убедиться, что Сеульская Госпожа испытывает к нему определенный интерес. Если удастся обнаружить хоть какие-нибудь признаки душевной склонности, это, несомненно, гарантирует потенциальный успех всего предприятия по женитьбе на вдове.

Но даже если Сеульская Госпожа сама станет бегать за ним и вешаться ему на шею, оставалось главное препятствие — наставник Юн. Если старик не даст своего разрешения и лишит ее наследства, Тэбоку придется категорически отвергнуть все ее поползновения.

От добра добра не ищут. Было ясно, что после своей смерти наставник Юн завещает ему несколько тысяч вон. Тэбок не собирался упускать возможный источник дохода, совершив неправильный ход.

* * *

— Управляющий Чон вернулся, подайте ему ужин! — крикнул Самнам, как только Тэбок вышел из хозяйской комнаты.

— Управляющий Чон вернулся? — немедленно откликнулась Сеульская Госпожа, которая беседовала с Кёнсоном и Тхэсигом в главной комнате, и поспешила на кухню.

Обычно Сеульскую Госпожу не сильно беспокоило, кто подает еду Тэбоку. Она и сейчас могла приказать Самволь заняться им или поручить это дело кому-нибудь из невесток. Обычно она и шагу не ступала на кухню, а тут вдруг откликнулась так

живо на возвращение Тэбока и бросилась со всех ног собирать ему ужин — это действительно было на нее непохоже.

Кёнсон сразу почувствовал неладное. Кивая понимающе, он показал язык спине удаляющейся в спешке Сеульской Госпожи.

Сеульская Госпожа, конечно, и не подозревала о том, какое впечатление произвела своим поступком. Более того, она не осознавала, что в ее поведении есть что-то необычное.

Само-собой, еще предстояло выяснить, испытывает ли Сеульская Госпожа какие-то глубокие чувства по отношению к Тэбоку. Истинное положение вещей было слишком туманно, чтобы дать какой-либо определенный ответ на этот вопрос.

Говорят, и короткий язык плюет далеко. Сеульская Госпожа считала, что происходит из благородной семьи, является невесткой благородных людей. Ее отец собирал по десять тысяч сок риса в год, а она собиралась унаследовать пятьсот. Ни разу ей не приходила мысль сравнивать свой статус со статусом Тэбока, простого секретаря и по совместительству посыльного, служившего у них в доме.

Поэтому, если бы вдруг все обернулось самым неожиданным образом, кто-то обронил несколько неосторожных слов и сложилось так, что ее судьба оказалась бы связана с Тэбоком, она бы, пожалуй, не стала сильно возражать. Но не потому, что ее как-то привлекал сам человек по имени Тэбок, а по той простой причине, что он мужчина.

Если это действительно так, возникает вполне закономерный вопрос: с чего бы ей выходить за-

муж за Тэбока, когда вокруг есть много других более достойных мужчин, особенно при отсутствии каких бы то ни было чувств с ее стороны.

Сеульская Госпожа не была девственной невестой, не была она и современной многоопытной женщиной. Она была всего лишь старомодной вдовой, которая знает, что во внешнем мире живут люди, но у нее отсутствовало осознанное понимание того, что там живут и мужчины тоже. Не от того вовсе, что ее благодетельность была нестигаема, словно сосна и бамбук. Это был выработанный инстинкт, ничем не отличавшийся от инстинкта, который гонит вперед зашоренную лошадь, тянущую за собой повозку.

Она не знала почему, но была твердо убеждена, что вдова не может выйти замуж во второй раз. Следовательно, не было никакой возможности предсказать наверняка, останется ли Сеульская Госпожа верна своим инстинктам, столкнувшись в будущем с необходимостью принятия трудных решений. До сих пор повторное замужество оставалось для нее чем-то запретным.

Не то чтобы она не ломала голову над этим вопросом, истязая свой скудный умишко. После долгих мучительных размышлений она даже пришла к выводу, что выйти замуж повторно было бы непростительным преступлением и с этим ничего нельзя поделать.

Если принять во внимание все вышеизложенное, то не пустые ли это в самом деле, нападки — утверждать, что она как-то по-особенному относится к Тэбоку?

В реальности же все было немного сложнее.

Вдовы, разумеется, существа не бесполое, и ничего нет удивительного в том, что им приходится

подчиняться диктату своей физиологии. Словом, их тяга к противоположному полу вполне объяснима естественными причинами. Сеульскую Госпожу тоже тянуло к мужчинам. Ей было двадцать девять, она жила одна уже одиннадцать лет с тех пор, как всего через год семейной жизни умер ее муж.

Близилось ее тридцатилетие, и под жестоким натиском гормонов ее тяга к противоположному полу становилась все сильнее. Только строгие формальности, окружающие вдовью жизнь, могут удерживать женщину, не обладающую монашеской самодисциплиной, от желания отдать себя всю во власть одной из главных природных потребностей человека.

Итак, для Сеульской Госпожи тяга к противоположному полу была естественным сильным природным инстинктом, и подсознательно она не могла ему сопротивляться. Однако весь ее мир ограничивался домом площадью в 140 пхён, и в этом замкнутом пространстве Тэбок был единственным представителем мужского пола.

Таким образом, все в Сеульской Госпоже неосознанно откликалось только при одном упоминании имени Тэбока, ее тело приветствовало его с радостью, и день ото дня это становилось все более очевидным постороннему взору.

И хотя пока реакции ее тела было недостаточно, чтобы спровоцировать какой-либо осознанный шаг, ее зарождающееся влечение свидетельствовало о появлении ростков будущих возможностей. В общем, однозначно и с уверенностью диагностировать какую-либо серьезную привязанность было еще нельзя, а значит, время для поздравления Тэбока еще не настало.

Будь Самнам хоть немного сообразительнее, вынося столик с едой для Тэбока, он бы намекнул ему как-нибудь осторожно, что госпожа сама лично поспешила на кухню и позаботилась об ужине для него: выбрала лучшие закуски, разогрела рисовый бульон и так далее.

Сделай он это, Тэбок, почувствовав воодушевление, продумал бы, как ему действовать дальше и предпринял более решительные шаги. К сожалению, Самнам не понимал иногда, что чувствует сам, а уж чужая душа и вовсе для него была словно непроходимые дебри. Поэтому Тэбок лишь молча удивился, когда ему этим вечером подали такой непривычно добрый ужин.

Кёнсон, однако, был смысленный мальчишка. Обнаружив такое странное поведение своей двоюродной бабки, он уже измышлял какую-то пакость. Может, стараниями Кёнсона что-то грандиозное произойдет в ближайшее время, но утверждать наверняка конечно же нельзя.

10

Не передать словами

Когда Тэбок покрутил колесико приемника, который стоял на маленьком столике у постели наставника Юна, из динамика тут же полилась традиционная музыка, как будто только ждала возможности. На волне JODK* играла «Гора Чанёнсан».

* JODK — Радиовещательная компания Кэйдзё, в наше время KBS, Korean Broadcasting System, одна из крупнейших южнокорейских телерадиокомпаний.

Печальный мерный фальцет бамбуковой флейты и глубокий назальный тенор *комунго** переплетались и расходились, сквозь их музыкальный узор слабо, но все же отчетливо проступали деликатные вибрации *янгыма***.

Как только первая часть подошла к концу, наставник Юн, который все это время лежал на боку и попыхивал трубкой, шлепнул себя по мясистой ляжке, воскликнув громко:

— Хорошо-о!

Классическая традиционная музыка вообще считается утонченным видом искусства, это не какие-нибудь народные песенки, которые горланят на улицах. Во время прослушивания классики не очень-то подобает покрикивать, выражая таким образом свое одобрение. Только кому какое дело до всех этих правил. Если наставнику Юну нравилась музыка, он считал себя в полном праве выкрикивать «хорошо-о!» сколько ему заблагорассудится.

Хоть господин наставник и был настолько невежественным, что частенько забывал правила хорошего тона, все же он обладал довольно утонченным музыкальным вкусом. Пусть это и кажется совершенно невероятным, но на самом деле удивляться нечему, особенно если учесть, какое долгое время господин Юн вращался в кругах конфуцианских ученых *сонби*, пребывая на должности наставника.

Настроив радио, Тэбок уже было собирался удалиться к себе в комнату, как вошла Чхунсим. На ее губах играла тонкая улыбка.

* *Комунго* — традиционный корейский музыкальный инструмент, шестиструнная цитра.

** *Янгым* — традиционный корейский струнный музыкальный инструмент, разновидность цимбалы.

— Проходи скорее. Дрянная девка, где тебя носило? Я ждал тебя раньше.

Наставник Юн был рад, но все равно ругался, Чхунсим же пропустила этот грубый выпад мимо ушей.

— А зачем мне раньше приходиться? Захотела — пришла, не захотела — не пришла. Живем в свободном мире!

Выпалив это на одном дыхании, она плюхнулась прямо перед наставником Юном, он посмеялся лениво, не спуская с нее глаз.

— Подумать только, трещишь как тарантайка! И как из тебя только этот треск выскакивает?

— Что такой тарантайка?

— Поттише, девка... Я слушаю музыку. Почему бы тебе не помассировать мне ноги пока, а?

— Ну уж нет! Надоело мне мять их сутки напролет!

У нее были причины жаловаться. Конечно, она еще только училась и брала пока за свой труд вполтину меньше, чем могла бы, но все же это было неправильно — постоянно просить *кисэн*, которая исправно платит налоги, массировать ноги.

Наставник Юн переживал любовный кризис, и с весны успел сменить уже пять любовниц. Чхунсим была шестой.

С тех пор как его любимая наложница сбежала прошлой осенью, наставник Юн страдал от одиночества подобно тому, как страдает одинокий путник в долгом странствии. Кроме того, лишенный собеседника, он мучился от ужасной скуки долгими вечерами и ночами.

Хозяйская комната вечно пустовала, никто не заходил в гости, потому что друзей господин наставник не имел. От безысходности он мог бы за

пару сигарет позвать игрока в *падук**, но дело в том, что в жизни своей наставник Юн ни разу не прикасался к азартным играм. Он дожил до своих лет, не научившись даже играть в домино, хотя почти все его ровесники играли. Поговаривали, что его отвращение к азартным играм было вызвано тем, что, когда он был ребенком, все тыкали в него пальцем и дразнили почем зря — ведь он был сыном шулера Йонгю Лошадиной Головы.

Совсем один, без собеседников, он коротал дни и ночи в пустой комнате, курил трубку, и больше ему нечем было заняться, кроме как переворачиваться с бока на бок. Скука была настолько невыносимой, что он откровенно маялся от безделья.

На удачу в марте этого года одна *кисэн* нанесла ему визит. Когда господин наставник ездил к себе в деревню на прошлый *Чхусок*, чтобы навестить могилы родителей, он приглашал эту *кисэн* несколько раз во время застолий. Она явилась в его дом в Кедоне, чтобы выказать свое почтение уважаемому земляку и сообщить, что переехала в Сеул.

Вместе с собой она привела девочку, которую представила как свою сестру. Наставнику Юну показалась очень милой эта девочка с волосами, заплетенными в опрятную косичку.

— Эй, девочка, заходи-ка ко мне иногда. Будешь читать мне книжки или мять ноги время от времени, а я тебе стану давать деньги на жареные каштаны...

Его предложение ничем не отличалось от уловок, к которым прибегают мужчины в летах, что-

* *Падук* — корейское название настольной игры го.

бы прельстить молоденьких девочек: «Я куплю тебе конфет, а ты мне...»

Девочка наверняка не почувствовала никаких скрытых мотивов за этими словами, только молчала, продолжая улыбаться. Это ее сестра, взрослая *кисэн*, сказала ей, чтобы она навещала наставника Юна и составляла ему компанию, заявив, что дети — хорошая компания для стариков. Видимо, она тоже не видела никаких скрытых мотивов и просто хотела таким образом оказать ему услугу и заслужить покровительство.

Наставник Юн не отказался бы, чтобы и старшая *кисэн* навещала его время от времени. Она могла бы почитать *сиджо** или спеть ему, поговорить с ним о том о сем...

Но и только, конечно. Нет ни одной причины, почему наставник Юн должен был проявить интерес к старшей *кисэн* тоже. Если ему захочется женского общества, в Сеуле сыщется достаточно прекрасных *кисэн*, а если пожелает чего-то большего, чем просто хорошенькое личико, немало найдется девушек и с прекрасными голосами, поэтому он не видел смысла в том, чтобы остановить свое внимание на этой конкретной *кисэн*, которая за те же деньги не могла предложить ему ни привлекательной внешности, ни каких-либо особых талантов.

С другой стороны, не было совершенно никакого смысла в том, чтобы молодая *кисэн* оставила своих других клиентов ради того, чтобы навещать скучного старика, развлекать его глупыми играми и всячески обхаживать его, не получая за это приличной оплаты. Это все равно что согласиться

* *Сиджо* — жанр корейской лирической поэзии.

быть сторонним наблюдателем и получать за это крохи вместо того, чтобы включиться в игру и попробовать сорвать большой куш.

Видите ли, даже если наставник Юн хотел просто посадить ее перед собой и любоваться как цветком, он все равно должен был пригласить ее сам. И если она придет по его просьбе, а потом ее визиты повторятся, на каждый третий визит он должен будет дать ей купюру в десять *вон*, так уж было заведено.

Но десятивоновая купюра, эта зеленая бумажка, равнялась десяти купюрам достоинством в одну *вону*, сотне монет в десять *чон*, тысяче монет в один *чон*, пяти тысячам старых чосонских медных монет. На эти деньги богатый мертвец мог отправиться в путешествие на тот свет по меньшей мере пару тысяч раз. Наставник Юн ни за что на свете не смог бы потратить впустую такое количество денег.

Кроме того, девчонка, которая привлекла его внимание, была не настоящая *кисэн*, всего лишь ученица, он вовсе не обязан платить ей полную сумму и относиться к ней соответственно. Время от времени можно давать ей несколько *вон*, а уж как она их потратит — на жареные каштаны или пакет риса для родных, — это уже не его забота. Так или иначе, сделка выгодна им обоим, а наставник Юн как ни крути останется в выигрыше.

Короче говоря, проводя время с ученицей, а не настоящей *кисэн*, он не только сэкономил деньги, но и получал куда больше удовольствия. Она была куда милее, чем взрослая женщина, и с ней было интереснее. А если так получится, что их общение перерастет в нечто большее, чем простое со-

вместное времяпровождение, даже в этом случае она будет стоять ему дешевле, с ней все будет куда непринужденней и увлекательней.

Так уж устроено: чем старше становится мужчина, тем моложе и милее его спутницы. Конечно, у каждого мужчины свои представления по поводу того, что мило, а что не очень. Что касается наставника Юна, то он свои склонности проявлял открыто и не стесняясь.

Наставник Юн не стал упускать представившуюся ему возможность и, когда сестры уже собирались уходить, закончив, наконец, визит вежливости, приложил все усилия, чтобы разжалобить старшую:

— Присылай уж ко мне сестру время от времени. Я, как видишь, совсем один. Даже поговорить толком не с кем. Скучно так, что сил нет... Так что, может, иногда...

Старшая *кисэн* ответила ему вполне добродушно, и они распрощались. Три дня спустя наставник Юн лежал один в своей комнате, изнывая от скуки и думая о том, как было бы замечательно, если бы маленькая *кисэн* решила его навестить. Кто знает... Старшая девица вроде бы охотно дала свое согласие, да только зачем ей отправлять свою сестру к какому-то старику. Нет, ну а вдруг... Господин наставник все гадал, повезет ему или нет, как позже тем же днем случилось невероятное — и юная *кисэн* легким шагом вошла в его комнату.

Наставник Юн испытал такой же восторг и радость, какие, должно быть, переживают юные влюбленные, которые долго изнывали от тоски друг по другу и наконец, воссоединились. Он обращался со своей дорогой юной гостьей чрезвы-

чайно обходительно. Усадил ее рядом с собой и гладил по волосам, смотрел, как шевелятся ее губы, пока она лопочет что-то, слушал ее пение, больше похожее на визг какого-то несчастного существа, нанизанного на вертел, — в общем, проявлял к ней живой интерес.

Время шло, постепенно стемнело, и она поднялась на ноги, собираясь уходить, но наставник Юн уговорил ее поужинать с ним, а после ужина поспешно схватился за книгу «Сказание о Чхунхян» и попросил ее почитать ему вслух, а сам растянулся на полу и наблюдал за тем, как шевелятся ее губы. Он смаковал каждое мгновение этого чудесного весеннего вечера. Давненько он так хорошо не проводил время.

Не раз и не два он удерживал ее, не давая уйти, и усаживал обратно, в конце концов, когда перевалило за десять, ему пришлось ее отпустить. Наставник Юн очень старался произвести хорошее впечатление, а потому не поскупился и вызвал для нее рикшу, даже заплатил вперед. Провожая ее, он вложил в ее руку купюру в одну вону. Для этого наставнику Юну пришлось совершить невероятное душевное усилие. Он велел ей прийти снова на следующей день, и на следующий день она конечно же, явилась пораньше, как раз к ужину.

Как и прошлым вечером, наставник Юн усадил ее рядом, чтобы беседовать с ней, слушать, как она читает и поет. Последнее, правда, больше походило на вопли евнуха, у которого разболелись зубы. В тот вечер он впервые попросил помассировать ему ноги (и делал это каждый раз с тех пор). Самнама отправил за леденцами ценой в десять чон для нее. Он гладил ее по голове весь

вечер и отпустил домой, только когда было уже очень поздно.

Конечно, полагалось снова вызвать для нее рикшу, но наставник Юн сказал, что раз теперь она будет приходить к нему часто, она не должна ожидать, что всегда будет уезжать от него на рикше. С этого вечера, объяснил он, домой ее будет провожать Самнам. И она ушла, сопровождаемая этим исполнительным молодым человеком.

Наставник Юн сберег деньги, которые полагалось потратить на рикшу, но ему все равно было жаль давать ей целую *вону*, поэтому он вложил в ее руку только пятьдесят *чон*. Тем не менее он решил впредь не платить ей за каждый визит, а то, чего доброго, еще войдет в привычку, да и она может решить, что он обязан платить ей всякий раз, как она заявится. Поэтому он решил, что будет давать ей одну *вону* за каждый третий или четвертый визит.

С тех пор маленькая *кисэн* чутко прислушивалась к его желаниям и заходила если не каждый день, то через день. Так прошел почти месяц, пока однажды не случилось что-то неожиданное.

Был ранний вечер. Девчушка размером с кулак господина наставника бездумно мяла своими маленькими, размером с каштан, кулачками ноги старика Юна. Вдруг он спросил:

— Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

В ее речи угадывались характерные отзвуки родного диалекта. Но и наставник Юн, даже спустя десять лет после переезда в столицу, до сих пор еще не мог удержаться, чтобы не вернуть что-нибудь эдакое во время разговора.

— Вот как! Четырнадцать.

Спустя некоторое время он заговорил снова:

— Довольно. Иди-ка сюда.

Он дернул подбородком приглашающе. Девочка тут же вскочила на ноги и пересела поближе. Наставник Юн достал трубку изо рта, отложил ее в сторону и начал гладить маленькую кисэн по голове.

— Ммм... ты очень зрелая для четырнадцати!

Девочка молчала.

— Послушай-ка...

— Да?

— Хмм... в общем, понимаешь... вот...

— Да?

— Будешь меня слушаться?

— Что?

Не вполне понимая, чего от нее хотят, девочка хлопала глазами. Наставник Юн, довольно улыбаясь, обнял ее незаметно за шею той рукой, которой гладил ее волосы.

— Делай, как я скажу, ясно?

— Мапочки!

Она вскочила в ужасе, как будто обжегшись, распахнула дверь и удрала так быстро, что только пятки сверкали.

Сцена вышла довольно постыдная, особенно для такого дородного старика, но, с другой стороны, никто ведь этого не видел. А если и видел, что с того? Можно подумать, благородные господа никогда не гадят. Подумаешь, эка невидаль! Они ведь тоже люди. Пусть все надежды господина наставника на приятное времяпровождение и потерпели крах, разве стоит клеймить за это позором весь славный род Юнов?

После этого неприятного происшествия наставник Юн зарекся впредь миловаться с малень-

кими девочками, вызывать их к себе и проводить с ними время. Он снова коротал свои дни и ночи как и раньше, мучаясь от скуки, не зная, чем себя занять.

Все чаще он задумывался, может, он просто сделал неправильный шаг? Со временем воспоминания о пережитом стыде притупились, осталась только ностальгия по прекрасно проведенным вечерам, когда ему было нескучно. Кроме того, он уже вкусил запретный плод, и это только раздражило его аппетит, голод не утихал ни на мгновение.

Слабость наставника Юна к молоденьким девушкам уходила корнями в те времена, когда у себя на родине он вертел деревенскими девчонками как хотел. Это было давнее его увлечение. И все же его деревенским зазнабам было по семнадцать-восемнадцать, самое малое — шестнадцать лет, и никогда он не опускался до того, чтобы помогаться четырнадцатилетних девчонок, у которых молоко еще на губах не обсохло.

Раз уж разговор зашел о пристрастиях наставника Юна, важно отметить, что во времена жизни в деревне его прельщали девушки молодые, но тем не менее зрелые, обладающие всеми женскими достоинствами. Теперь же его вкусы кардинально изменились, наставника Юна влекло к девчонкам помоложе, около четырнадцати лет, которые еще не оформились. Эта тяга отличалась от того инстинкта, который побуждал господина наставника злиться на уличного торговца, не спешившего найти ему наложницу. Внезапно охвативший его голод оказался настолько силен, что практически невозможно было терпеть.

Наконец в дело вступил Тэбок.

Мэн-цзы в своем великом сочинении «Лян-ский ван Хуэй» пишет так: «В начале стройки башни дивной всё мерили да и подсчет вели все-му, а как взялся простой народ за дело, он соорудил так скоро, что не прошло и дня тому»*. В самом деле, для решительных и целеустремленных людей нет ничего невозможного. Если кому и было по плечу сыскать для господина наставника подходящую компаньонку, то это Тэбоку. Он отправился к Киму, владельцу цирюльни, чтобы попросить его об услуге. К счастью, этот Ким как раз знал одну подходящую девочку-кисэн, проживающую по соседству в Ангукдоне, и был готов немедленно направить к ней Тэбока.

На самом деле найти подходящую девочку было не так уж трудно. Мелочи в столице — пруд-пруди. Когда почтенный человек семидесяти лет, глава семейства, проживающий там-то и там-то, искал себе компаньонку, которая могла скрасить его скучные старческие будни, сидя рядом, развлекая его беседой и песнями, читая книги и разминая ему ноги время от времени, разве можно было заподозрить что-то дурное? Даже если бы Чхунхян, незапятнанный образец благопристойности, вдруг переродилась, она бы, без сомнения, отпустила свою дочь к наставнику Юну, не чувствуя никакой опасности. А те родители, которые уже отправили своих маленьких дочерей на улицу, чтобы избавиться от лишнего рта в семье, будут только рады, даже если догадаются о далеко не благородных намерениях господина наставника.

Итак, благодаря Киму из цирюльни Тэбок в соответствии со строгими требованиями настав-

* Перевод В. Колоколова.

ника Юна (чтоб обязательно не старше пятнадцати лет!) за три дня нашел подходящую девчужку довольно невыразительной внешности, к тому же — нескладную, как тощий котенок. Ей едва исполнилось четырнадцать.

Наставник Юн был рад любой девочке, которая подходила под его главное требование, в остальном он не привередничал. Когда она пришла, господин наставник приветствовал ее тепло, первым делом попросил спеть, а потом усадил рядом с собой и гладил ее по голове, пока она читала для него, попросил помять ему ноги, накормил леденцами. Словом, старался произвести хорошее впечатление. Так прошло несколько дней. И лишь когда она достаточно освоилась в его обществе, он наконец, задал ей главный вопрос:

— Сколько тебе лет?.. Ммм... Ты уже довольно зрелая! Будешь меня слушаться? Сделаешь, как я скажу?

Его рука скользнула вниз с ее макушки прямоком на талию.

Но эта девчонка оказалась сообразительной, наверное, потому что родилась в Сеуле.

— Ты что делаешь, старик? С ума сошел?!

Она устремила прочь из комнаты, покрывая господина наставника отборными ругательствами.

Так наставник Юн пережил позор во второй раз. И хотя он был посрамлен и унижен, ни следа румянца не проявилось на его и без того багровом лице. Он не сдержал усмешки:

— Нет, ну что за...

Даже после второго провала наставник Юн не собирался отступать от своего первоначального замысла. В третий, четвертый, пятый раз он сно-

ва испытал то же самое, испив горькую чашу разочарования и стыда.

На господина наставника больно было взглянуть. Ни разу за всю свою жизнь он не испытывал такого унижения — какие-то невзрачные маленькие *кисэн* одна за другой целых пять раз подряд отвергли его, отказываясь подчиниться его воле.

Даже пытаясь сколотить свое миллионное состояние, он не сталкивался с такими трудностями. Он не мог припомнить ни одного случая, когда, поставив цель, он терпел сокрушительное поражение целых пять раз подряд.

Конечно, он мог достичь желаемого и другими способами. Ему стоило всего лишь отправить слово управляющему в деревню, и он тут же найдет для него столько четырнадцатилетних девочек, что хватит на маленькую школу.

Кому какое дело до того, что думают крестьяне. Один приказ, и они не то что своих малолетних дочерей, но даже усохших матушек отдадут. Господину следует подчиняться беспрекословно. Станет это для них великим счастьем или земля уйдет у них из-под ног, в любом случае они не в том положении, чтобы противиться, им придется принести свою маленькую дочь или сестру в жертву, словно несущку к хозяйскому столу на Новый год или *Чхусок*.

В общем, наставник Юн до сих пор не выписал себе девчонку из деревни вовсе не потому, что эта мысль не посещала его голову, особенно после третьего отказа. Напротив, он не раз подумывал о том, чтобы написать письмо с просьбой отправить ему подходящую черноголовую курочку. И хотя он думал об этом довольно часто, его все

еще терзали сомнения: ведь у такого плана были свои недостатки.

Выписать девчонку из деревни — совсем не то, что пригласить юную *кисэн* составить ему компанию, это будет сразу значить, будто бы он взял себе наложницу. А как ни крути, для семидесятилетнего мужчины держать тринадцатилетнюю наложницу все равно что потерять лицо. Если бы проблема была лишь в этом! Девчонка из деревни не сможет ему петь, да и вообще проку от нее будет куда меньше, чем от селульской малолетней *кисэн*, и денег на нее потребуется куда больше, ведь она наверняка станет ездить домой время от времени, и кто знает, что еще.

Из-за всех этих сложностей он не мог вызвать девчонку из деревни, но, если и сейчас с Чхунсим он потерпит поражение, возможно, он не станет больше сомневаться и все-таки рассмотрит этот вариант повнимательнее. Если подумать, на этом этапе воплощения его великого плана в жизнь Чхунсим играла важное, можно даже сказать, судьбоносное значение в жизни наставника Юна.

Чхунсим отвечала всем его требованиям. Она навещала его уже больше двух недель. Как раз прошло достаточно времени, чтобы она пообвылась, кроме того, на этот раз наставник Юн приложил особенно много усилий, стараясь приручить ее.

Глядя на нее теперь, наставник Юн проводил в своей голове сложные вычисления и оценивал ситуацию. Она капризничала, говоря, что не станет массировать ему ноги, и решительно качала головой, а он смотрел на нее с усмешкой.

Пока она, отвернувшись, обиженно трясла головой, короткие волосы на ее затылке упруго подпрыгивали. Когда она снимала свою накладную косу, то становилась настоящей школьницей — в белой блузке, школьной юбке и носках. Ей очень нравился этот образ, свой шиньон и длинную юбку она надевала, только если собиралась в *квонбон** или когда кто-то из *квонбона* мог увидеть ее. Поэтому и к наставнику Юну она всегда приходила под видом школьницы, если, конечно, не отправлялась к нему напрямиком из *квонбона*.

Когда в таком виде она сидела перед ним и пела что-нибудь традиционное в духе «Ах, это лик смерти!» — это было то еще зрелище, хотя ее, конечно, все устраивало. Иногда наставник Юн не мог удержаться. «Ну, девчонка! Откуда школьнице знать такие песни?» — подтрунивал он над ней, но она была не из тех, кого легко смутить подобной чепухой.

Как раз закончилась «Гора Чанёнсан», и из динамика ударила сумасшедшая какофония западной музыки. Наставник Юн нахмурился и выключил радио.

— Что, девка, не станешь мне ноги мять?

— Не стану! Я не массажистка!

— Нет, ну вы только... Ну, если не хочешь мять ноги, спой-ка мне песню!

— Это я могу! Только как же вы станете слушать вульгарные народные песенки после такой утонченной классики?

— Ого, ты и в этом понимаешь. Впечатляет!

— Отчего же мне не понимать? Совсем уж вы меня ни во что не ставите. Молодец против

* *Квонбон* — специализированная школа для *кисэн* в период японского колониального правления.

овец... Я спою, а вы отбивайте для меня ритм, хорошо?

— Ритм? И как, по-твоему, я должен это сделать без *чангу*?*

— Ничего себе! Это что же, если бы у вас был барабан, вы бы и сыграть на нем смогли?

— Ха-ха, ну и девка! Лисица, а не девка!

Чхунсим рассмеялась в ответ.

— Да, я лисица. А вы кто, гиппопотам?

— Ну, хватит! Что за девчонка!.. Будто из Чорани.

— Чорани? Что такое Чорани?

— Была такая труппа... Они носили традиционные корейские маски Хон Донджи и Пак Чомджи. Они постоянно колотили друг друга и валяли дурака, прямо как ты, с ума сходили... Там была такая песня... «*Ттэру, ттэру*, Пак Чомджи...»

Чхунсим вновь покатила со смеху:

— Спойте-ка еще раз, пожалуйста! Вот бы кто-нибудь еще услышал! Ну и умора! Ха-ха-ха...

— Ну, девка!..

Если бы кто-то подслушивал за дверью, не зная, кто находится в комнате, а лишь слыша голоса, наверняка решил бы, что это двое детей дурачатся и щебечут. Но если бы он заглянул внутрь... Тогда, как эти двое и говорили, он увидел бы лисичку и гиппопотама, которые весело играют в одном загоне.

— Чхунсим?

— Да?

— Тебе...

— Да-а?

* *Чангу* — корейский традиционный двусторонний барабан.

— Ну... в общем...

Наставник Юн мялся и не мог найти в себе силы, чтобы закончить.

Он уже почти готов был спросить: «Сколько тебе лет? О, ты уже довольно зрелая. Будешь меня слушаться?» Пришло время для его коронного признания в любви, но слова, почти вырвавшись наружу, застряли вдруг в горле. Его нерешительность объяснялась очень просто: ведь он уже пережил позор отказа целых пять раз.

Если бы он был помоложе, то так и сказал бы: «Я тебя люблю!» В какие слова ни облакай это признание, произнести его вслух всегда сложно, будь ты хоть стар, хоть млад, независимо от обстоятельств и без исключений. После недолгих душевных метаний наставник Юн все же не выдержал и решил отложить этот разговор на потом.

— Ну все, хватит. Пой уже.

— Хорошо. Что мне спеть? Хотите, спою ту песню, что вам понравилась сегодня на концерте? Вы еще кричали: «Хорошо! Хорошо!» Балладу птицы из сказания о битве у Красной скалы.

— Ишь ты! Говорят, конечно, что короткий язык плюет далеко, да только если ты сможешь исполнить балладу птицы, то и я звездочку с неба могу достать!

— Ах вот как? Ну что же, завтра же тогда пойду в квонбон и эту песню выучу. Достанете мне звезду с неба, когда для вас спою?

— Э, нет, так не пойдет! Я имел в виду, что ты споешь ее прямо сейчас...

— Фи, какая же разница, сейчас или потом, если я ее все равно спою?

— Что за девка! Я тебе песню спеть велел, а ты снова растрещалась!

— Да-да... Кхм... Пою. Кхм... Гуля-а-а-аю, смотрю-у-у-у на го-о-о-оры и ре-е-е-е-е-ки!

Строчки были восхитительные, вот только из произведения размером с «Лянского вана Хуэя» Мэн-цзы. Тем не менее Чхунсим ни разу не ошиблась. Высокие ноты она, конечно, не тянула, да и в целом попасть в мелодию не могла. Кроме того, Чхунсим пела тем же самым голосом, что и перед учителем в *квонбоне*, ее трели больше походили на громкие душераздирающие вопли евнуха. В общем, таким пением можно было бы пытаться любого, не разделяющего специфические вкусы господина наставника.

Наставник Юн, насилуя и без того неровный ритм, то и дело выкрикивал «Хорошо!», но почему-то эти крики очень удачно дополняли пение Чхунсим. Когда она закончила, господин наставник похвалил ее, что, видимо, должно было означать, будто она в самом деле весьма одаренная певица.

— Ты не голодна? — спросил вдруг наставник Юн, поглаживая свой большой живот.

Чхунсим склонила набок голову и удивленно захлопала ресницами:

— Нет. А что?

— Если бы ты сказала, что голодна, я бы купил тебе тарелку лапши.

— Ой, ничего себе, господин наставник! Неужто где-то рак на горе свистнул? Вы, разом, не заболели?

— Э-хе! За языком-то следи, девчонка!

— Да будет вам! Это я так сказала, к слову!.. Если вы меня угостите, я что угодно съем с удовольствием. Даже если буду сыта!

— Отлично. Закажем по тарелке лапши!

— Только лапши?

— А что еще?

— Я бы... Ну, может, еще кисло-сладкой свининки...

— Свинины? И что еще в твой живот влезет после целой тарелки лапши?

— Все, что угодно! Все влезет, пока есть, что съесть!

— Ха! Да ты просто разбойник с большой дороги! Знаешь, сколько стоит тарелка кисло-сладкой свинины?

— Где-то двадцать пять чон, разве нет?

Кажется, наставник Юн сглазил, потому девчонка в самом деле превратилась в настоящую лису. Конечно, она знала, что на самом деле кисло-сладкая свининка стоит сорок чон.

«Две тарелки лапши, тарелка кисло-сладкой свининки, шустрее, одна нога тут — другая там... две тарелки лапши, тарелка кисло-сладкой свининки, шустрее, одна нога тут — другая там...» Самнам повторял про себя на ходу этот наказ, как странствующий буддийский монах мантру Будды Амитабхи*. Для него запомнить это было так же важно, как не забывать о том, что из трех приемов пищи нельзя пропустить ни один. А для этого требовалось ровно столько же усилий.

По полу пробежала тень, а потом вдруг комната осветилась на мгновение. В этот миг спокойствия замечательная идея озарила наставника Юна.

Не стоит торопиться, подумал он. Не стоит вот так раскрывать все карты сразу, как с другими

* Будда Амитабха — самая почитаемая фигура в буддийской школе Чистой земли, дальневосточной ветви буддизма.

девчонками. Нужно осторожно прощупать почву, двигаться постепенно.

Чтобы снова не натолкнуться на решительный отказ и не пережить мучительный позор, нужно медленно и осторожно изучить ее настрой. И если вдруг покажется, что есть хоть малейший шанс на успех, то можно и довести дело до конца. Эта стратегия показалась наставнику Юну многообещающей, и он, довольный собой, усмехнулся.

— Чхунсим? — произнес он тихо и как-то многозначительно, поглаживая ее по волосам.

— Да-а?

— Тебе сколько лет?

— Чего это вы вдруг спрашиваете?

— Да так, просто!

— Ну, пятнадцать. Ничего не изменилось с тех пор, как вы в последний раз спрашивали. Забыли?

— Да, точно... Уже довольно зрелая, Чхунсим...

— Да, я высокая, но зато еще стройная какая! Ну а вам сколько лет?

— Мне?.. Да я так стар, что уже и не помню, сколько мне лет!

— Ай, бросьте! Разве можно забыть, сколько тебе лет, как бы долго ни прожил?.. У вас голова и борода все белые, вам, должно быть, очень много лет!

Чхунсим провела рукой по его бороде, мягкой, как хвост белой лошади. Наставник Юн свободной рукой начал гладить ее маленькую ладонь.

— Чхунсим!

— Да-а?

— Тебе не нравится, что я такой старый?

— А что тут такого? Сколько вам лет-то вообще?

- Так хочешь знать?
- Да не то чтобы очень...
- Сказать?
- Да-а.
- Шестьдесят... эм... шестьдесят пять!
- Ничегошеньки!

Чхунсим открыла рот от изумления, и наставник Юн тоже уронил челюсть, и не без причины. Он и сам от себя такого не ожидал.

Всему свету известно было, что господину наставнику Юну на самом деле семьдесят два года. То, что он сбросил себе семь лет и попытался выдать себя за шестидесятипятилетнего перед ну, скажем так, его зазнойбой, не стоит высмеивать сразу как что-то постыдное. Наоборот, следует хорошенько подумать о том, зачем это семидесятидвухлетнему старику понадобилось выдавать себя за шестидесятипятилетнего перед своей пятнадцатилетней возлюбленной.

Кисэн врут клиентам о своем возрасте, в этом нет ничего необычного. Юные девушки тоже частенько обманывают возлюбленных, приуменьшая свои года. Если разобраться, всегда можно найти достойную причину для такой невинной лжи.

Ну а в нашем случае седой семидесятидвухлетний старик, прельщая пятнадцатилетнюю девчонку-*кисэн*, врет, что ему шестьдесят пять, скидывая себе семь лет.

Поведется она на это или нет, одно ясно — если бы он скинул лет двадцать и попытался выдать себя за пятидесятилетнего, то сумел бы создать себе куда более притягательный образ. Но какие-то жалкие семь лет? Какая разница, сколько лет седому старику? Он все равно ста-

рик! И все же, желая выглядеть хотя бы на толлку моложе перед юной любовницей, он вычел эти семь лет.

Какая сила двигала этим дородным человеком, что он решился на такое жеманство? Конфуций говорил, что, если человек проводит свои дни в праздности, в его голове родятся лишь недостойные мысли. Почему бы это высказывание не переиначить немного, чтобы оно больше подходило господину наставнику Юну? Получится: если крестьяне трудятся в поте лица, их хозяин тем временем занят недостойными делами.

Человек по природе своей существо, склонное к похоти, этого не изменить. А значит, эту склонность ни в коем случае не следует порицать. Этот инстинкт не исчезнет только потому, что кто-то порицает или осуждает его. Природа и врожденные инстинкты лежат вне критики или какого-то вмешательства извне.

Однако нельзя списывать на врожденную predisположенность ту неумную энергию, которую проявлял наставник Юн, в его-то годы небрежно отменяя любые физические ограничения, обычно накладываемые на человека возрастом.

Можно было бы, конечно, предположить, что он родился с хорошей конституцией. Но даже родись он с конституцией монаха Синдона, прославившегося своим распутством, он бы рано или поздно все же разделил судьбу всех прочих стариков. Значит, от природы он все же обладал чем-то особенным.

Не может быть такого, чтобы среди сотен крестьян наставника Юна не нашлось и пары человек, родившихся с таким же сложением, как у него. Но разве источник их силы не истощился и не

иссяк из-за того, что они в поте лица вынуждены были трудиться на полях своего господина, чтобы платить оброк? Разве не покинуло их желание из-за того, что они не могли позаботиться о своем здоровье как следует и никогда не принимали целительных средств?

А даже если бы вдруг среди крестьян наставника Юна и нашелся такой, кто каким-то чудом к семидесяти годам сохранил в себе желание, вряд ли он мог позволить себе жить на широкую ногу. Простой крестьянин и мечтать не мог о том, чтобы ходить по бабам или завести себе наложницу, такого он себе никогда не сможет позволить.

Следовательно, аппетиты наставника Юна нельзя объяснить простой биологической потребностью или списать на природную предрасположенность. На самом деле виной всему была его судьба (ну или то, что современным языком принято называть средой обитания).

Конечно, не десять тысяч сок риса, собранного трудом крестьян, породили это сочетание (не просто совокупность, а идеальную гармонию) физиологии, здоровья и наклонностей, создали сегодняшнего свежего наставника Юна... хотя насчет этого можно еще поспорить.

Услышав, что наставнику Юну шестьдесят пять лет, Чхунсим снова расчирикалась.

— Ничего себе! Шестьдесят пять! Это же ужасно много! Постойте-ка, это на сколько же вы меня старше? Погодите... От шестидесяти пяти отнять пятнадцать... Пятьдесят! Mamочки, как же много! Вы на пятьдесят лет меня старше! — продолжала она причитать и ужасаться.

Наставник Юн позволял ей дурачиться, наблюдая за ней со снисходительной ухмылкой.

Она всего лишь сравнивала их возраст веселья ради, не имея в виду ничего такого, но старик наставник почему-то решил, что она вкладывает в это какой-то особый смысл, и был этим знаком удовлетворен.

Она не против, думал он, хотя и поражена большой разницей в возрасте, но совершенно точно не против, а это уже большая удача после стольких поражений. Если все пойдет как надо, то...

Любовь сводит с ума. Старая поговорка в самом деле не врет. Она может ослепить даже такого нечувствительного человека, как наставник Юн. Она не делает ни для кого исключений.

— Тебе не нравится, что я такой старый?

Теперь настало время для второй стадии плана по оболыщению юной кисэн. Наставник Юн собирался убедить ее в том, что быть старым — не обязательно плохо, а даже если он и стар, то не так уж сильно.

— А что тут плохого? Когда много лет — это хорошо. Можно не церемониться ни с кем...

— Все так, все так... Но мне хоть и шестьдесят пять, я все еще полон сил... Я еще ох какой крепкий!

— Ну, вы хоть и старый, но такой огромный, что и сил у вас точно хоть отбавляй. Верно?

— Да я бы и тигра порвал голыми руками!

Чхунсим залилась веселым смехом.

— Ха-ха-ха. Так почему бы вам не пойти в зоопарк и не схватиться с тигром прямо сейчас? Интересно, кто победит в схватке — гиппопотам или тигр?

— Ха, снова ты несешь всякую чепуху!

Слюна стекала у господина наставника изо рта, пока он покусывал свою трубку, а он, не замечая

этого, смотрел на Чхунсим с вожделением. Все его тело подрагивало от нетерпения.

— Чхунсим?

— Да-а?

— Ну... ты... сделаешь, как я скажу?

— Что скажете?

Хоть Чхунсим и продолжала переспрашивать, по ее тонкой улыбке было понятно: она уже поняла, что именно он имеет в виду. Уверенность наставника Юна в себе росла. Наконец-то все идет как нужно, подумал он про себя.

— Сделаешь, как скажу?

— Так что скажете?

Наставник Юн, усмехнувшись, протянул к ней руку:

— Иди-ка сюда, девчонка.

Он притянул ее к себе, крепко обняв за талию. Он был спокоен, теперь-то уж...

Вдруг она завопила:

— Мерзкий старик! — и вывернулась из его хватки.

Шесть раз!

Честно говоря, наставник Юн был совершенно сломлен. Шести отказов вполне хватило бы какому-нибудь пылкому юноше, чтобы уже повеситься пару раз.

Наставник Юн не сомневался в себе, ведь девчонка, кажется, была настроена благосклонно. Даже мучась от стыда, он поглядывал на нее внимательно, пытаясь понять, что вдруг пошло не так, но это оставалось для него загадкой.

Предыдущие пять девчонок, плача или ругаясь, все сбежали от него, поджав хвост, но только не эта. Она раскричалась и вывернулась из его рук, словно уж, но тут же уселась снова чуть по-

даль. Явно не собираясь реветь или убегать от него, она усмехалась лениво, будто говоря: «Поймай меня, если сможешь». И это сводило его с ума. Он все еще не терял надежды ее обольстить.

— Вы только посмотрите на нее! Ха-ха, ну и ну... Девчонка. Будет тебе, иди-ка сюда. Иди ко мне. А? Чхунсим!

— Не хочу!

— Почему?

— Как будто не знаете!

— Ну, девка! Не будешь слушаться?

— Теперь-то я вижу, что вы просто гадкий подлый старик!

— Что за девка! Да как только... Разве можно так себя вести?!

— А что с того?

— Ну все, хватит. Придвинься ближе. Я тебе что-то скажу.

— А мне и отсюда отлично слышно!

— Ну же, подвинься поближе.

— Фи... Снова будете хвататься?

— Ты... если сделаешь по-моему, я куплю тебе что-нибудь хорошее.

— Хорошее? Что?

— Что-нибудь славное уж куплю!

— Нет, ну а что именно?

Говорят, прокаженные прятались раньше в ячменных полях и высматривали детей, потому что верили, что поправятся, если отведают детской печени. Завидев ребенка, они подманивали его к себе, приговаривая: «Подойди, я дам тебе красивую бусинку, подойди, я дам тебе конфет». Разве это не одно и то же?

Наставник Юн не собирался ничего ей покупать. Он просто испугался, что девчонка вот-вот

сорвется с крючка, ляпнул, не подумав, и тут же пожалел об этом. А теперь не знал, что ответить, хотя она продолжала выпытывать настойчиво.

— Я куплю тебе, что захочешь!

— Купите, что захочу?

— Да!

— Правда?

— Конечно!

— Врете!

— Нет, честно!

— Тогда купите мне кольцо.

— Коль... цо? Ишь какая! О таких дорогих вещах и речи не было!

— Фи! И что же тут такого дорогого? Можно найти и за семь *вон* пятьдесят *чон*... тоненькое колечко с красным рубином из восемнадцатикаратного золота...

— Сколько? Семь *вон* пятьдесят *чон*?

— Да-а.

— Это правда?

— Идите и сами посмотрите, если мне не верите!

— Ну ладно, ладно, я куплю... Куплю тебе кольцо. А теперь иди ко мне!

— Э-ге-ге! Сначала купите!

— Сначала купить? Ну уж нет!

— Тогда и мой ответ — нет!

— Ну хватит уже вертеться как уж! Полноте... Ну, Чхунсим!

— Да-а?

— Прекрати ершиться. Иди ко мне, а? Завтра или послезавтра сходим с тобой в Чинкоге, и я куплю тебе кольцо.

— Вот уж нет! Может, сходите и купите сейчас?

— Уже ночь на дворе, куда сейчас идти? Сходим купим завтра. Ну хватит уже, иди ко мне!

— Нет!

Наставник Юн действительно решил, что купит это кольцо. Не то чтобы ему не было жаль семь *вон* пятьдесят *чон*, когда он думал о том, как придется потратить эти деньги. Если именно столько нужно было выложить, чтобы завладеть этой девчонкой, номинально — *кисэн*, сделка выходила довольно выгодная. Если бы он ухаживал за ней как положено, она обошлась бы ему в две, три, а то и шесть сотен *вон*.

Наставник Юн вовсе не думал ее обманывать, он действительно собирался купить это кольцо завтра или послезавтра. Но Чхунсим — то ли от недоверия, то ли просто дразня его — продолжала вредничать, и это просто сводило его с ума. Если подумать, это раздражало так сильно, что ему хотелось дать ей крепкую пощечину.

Только если он опрометчиво попытается указать ей ее место, она сразу покажет свой характер и убежит восвояси, чтобы никогда больше не вернуться. А если это случится, то тогда и этот его полупроход обернется шестым по счету провалом, и он вернется к тому, с чего начал.

Невольно наставнику Юну пришлось смириться с этой непредвиденной задержкой. Ну что ж, раз она так хочет, думал он, завтра я куплю ей кольцо, и тогда...

— Хорошо. Завтра пойдем в Чинкоге, и я куплю тебе кольцо. После этого ты станешь меня слушаться?

— Ну конечно!

Чхунсим выглядела спокойной и собранной, ни следа смущения. На самом деле, когда настав-

ник Юн приобнял ее, она хоть и прикрикнула на него и выскользнула из его рук, у нее даже уши не покраснели.

— Обещаешь?

— Не беспокойтесь!

— Если станешь валять дурака как сегодня и не будешь меня слушаться, я отберу это кольцо у тебя!

— Вам не придется его отбирать. Я вам сама его отдам!

— Посмотрим. Приходи завтра, после обеда. Вместе пойдем, и я куплю тебе кольцо.

— Я могу и пораньше прийти!

Наконец условия сделки были оговорены. Как раз в этот момент со двора донесся какой-то шум. Вошел Самнам и объявил торжественно:

— Две тарелки лапши, одна — кисло-сладкой свининки, одна нога тут, другая там, все как зазывали!

Чхунсим покатила со смеху, а наставник Юн зацокал языком неодобрительно. Нет, ну вы только посмотрите на этого неотесанного болвана!

Говорят, влюбленные всегда голодны. Наставник Юн жадно набросился на лапшу и свинину, набивая пустой желудок.

Если бы он знал, что все разрешится так благополучно, то заказал бы бутылочку китайской водки. Больше ни о чем он не жалел.

Чхунсим уже представляла себе с удовольствием, как наденет новое колечко и будет хвастаться в *квонбоне* и своим друзьям, а тем временем набивала рот лапшой и свининой так быстро, что щеки вот-вот готовы были лопнуть.

— Но только, Чхунсим...

Покончив с лапшой, наставник Юн отрыгнул смачно, а затем начал выковыривать ногтем ми-

зинца застрявшую между зубов еду, выбрасывая все извлеченное в окошко.

— Не вздумай дома никому рассказывать. Поняла меня? — постукивая своей трубкой, произнес он.

— Рассказывать о чем?

— После того, как я куплю тебе кольцо... Ну, ты понимаешь, да? Об этом лучше не рассказывать.

— Да-а, да... Не скажу.

— Никогда!

— Я ведь сказала, что не скажу!

— Я буду опозорен, а тебе наверняка крепко влетит. Так ведь не пойдет, верно? Поэтому никому ничего не рассказывай, хорошо?

— Не беспокойтесь. Сильно много вы боитесь для такого огромного старика!

— Э, девчонка! Не верю я твоему безудержному трещанию, вот и все!

На самом деле наставник Юн только сейчас задумался о последствиях. За удачей всегда приходит невезение. Что, если узнают ее родители? Тогда уж он точно не отделается простым кольцом за семь с половиной *вон*. Сбежится вся ее родня и станет истязать его, пока он не отвалит им по меньшей мере сотню *вон*.

Чхунсим же была настолько поглощена мыслями о своем чудесном будущем колечке, что согласилась со строгим наказом господина наставника никогда ни о чем не рассказывать родителями, совершенно не придавая этому значения. Она чувствовала нерешимость наставника Юна, а это значило, что она может вертеть им как хочет. Наставник Юн давно уже потерял лицо, поэтому ему было все равно, кто в конечном счете кем вертит, но все же для него стало большим облегчени-

ем услышать обещание от своей возлюбленной. С давних пор говорят, что тот, кто влюблен, будь он стар или млад, с легкостью верит в любые слова возлюбленного.

11

Кризис спроса и предложения

Пока наш семидесятидвухлетний господин наставник (прикидывающийся шестидесятипятилетним) в хозяйских покоях вел переговоры по поводу любовного соглашения со своей пятнадцатилетней зазновой, в другой части дома...

Кёнсон, закончив препираться со своим двоюродным дедом и по совместительству ровесником Тхэсиком, поужинал и развалился праздно на хозяйском месте в главной комнате.

Все остальные члены семьи ушли, и Кёнсон, к своему великому неудовольствию, остался наедине со своей гадкой двоюродной бабкой Сеульской Госпожой и двоюродным дедом Тхэсиком, на которого ему смотреть даже было противно. Что еще хуже — оба они были поглощены чтением. Сеульская Госпожа уткнулась в роман, вздыхая страдальчески время от времени, будто у нее болели зубы, а Тхэсик извергал потоки неусветной чепухи, погрузившись в свой букварь. Довольно странно было наблюдать, как в кои-то веки Кёнсон находится с этими двумя в одной комнате, не раздражаясь от их какофонии. Будто кошка, собака и мартышка, не ссорясь, мирно играют в одном загоне.

На самом деле Кёнсон был настолько поглощен своими мыслями, что просто не замечал ничего вокруг. Он ломал голову вот над чем: в кино снова показывали «Марокко», к тому же вышел хороший документальный фильм о Японо-китайской войне, и он намеревался посмотреть их оба. Но у него вообще не было карманных денег. Итак, во-первых, ему нужно было выбрать подходящую цель для вымогательства, во-вторых — предстояло решить, как выманить эти деньги у потенциальной жертвы.

Старый толстяк? Нет!

Полковая лошадь из комнаты напротив? Нет! (Полковой лошадью он называл свою бабушку Ко из-за ее привычки кидаться на кого ни попадя.)

Сеульская Госпожа? Нет!

Тетя? Нет!

Тэбок? Это вряд ли... Уж точно не этот поганный жлоб! Почему этот скупердяй был такой прижимистый, ведь эти деньги даже не его собственные? Настоящая загадка!

Мама? Ну...

Если подумать, из всех вариантов мать и Тэбок казались наиболее перспективными. Поскольку Тэбок был в этом доме министром финансов, а мать... ну, мать — это мать.

И почему наследник, которого отделяют от миллиона вон всего какие-то тридцать-сорок лет, вынужден напрягать изо всех сил свой слабенький мозг, пытаясь сообразить, как бы достать какие-то жалкие двадцать-тридцать чон.

Пока Кёнсон ломал голову, Сеульская Госпожа, устроив удобно затылок на деревянном подголовнике, продолжала страдать от зубной боли: «И тогда бродяга... Не поступай так...»

Она напевала все громче, войдя в кураж, ее голос звенел как струны *янгыма*.

Это была самая настоящая музыка, да-да. О ее благозвучии, конечно, трудно судить, но это точно была музыка.

Человеку, когда он страдает, хочется петь. До настоящего полномасштабного страдания может, конечно, и не дойти, но беспокойный ум тоже щекочет связки, заметить не успеешь — как уже мурлычешь что-то под нос.

Конечно, петь, когда грустно или весело, даже танцевать — это часть человеческой природы, но вот напевать под нос, когда на душе неспокойно, — похожая черта присуща птицам, которые упоенно заливаются, чтобы найти пару, таков животный инстинкт. Люди тем отличаются от птиц, что обладают разумом, который берет верх над их звериной натурой и использует ее в своих целях.

Весенним днем юноша, идущий по лесной тропинке с вязанкой хвороста за спиной, напевает: «Вот она, вершина Кальмибон, дождь на моем пути...»

Или вот *кисэн*! *Кисэн* обычно поют весьма недурно. Вот лежит она одна в своей комнате хмурым осенним днем, пока за окном шумит дождь, и напевает лениво, отбивая пальцами ритм и погружившись в свои мысли: «Наслаждаясь чудесным снадобьем...»

Итак, когда юноша поет, гуляя по лесу, а *кисэн* поет одна в своей комнате, для кого же они поют?

Тут все дело в том, что в Корее называют словом *хын* — в чувстве невероятного, неконтролируемого воодушевления. Так же, как птица поет, чтобы найти поскорее себе пару, юноша поет для

какой-нибудь деревенской девчонки, а *кисэн* — для своего возлюбленного.

Один и тот же инстинкт побуждает и человека, и птицу, но все же между ними есть различие. Человек поет в первую очередь, потому что это нравится ему самому, другие слушатели не важны. Тот, кто напевает, не думает о том, есть ли поблизости какая-нибудь деревенская девушка, слышит ли возлюбленный. Никакие умышленные расчеты не тяготят его разум, беспокойное сердце просто требует песни, и, запев, человек каким-то образом сразу чувствует, как на душе вдруг становится легче, или, наоборот, еще беспокойнее, или веселее — то, что мы называем *хын*, проявляется множеством способов.

То же самое можно сказать и про Сеульскую Госпожу, и про ее любимый роман «Свет осенней луны». Говорят, Конфуций постоянно носил с собой одну книгу и перечитывал ее так часто, что на ней три раза пришлось менять кожаную обложку, до того сильно она изнашивалась. Сеульская Госпожа перечитала «Свет осенней луны» уже тысячу раз, но до сих пор не выпускала из рук. Возможно, она собиралась прочитать его десять, сто тысяч раз, трудно сказать наверняка. Более того, она могла с закрытыми глазами, даже без книжки под рукой, рассказать его весь наизусть, от начала до конца.

Но это был не сборник утонченной поэзии, не Библия, не знаменитый «Лунь Юй» Конфуция и даже не свод законов под названием «Шесть кодексов». По какой причине она зарылась именно в эту книгу и всюду таскала ее с собой — неизвестно. На самом деле, Сеульской Госпоже особенно нравился язык романа, он читался настолько лег-

ко, что без труда можно было выучить весь том «Света осенней луны» наизусть, не прилагая для этого никаких усилий. Никаких других удовольствий она в этой книге не находила.

Когда ей было беспокойно, она сразу брала в руки «Свет осенней луны», ложилась и начинала читать: «Тогда бродяга... Не поступай так...» Ее голос, звонкий, как *янгым*, то взмывал до невероятных высот, то снова опускался до шепота, она подергивалась всем телом, помогая себе поддерживать ритм. Погрузившись целиком и полностью в текст романа, она чувствовала, как на душе вдруг становится легче, или, наоборот, еще беспокойнее, или веселее, одним словом — она испытывала *хын*.

Таким образом, ее чтение ничем не отличалось от беспечной незамысловатой песенки юноши-дровосека, бредущего по лесу, или от грустных тихих напевов *кисэн*, коротающей серый дождливый день в одиночестве. Сами слова не так уж и важны, но чем роднее песня исполнителю, тем лучше. Сеульская Госпожа знала «Свет осенней луны» от корки до корки, могла пересказать его без запинки с закрытыми глазами, и поэтому он так ей нравился. Этот процесс сам по себе приносил ей огромное удовлетворение.

В таком случае, спросите вы, не было бы ей удобнее, отложив книгу в сторону, просто лежать и декламировать текст? Конечно, она могла бы так и делать. Но в этом нет никакого интереса! Рикша не станет бежать без своей повозки, танцор не сможет исполнять танец с веерами без вееров. Вот и Сеульская Госпожа, хоть и знала вдоль и поперек весь роман, нуждалась в знакомом то-мике, чтобы не сбиться с ритма и в полной мере прочувствовать *хын*.

Вот и вся подноготная, скрывающаяся за ее концертами. Сеульская Госпожа так увлекалась, что не замечала даже, как другие морщатся от ее пения, находя его столь же противным, как стоны терзаемого зубной болью. Ей было совершенно все равно, насмехается кто над ней или нет, она не собиралась выпускать «Свет осенней луны» из рук ни за что на свете, ни днем, ни ночью, весь год напролет. Вот и сегодняшним вечером она начала свой концерт довольно рано.

* * *

«...и вот, наконец, без надежды на возвращение...»

Опера «Свет осенней луны» в исполнении Сеульской Госпожи как раз вошла в кульминационную фазу, когда вдруг ее протяжные напевы резко прервал ни на что не похожий громкий басовитый голос:

— Д... д... дождь... и... и... дет... Р... и... ри... с...

Тхэсик лежал на животе посреди комнаты и читал в своем букваре о том, как дождь идет, а рис растет.

Не хотелось бы, конечно, прибегать к подобному сравнению, но слова давались ему с таким трудом, что он напоминал огромную квакающую лягушку. И все же его упорству стоило позавидовать. Этот букварь купили ему позапрошлой весной, то есть два года назад, и конечно за два года бедняга Тхэсик успел забыть все, что читал в начале. И хотя он постоянно все забывал, все равно продолжал прилежно заниматься. Вот какой он был усердный малый!

— Р... ри... Э-э, я забыл! Кёнсон!

— Чего тебе?

— Я забыл!

— Да что тут забывать-то?

Тхэсик упрямо молчал.

— Хватит уже! Прошу... Ты наизусть его собрался выучить? Будешь до самого университета читать?

Пришлось Тхэсику взывать к Сеульской Госпоже:

— Сестра? Сестра? Сес... тра?..

— Ну что еще? — наконец не выдержала она.

— Я забыл!

— Дождь идет, рис растет.

— Э-э?

— Тхэсик, иди в пень! Дождь и-дет, рис рас-тет.

Что сложного-то?

Тхэсик только хихикнул.

— До... дождь... и... и... дет... Хи-хи... Р... р... рис... р... ра... рас... те... т...

— Уши вянут!

Вдруг осознав с неожиданной ясностью, где находится, Кёнсон вскочил на ноги и выбежал на мару, ведущий в заднюю часть дома, где находилась комната его матери.

Его мать, невестка Пак, сидела в своей комнате вместе с тетей Кёнсона, невесткой Чо. Погрузившись в шитье, они о чем-то увлеченно шептались, но прекратили, как только к ним нагрянул Кёнсон.

— Может, ты пойдешь в свою комнату и займешься уроками, вместо того чтобы носиться по дому? — дежурно отчитала своего отпрыска невестка Пак.

— Если мне охота отдохнуть, почему я не могу просто отложить книги и повеселиться от ду-

ши? — парировал Кёнсон, повысив голос. Он прошел прямо на середину комнаты, растоптав все рукоделие, и шлепнулся на пол. Во все стороны разлетелись лоскутки да обрезки.

— Ишь расшумелся! Как учиться — так ты последний, а как отдыхать — так самый первый...

— Ой, мама!.. Можно подумать, от того, что я плохо учусь, семейное состояние перейдет к кому-нибудь другому. Этот тупица Тхэсик месяц талдычит две строчки — дождь идет, рис растет, а выучить не может! И ему все равно достанется тысяча сок риса... Ты что же думаешь, что мне не перепадет десять тысяч?

— И откуда в тебе это только берется? Хватит нести чепуху, просто учись хорошо! Понял?

— Я занимаюсь достаточно, чтобы сдать экзамены. Почти все, кто получает хорошие оценки, те еще кретины. Ну, кроме моего дяди. Ведь так? Тетя...

По какой-то причине, единственным человеком в семье, которого Кёнсон искренне уважал, был его дядя Чонхак.

— Даже не начинай! — Невестка Чо надула и без того выпяченные губы. Мнение Кёнсона она явно не разделяла. — Такого круглого идиота на белом свете еще поискать!

— Разве же дядя идиот? Как по мне, так он у нас самый лучший и умный. Ну кроме моего собственного величества, конечно, ха-ха-ха... Я это в дядю такой умный пошел! Ведь так, мама? Я ведь умный?

— Ну замолчи, мальчишка! Только и делаешь, что трещишь без умолку...

Кёнсон лишь рассмеялся в ответ, но невестка Чо не унималась:

— Как пить дать, он тот еще идиот! Даже наложницу найти себе не может...

Невестка Чо поворчала еще немного, но потом замолчала и, подняв иголку на свет, попыталась продеть в ушко нитку. Ее лицо было до того искажено злостью, что, казалось, она вот-вот разразится оглушительными ругательствами в адрес своего мужа Чонхака.

— Нельзя мужчине брать себе наложницу, тетушка! А то еще родится какой-нибудь кальмар вроде Тхэсика, ни то ни сё... ведь так?

— Не говори ничего! Пусть заведет себе хоть сто наложниц, никто ему не мешает! Но нет, он хочет развестись со своей женой, которая все эти годы была ему поддержкой и опорой! И для чего? Чтобы жениться снова! Если он не идиот, то кто тогда? А дальше что? Станет полицеймейстером? Ба! Ему только зад лизать власть предрежающим, больше он ни на что не годится!

— Ха! Ты правда думаешь, что он хочет стать начальником полиции? Чепуха все это!

— Разве не поэтому он изучает законы?

— Как бы не так. Это все пустые мечты жирного старика! Он хочет, чтобы его внук стал полицеймейстером, чтобы ему было чем похвастать!

— Слушай меня, мальчишка! Только попробуй еще хоть раз такое ляпнуть. Ты меня понял?

Невестка Пак строго пригрозила сыну. Если такие разговоры дойдут до ушей наставника Юна, он точно рассвирепеет, а значит, Кёнсону придется ой как худо.

Но невестка Чо только раззадорилась...

— Ну и пес с ним... Можно подумать, всякий проходимец может стать полицеймейстером... Как бы не так!

— Тетушка! Тебя послушать, так ты тоже хочешь, чтоб он занял должность полицеймейстера. Если так, то разводишься скорее. Не видать тебе мужа-полицеймейстера как своих ушей!

— За языком следи!

Мать одернула Кёнсона, стрельнув в него острым взглядом.

— Но, мама! Что такого плохого в разводе? Был бы я женщиной, так вышел бы замуж хоть сто раз и столько же развелся... Ха-ха... Кстати, мама!

— Помолчи!

— Да я не о том. Вы Сеульскую Госпожу не собираетесь выдать замуж?

— С ума сошел!

— А что такого? Надо выдать ее замуж. Видеть ее уже не могу.

— Ах ты поганец! На порку напрашиваешься?

— Ох, да оставь его в покое! Он все верно говорит... Мне и без того тут живется несладко, еще и эта дрянь придирается вечно, я так скоро с ума сойду. Когда она исчезнет с глаз моих долой, я, может, наконец отъежусь!

— Олрайт! Браво, тетушка! Верно мыслишь! Выдадим ее замуж, а ты разведешься и выйдешь замуж снова. А? Как тебе такое, тетушка?

— Ну ты и паршивец! Кёнсон!

— Что?

— Хватит! Прекрати сейчас же!

— Ха-ха-ха... Ладно, больше не буду. Но только за пятьдесят чон...

— Обнаглел?

Невестка Пак изо всех сил старалась быть строгой, но прыснула от смеха, когда Кёнсон начал картинно ее упрашивать.

— Пожалуйста, мама, только пятьдесят чон...

— Зачем тебе деньги?

— Важный господин всегда найдет, куда их потратить! Особенно господин Юн Кёнсон, старший правнук достойнейшего богача наставника Юн Дусопа!

— У меня нет денег. Почему бы тебе не пойти к своему прадеду и попросить у него?

— Ха! Можно подумать, он так меня обожает, что сразу отсыплет денег. Ну ма-ам, только пятьдесят чо-он...

— У меня денег нет!

— Послушай-ка, — вкрадчиво протянула невестка Чо, — почему бы тебе не попросить у Сеульской Госпожи? Ты так беспокоишься о том, чтобы выдать ее снова замуж. Неужели она пожалеет для тебя пятьдесят чон? Да она не только пятьдесят чон, пятьдесят вон тебе пожалует!

Конечно, она всего лишь язвила, пользуясь случаем открыто показать свою неприязнь к Сеульской Госпоже. Однако Кёнсон тут же наострил уши, глаза у него загорелись, он склонил голову сначала в одну, потом в другую сторону.

— Сеульскую Госпожу? — повторил он. — Выдать замуж? Ха-ха, верно, правильно!

Он хлопнул себя по коленкам и вскочил на ноги.

— Точно, точно! И почему мне раньше это в голову не пришло?

С важным видом он удалился. Невестка Пак проводила его обеспокоенным взглядом. Она как будто хотела что-то сказать ему вслед, но передумала.

Как только главный источник шума и беспокойства в лице Кёнсона исчез, в комнате внезапно воцарилась тишина, и обе невестки снова занялись шитьем, погружившись каждая в свои мысли.

Услышав, как невестка Пак проворно наматывает нитку на катушку, невестка Чо пришла в себя и вздохнула тяжело, будто разом выпустив весь воздух.

— И все же я тебе завидую...

Невестка Пак взглянула на нее вопросительно.

— Пусть твой муж и живет отдельно, но он все еще не остыл к тебе. И сын у тебя вон какой смысленный. Как я нагрешила в своих прошлых жизнях, чтобы заслужить такую судьбу?.. Моя жизнь теперь все равно что смерть! Когда родители выдавали меня замуж, они думали, наверное, что я стану невесткой богатого человека, буду жить в достатке и удобстве и все у меня будет хорошо!

— Не говори так!

Невестка Пак попыталась утешить подругу. На самом деле слова утешения у нее давно закончились. Каждый раз, когда они сидели лицом к лицу, невестка Чо заводила давно приевшуюся песню, жаловалась на одно и то же, проклиная свою тяжелую судьбу. Слушать это было уже невыносимо, да и слова утешения, повторяемые из раза в раз, утратили свою целительную силу и стали такими же несвежими, как бесконечные жалобы.

— Что в моей жизни такого уж хорошего? Муж делает все, что ему вздумается, какая разница, охладел он ко мне или нет... Да, у меня есть сын, но он уже упорхнул из-под моего крыла. Так что мы с тобой делим практически одну и ту же участь, разве не так? Мы обе просто служанки в богатом доме, все равно что рабыни. Да разве можно... — Мягкий голос невестки Пак вдруг дрогнул, взгляд ее все еще красивых глаз потух. — Разве же это богатая семья? Погляди на нас. Ветхая одеж-

да... А руки... Руки! Разве так должны выглядеть невестки богача? — Она сокрушенно поцокала языком.

В самом деле, обе женщины выглядели неухоженными. Ранки на руках еще не зажили с прошлой зимы, а уже приближалась новая. Невестка Пак была в штанах из искусственного шелка, которые носила еще летом, невестка Чо — в легкой черной юбке из хлопка.

Взглянув на себя и свою собеседницу, невестка Пак подняла голову и огляделась вокруг. Сундук из красного дерева, инкрустированный перламутром, гардероб, комод с тремя ящиками, низенькая тумбочка... Комната ломилась от роскошной мебели.

— Какой прок от всех этих вещей? Зачем они нужны, если туда нечего положить? Чем иметь сто таких сундуков, лучше бы купить хоть один шелковый подъюбник! Ни на что они не годны, только смотреть на них... С тех пор как лето началось, я все мечтаю о кусочке мяса, но...

Она собиралась утешить невестку Чо, но не заметила, как ее собственные жалобы вдруг вырвались наружу. Именно в этот момент дверь мягко отъехала в сторону, и кто-то тихо прокашлялся, прочищая горло.

Пришла Окхва. Окхва была *кисэн*, новая наложница господина бездельника Чхансика, сына наставника Юна. Он взял ее этой весной.

Она не так давно стала *кисэн*, даже успела отучиться в какой-то женской школе года два. Еще она умела рисовать тушью в традиционном китайском стиле. Именно ее так называемая утонченная образованность и привлекла господина бездельника.

Однако ее внешность утонченной назвать язык не поворачивался. В ее круглом и плоском лице было что-то надменное и неприступное. Когда она улыбалась, ее глаза улыбались первыми, и лишь потом поднимались уголки губ. Почему-то, глядя на нее, люди в первую очередь думали, что ей никогда не стать преданной верной женой. Наверное, все дело было в этой ее надменности. Зато насмешливо-кокетливый взгляд сразу выдавал в ней женщину из веселого квартала, а пухлые, чувственные губы намекали и на что-то большее.

Окхва часто заходила в этот дом, пользуясь благосклонностью наставника Юна, которому она очень нравилась. Она приложила все усилия, чтобы сойтись с Сеульской Госпожой, и с двумя невестками тоже была в хороших отношениях. Дипломатических способностей ей было не занимать. Именно они помогали ей, хотя она стала *кисэн* не так уж давно, без труда отлавливать легкие жертвы — такие, как господин бездельник Юн.

Окхва любила носить школьную форму. Любая *кисэн* знает, что разгуливать в форме, выдавая себя за школьницу, непрофессионально, и Окхва, конечно, не была исключением. И все же у нее было одно оправдание. Она всегда могла заявить, что стала *кисэн* в результате неблагоприятных обстоятельств, а школьная форма помогает ей хотя бы на краткий миг мысленно возвратиться к прежней себе.

* * *

— Все рукодельничаете? — Ее глаза искрились многозначительной усмешкой, но Окхва поздно-

ровалась с невестками как нельзя вежливей, когда обе женщины поднялись, чтобы поприветствовать ее: — Ну, как вы поживаете?

Окхва достала пачку печенья и положила в центр, когда все трое сели в круг. Невестка Пак поблагодарила ее за гостинец:

— Тебе вовсе не стоит каждый раз приносить что-то... Но — спасибо!

А ведь и в самом деле Окхва никогда не приходила с пустыми руками.

— Всегда пожалуйста. Хозяин рад — и гостю приятно. — Повернувшись к невестке Чо, Окхва спросила сочувственно: — Кстати, слышно что-нибудь от твоего мужа?

— Скорее солнце поднимется на западе, чем он отправит мне хоть весточку!

— Ох, как же так! Грустно это, когда между мужем и женой так мало любви. Что же делать?

— Что делать, что делать... Худшее, что он может сделать, — это съесть меня живьем!

— Ах, ну разве можно так говорить?

Окхва взяла одно печенье из пачки, которую распечатала невестка Пак.

— Такой хороший, достойный человек... И почему он совсем не интересуется женщинами? Они оба, братья Юн, такие замечательные, достойные люди! — Вдруг она повернулась к невестке Пак. — Кстати, куда это он пошел?

Та переспросила, удивленная вопросом:

— Кто?

— Ну как же... твой муж. Отец Кёнсона.

— Он приехал?

— Приехал ли он? Так ты не знаешь?

— Нет.

— Ох, как же!

— Так он приехал?

— Как есть приехал. Я видела его недавно перед «Умигваном»*. Спросила, когда он приехал, а он сказал, что утром, на поезде. Вот и все!

— Но он еще не заходил домой!

— В самом деле? Кажется, сегодня кто-то в клочья разругается.

— Не из-за чего тут ругаться! Наверное, он пошел по важным делам и потому не смог прийти прямо домой с вокзала.

Что бы она на самом деле ни чувствовала в этот момент, невестка Пак была благонаправленной женщиной, а потому бранить мужа не стала.

Некоторое время все трое молчали. Невестка Пак думала о том, что ее муж, наверное, гуляет сейчас по злачным местам, выпивает в компании женщин... Но он вернулся в Сеул, а значит, зайдет домой хотя бы раз. Окхва, в свойственной ей деловой манере, обдумывала следующий ход: «Я уже предоставила повод для своего визита. Пора переходить потихоньку к насущным вопросам».

Что же касается невестки Чо, она была занята, рассматривая кольца на красивых, ухоженных руках Окхвы — платиновые, золотые, с бриллиантами — и ее наряд из натурального шелка. Втайне невестка Чо презирала ее: «Наложница она и есть! Ишь как из кожи вон лезет! Что за мерзость!»

На самом деле в глубине душе невестка Чо с ума сходила от зависти. Окхва носила роскошные украшения, дорогие одежды, красиво красилась и наслаждалась спокойной и беззаботной жиз-

* «Умигван» — первый кинотеатр Кореи, открытый в 1910 году и просуществовавший до 1982 года.

нюю. Невестка Чо завидовала так сильно, что эта зависть разжигала ее высокомерие. Да, именно! Ее зависть распаляла надменную снисходительность, а та, в свою очередь, подпитывала невыносимую заносчивость.

Тем временем Кёнсон, надев на себя маску печали, вошел в главную комнату.

Сеульская госпожа и Тхэсик по-прежнему распевали на два голоса. Из одного конца комнаты доносилось протяжное «...и вот, наконец, без надежды на возвращение...», а из другого квакающий голос Тхэсика вещал о том, что «д...д.. дождь и... и... дет... р... р... рис... ра... ра... стет...».

Стараясь скрыть свое недовольство, Кёнсон тихонько опустился на пол рядом с Сеульской Госпожой.

— Что это за книга?

— «Свет осенней луны».

Сеульская Госпожа нахмурилась слегка, как будто была недовольна тем, что ее прервали из-за такого пустяка.

Кёнсон продолжил вкрадчиво, но настойчиво:

— Очень интересно, да?

— Конечно!

— Тогда я тоже как-нибудь прочитаю! — пробормотал Кёнсон как будто про себя. Чуть погодя он добавил: — Интересно, господин Чон уже поужинал? Тот поднос, который ты подготовила, он ведь был для господина Чона?

Что-то кольнуло у Сеульской Госпожи в груди, но внешне это никак не проявилось, она смотрела на Кёнсона спокойно.

— Верно? И что с того?

— Да ничего такого. Просто если он уже поел, я думал пойти к нему попросить денег.

Сеульская Госпожа молчала. Только сейчас она осознала, что за прецедент создала, сама того не ведая, когда бросилась собирать для Тэбока ужин. Именно поэтому в груди что-то кольнуло. Однако она была уверена, что Кёнсон не догадывался о ее душевных метаниях. Мысль об этом принесла ей облегчение.

И все же абсолютно спокойной она оставаться не могла, поэтому отложила книгу и позабыла ненадолго о своей опере имени «Света осенней луны», чтобы обдумать все хорошенько. Кёнсон же тем временем продолжал бормотать как будто про себя:

— Эх, этот скwoлыга, жалкий жмот! Лучше бы он сдох! Совсем из ума выжил...

Сеульская Госпожа молчала, и Кёнсону пришлось перейти к более решительным действиям:

— Знаешь, тетушка?

— Что?

— Этот подлец Тэбок, я точно говорю...

— Что Тэбок?

— Я с ним расправлюсь, вот увидишь!

— Нет, ты объясни, что случилось? Он тебя отругал?

— Нет. Не совсем. Он сделал кое-что похуже.

— Что же он такого сделал?

— Этот гад вечно выпрашивает у меня о тебе! Прибить его мало...

Сеульская Госпожа ощутила вдруг, как у нее вспыхнули щеки.

— И что же он говорит обо мне?

— Да много всякого! Какая, мол, твоя тетя замечательная женщина, вот как он говорил... и еще...

— Еще?

— Что ему тебя жаль. Что если бы у тебя был ребенок... Да! Если бы у тебя был ребенок, тебе было бы не так тяжело сейчас. Всякую такую чепуху, в общем. А еще...

— Каков наглец! Думает, можно болтать обо мне все, что ему вздумается?

Сеульская Госпожа попыталась возмутиться, но ее голосу не хватало твердости, праведного гнева. Она хотела отругать Тэбока, а выходило так, будто она жаловалась на него Кёнсону.

— Вот и я говорю. В следующий раз, когда он снова заведет эту песню, просто шкуру с него спусти! Или скажу прадедушке, и его вышвырнут тотчас отсюда. Мерзавец! Жалкий оборванец...

— Кёнсон?

Сеульская Госпожа, стараясь не показывать своего волнения, взяла снова в руки томик «Света осенней луны». Она обратилась к Кёнсону мягким, торжественным голосом, как и подобает дворянской бабке:

— Не ссорься ни с кем, хорошо?

— Хорошо, — ответил Кёнсон ей в тон подчеркнуто уважительно.

— Это, конечно, большая дерзость с его стороны, но ты все еще ребенок, поэтому тебе не нужно затевать ни с кем ссоры. Даже если что-то неприятное доходит до твоих ушей, тебе просто нужно постараться не обращать на это внимания, хорошо?

— Хорошо, — повторил Кёнсон послушно.

— И еще... тебе лучше не рассказывать всем о такой чепухе. Просто впускай в одно ухо, из другого выпускай, вот и все. Понял?

— Понял. Я никому не расскажу!

Кёнсон поднялся с места, Сеульская Госпожа собралась вернуться к своим оперным ариям, вдохновленным «Осенней луной».

— И все же, интересно, он уже поужинал, этот мерзавец... — пробормотал он про себя, открывая дверь, но замер, как будто в нерешительности.

— Бабушка? — позвал он осторожно.

— Что?

— Уже немного поздно, так что...

— Да?

— Завтра я возьму деньги у Тэбока и все тебе верну... Ты не могла бы... дать мне две *воны*?

— На что тебе такие деньги?

— Хочу купить кое-что.

Больше ничего не спрашивая, Сеульская Госпожа поднялась, открыла ключом свой шкафчик, достала из внутреннего ящика две купюры и отдала Кёнсону.

То, что именно Сеульская Госпожа дала ему целых две *воны*, — дело просто небывалое. Конечно, никогда раньше Кёнсон не относился к ней с таким уважением, как этим вечером, и никогда раньше она не была к нему так добра.

— Завтра я возьму у Тэбока деньги и все тебе верну.

Кёнсон двумя руками принял деньги. Сеульская госпожа, услышав это, возмутилась:

— Разве я тебе в долг даю? Ладно уж... Забирай и иди!

Итак, все сложилось как нельзя лучше.

Даже если Сеульская Госпожа хотела, чтобы он вернул ей деньги, ей следовало все-таки подумать и о том, что она эти две *воны* может больше не увидеть. Дикая кошка, когда крадет курицу, не помышляет о том, чтобы за нее расплатиться.

Кёнсон вежливо ответил, что сделает, как ему велено, еще более вежливо пожелал своей достопочтенной бабушке спокойной ночи и вышел из комнаты. Едва только оказавшись на *мару*, он повернулся к закрытой двери, высунул язык и сморщил нос, словом, скорчил ту еще рожицу.

Часы пробили девять, когда он наконец, обулся. Если уже было девять, значит, он успеет посмотреть только «Марокко». Кёнсон не решил еще точно, чем именно займется, но все равно вышел из дома. Можно пойти в кино, пусть и на один фильм, или отложить кино на завтра и вместо этого позвать кого-нибудь из друзей, наверняка они хорошо проведут время вместе, тратя целых две *воны*.

Главные ворота были закрыты, поэтому Кёнсон пошел к боковым. По дороге он заметил Чхунсим через окно комнаты господина наставника.

Он замер, обдумывая что-то, тихонько вышел за ворота, выждал немного и вернулся обратно.

— Самнам? — позвал он демонстративно громко. Самнам уснул еще четверть часа назад, поэтому никто ему не ответил. Зато из своей комнаты выглянул Тэбок.

— Здесь есть кто-то по имени Чхунсим? Какая-то женщина у ворот ее спрашивает! — делая вид, что его ужасно раздражает роль посыльного, проворчал Кёнсон, развернулся решительно и удалился.

Тэбок еще не успел передать сообщение, как Чхунсим, услышав голоса во дворе, выбежала из комнаты на всех парах, едва остановившись, чтобы сунуть ноги в туфли, и бросилась к главным воротам.

Кёнсону всех удалось одурачить. Не только Тэ-бок и наставник Юн приняли его вранье за чистую монету, Чхунсим тоже искренне поверила, что кто-то из домочадцев действительно пришел за ней. Выбежав за ворота, она оглядела улицу, ярко освещенную фонарем. Чхунсим потопталась на месте, высматривая свою мать (ведь если кто за ней и пришел, так это наверняка она).

Наконец она свернула в переулок и тут же услышала, как кто-то выразительно кашлянул из темноты. Только тогда она поняла, что Кёнсон обманул ее. Сначала она решила, что нужно рассердиться, но потом передумала: она была рада его видеть и побежала к нему с сияющей улыбкой на лице. Кёнсон ждал на месте, улыбаясь ей в ответ.

— Где мама?

— Дома, где ж еще?

— Ах вот как!.. Сейчас пойду и расскажу все господину наставнику!

— Чего? Ха! Так я прервал вас на самом интересном? Неужто скоро у меня появится прабабушка?

— Ох, помолчал бы уж! Ты...

Чхунсим возмутилась искренне, но в глубине души она чувствовала вину. Она надеялась, что Кёнсон не слышал о том любовном договоре, который она заключила с наставником Юном при условии, что он купит ей кольцо. Хотя молоко на губах у нее еще не обсохло, она все-таки была женщиной и потому собиралась устроить небольшой спектакль. Даже крабы с рождения знают инстинктивно, как щипаться. Притворство у женщин в крови.

— Из-за кого, ты думаешь, я таскаюсь сюда постоянно? Потому что мне так нравится этот дрях-

лый старик? Ничего ты о моих настоящих чувствах не знаешь!

Чхунсим не врала, она в самом деле приходила не потому, что ей так уж нравился старый наставник Юн. Визиты к наставнику Юну были поводом увидеться с Кёнсоном, но действительно ли она приходила именно ради Кёнсона, она сама еще не разобралась. Возможно, она приходила, чтобы увидеть их обоих.

Но именно здесь и сейчас, при данных обстоятельствах, конечно, она не могла не настаивать на том, что приходила исключительно ради Кёнсона. И это только подтверждало, что Чхунсим уже стала настоящей женщиной. Наверное, нет на свете женщины, которая не попыталась бы хоть раз обмануть мужчину, если, конечно, она не полная дуреха.

Чхунсим впервые встретила Кёнсона во время третьего визита к наставнику Юну.

Солнце клонилось к горизонту, когда она вошла в комнату старика, ожидая встретить господина наставника, но вместо огромного старика она увидела молодого господина с бритой головой, который увлеченно крутил колесико радио.

Ей было немного неловко, но она подумала, что молодой господин довольно хорош собой и было бы неплохо подружиться с ним.

Кёнсон сначала испугался, решив, что пришел толстый старик наставник и поймал его с поличным, но быстро понял, что ему повезло. Вместо наставника Юна на пороге стояла какая-то девчонка, и он уставился прямо на нее.

Она не была похожа на тех, что приходили раньше к наставнику Юну. На тех и смотреть-то было жалко. А эта девчонка оказалась очень даже

ничего, маленькая и довольно хорошенечкая... Было бы неплохо с ней подружиться, подумал Кёнсон.

Говорят, первое впечатление — самое важное. Так вот, у этих двоих сложилось друг о друге самое прекрасное представление. Некоторое время они смотрели друг на друга, одна — держась рукой за раздвижную дверь, другой — сидя на полу и вцепившись в переключатель радиоприемника. Наконец Кёнсон спросил первым:

— Ты кто?

Хотя в его глазах явно читалась дружелюбная заинтересованность, он все равно поднялся на ноги с таким видом, будто хотел показать: он на своей территории и преимущество на его стороне.

— А ты кто?

Тоненький голосок Чхунсим позвучал не менее твердо. Хотя она и была мала, она пришла по приглашению самого господина наставника, большого и толстого старика, главы этого дома, а потому ей не стоило бояться какого-то бритого мальчишку, даже если он молодой господин.

Кёнсон, чрезвычайно недовольный, придвинулся вплотную и уставился на Чхунсим.

— Я? Я в этом доме молодой господин!

— Фи... Вот был бы ты старый господин, а не молодой, тогда другое дело!

— Ах ты вошь, да как ты смеешь!

— А что, если смею? Ты как цыпленок. Много пищишь, потому что чувствуешь себя уверенно в своем гнезде?

— Ты поосторожней со словами. Хочешь ответить моего кулака?

— Ну давай, стукни!

— Правда?

— Да! Давай!

— И дам!

Кёнсон резко поднес свой кулак к самому носу Чхунсим, но та и глазом не моргнула, просто стояла и улыбалась. Улыбки, конечно, бывают разные, но ее улыбка излучала дружелюбие.

— Ха! Ничего себе!

Кёнсон опустил кулак, улыбаясь в ответ. Его улыбка, как и улыбка Чхунсим, тоже излучала дружелюбие.

— Ну и что же ты не бьешь?

— Не хочу, чтобы ты разревелась!

— Я? Разревелась?

— Как тебя зовут?

— Зачем спрашиваешь, если знаешь?

— Разве я знаю?

— Конечно!

— Откуда?

— Да уж знаешь, раз все тыкаешь мне и тыкаешь.

— Вот как! Тыкаю, значит? Ха-ха-ха... Что ж, как же вас зовут, милая девушка?

— Какая же я тебе девушка? Ха-ха-ха...

— Ха-ха-ха... Так как? Как тебя зовут?

— Чхунсим.

— Ммм, Чхунсим... Ну а лет тебе сколько?

— Пятнадцать...

— Ха! И мне тоже!

— Правда?

— Ага!

— А тебя зовут?..

— Господин Кёнсон.

— Господин Кёнсон? Ну и имя! Прямо как у какого-нибудь актера!

— Еще чего! Имя молодого господина нельзя сравнивать с именем какого-то актера!

- Фи!
- Даже не вздумай!
- А если я буду?
- Напрашиваешься?

Кёнсон снова поднял кулак. В этот раз в отличие от предыдущего она точно не испугалась, даже самую малость. К тому же, она знала, что он не станет в самом деле ее бить, но все равно устроила целый спектакль, притворяясь, что ужасно напугана, пока наконец, не сдалась на милость Кёнсона, пообещав, что больше так не будет.

— Обещаешь, что больше не станешь такого говорить?

- Обещаю!
- Ну, тогда...
- Что?
- Да ничего... А ты тоже *кисэн*?
- Ага!

— И тоже прислуживаешь в ресторанах? И катаешься на рикше?

- Ага!
- А еще?
- Что еще?
- Ну, ты едешь на рикше в ресторан, а потом...
- Я пою посетителям и разливаю напитки.
- И?
- И когда все нагуляются, еду домой на рикше.
- И все?
- Все!
- А деньги? Тебе платят деньги?
- Конечно! Почему бы им не платить?
- Сколько?
- *Вона* пятьдесят чон за час.
- Неплохо! Очень даже! И по сколько часов ты работаешь?

— Когда как.

— Ты в школьной форме по ресторанам и едишь?

— Чтобы мне высыпали? Я надеваю шиньон, длинную юбку, шелковые носки...

Оба прыснули со смеху. В этот момент они услышали, как наставник Юн кашляет у главных ворот. На этом и закончилась сцена их знакомства.

Прежде чем убраться восвояси, Кёнсон успел сказать:

— Приходи потом в мою комнату. В задней части дома. Поболтаем еще. Хорошо? Обязательно приходи...

И она не забыла своего обещания.

С того дня влечение между этими двумя росло с пугающей скоростью. Они встречались в комнате Кёнсона в задней части дома, в кинотеатре или китайском ресторанчике в Ангукдоне с расписной задней дверью.

За это время Кёнсон успел подарить Чхунсим пудру «Коти» и духи, она же, хоть была не очень способна к вышивке, подарила ему шелковый платок, на котором как умела вышила их с Кёнсоном имена. В целом это и есть весь рассказ об их отношениях. А теперь вернемся к ночной сцене в переулке.

Чхунсим, возмущенная упреком, так убедительно изображала оскорбленную невинность, что Кёнсон был склонен ей поверить (хотя никаких сомнений, верить ей или нет, у него и так не было). Как бы то ни было, он пожалел о том, что его шутка зашла слишком далеко.

Пожалуй, нет ни одного мужчины, кто не был бы хоть раз обманут женщиной.

— Пошли в кино... — вдруг сказал Кёнсон, нарушив тишину.

Эта безыскусная тактика примирения действовала, и Чхунсим, которая все равно не сердилась по-настоящему, тут же оттаяла. Но даже если бы она сердилась всерьез, то оттаяла бы все равно.

— Вообще-то уже поздно.

— Нормально.

— Но старик наставник...

— Придумай что-нибудь.

Чхунсим согласилась. С яркой улыбкой она вернулась обратно и поднялась по ступенькам на порог.

— Господин наставник! Мне нужно домой!

Наставник Юн высунулся из своей комнаты, его белая борода наползла на раздвижную дверь.

— За тобой кто-то пришел?

— Да! Отец заболел, мать пришла за мной.

— Ну беги тогда. А чем он заболел?

— Не знаю. Просто вдруг...

— Должно быть, съел что-то не то. Наверное, несварение?

— Ну, я даже не знаю!

— Ладно, иди. Но если это несварение, приходи, я дам тебе лекарство. Есть у меня одно хорошее очень дорогое средство.

— Хорошо.

— Ну иди... Завтра ведь придешь днем? Пойдем покупать кольцо.

— Да.

— Точно придешь?

— Конечно, обязательно приду!

— Ну, я буду ждать... Куплю тебе кольцо завтра, да?

— Да... Спокойной ночи.
— Да-да... Ты одна пойдешь?
— Ой, не беспокойтесь!
— Если тебе страшно, я отправлю с тобой Сам-нама!

— Да чего бояться-то?
— Ну что ж, тогда беги. Завтра где-то в полдень обязательно приходи. Пойдем в Чинкоге покупать тебе кольцо, поняла?

— Да.
— Ну, до завтра.
— Да. Спокойной ночи.
— Беги-беги домой... А завтра пойдем покупать кольцо.

Слово «кольцо» просто не сходило с языка наставника Юна.

У него были причины беспокоиться. Если ее отец заболел, прийти завтра ей может быть затруднительно, и тогда придется снова отложить их свидание. Именно поэтому наставник Юн так отважно вызвался снабдить ее отца этим дорогим народным средством.

Итак, дед и внук делили одну девушку и оба в равной степени наслаждались ее обществом. Счастье для всех, молодых и старых! Если подумать, экономичное решение.

Не будем рассуждать о достоинствах и недостатках экономии, речь сейчас не об этом. В доме ощущался явный избыток женского населения (просто не продохнуть), тогда как во внешнем мире отчего-то чувствовался их недостаток. При таких обстоятельствах экономия — не более чем вынужденная мера (и вот седой старик вынужден прикидываться шестидесятипятилетним, а его пятнадцатилетний внук изнывает от необо-

снованной ревности). Если выразаться современной терминологией, кризис спроса и предложения поставил всех в неловкое положение.

12

Введение в мировую торговлю

Дело было тем же вечером, в начале десятого, примерно тогда, когда вторая наложница Чхансика Окхва заскочила в семейное имение в районе Кедон потрепаться с невестками в задней комнате и как раз рассказывала им о том, как давеча днем возле «Умигвана» наткнулась на Чонсу, который и носа в дом не казал.

Между тем, по случайному совпадению, именно в это время Чонсу в сопровождении должговзого пройдохи Пёнхо наведлся в публичный дом в районе Тонгван.

Вряд ли Чонсу нуждается в дополнительном представлении: это тот самый Чонсу, старший сын бездельника Чхансика, первый внук богатенького господина наставника, отец Кёнсона и один из передовых бойцов в борьбе за прославление клана Юнов, который ради карьеры уездного начальника вернулся на малую родину и сейчас нес службу в местном муниципалитете. Он же приходился старшим братом Чонхаку, призванному стать полицеймейстером и посему изучавшему право в одном из токийских университетов. Что и говорить, таким семейным узам можно только позавидовать! А что, в былые времена этот китайский Чжоу-гун, сын Вэнь-вана и младший

брат У-вана*, дядя тогдашнего правителя, и происхождением был славен, и удачлив, и властью обладал — словом, пуп земли. Вот и Чонсу родословной ничуть не уступал тому китайскому вельможе. Посему мотивы, приведшие уважавшего свое тело Чонсу в замшелый публичный дом Тонгвана, вызвали немало вопросов и недоумения.

В свои двадцать девять лет Чонсу имел гладкую, белую и чистую кожу без единого изъяна, как и подобает тому, в чьих жилах течет кровь Юнов, однако при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это было скорее результатом особенностей организма. Попадись он на глаза какому-нибудь слепому физиономисту, тот сказал бы, что его обширное лицо и выдающийся вперед открытый лоб является свидетельством наличия у него десяти тысяч сок. Хотя поди знай, в наше время и предсказатели судьбы по телу совсем не те пошли; впрочем, и впрямь бывает, что деньги сами идут к тому, у кого лицо попрошайки.

В семнадцать лет Чонсу прибыл в Сеул учиться, однако с треском провалился на вступительных экзаменах. Тогда он прямиком отправился на подготовительные курсы и усердно делал вид, что засел за учебу, однако же на следующий год провалился снова... В девятнадцать лет он потерпел неудачу в третий раз, а на следующий год, ему, двадцатилетнему увальню, было уже не под стать сдавать вступительные экзамены вместе с юнцами четырнадцати-пятнадцати лет. Впрочем, сам-

* Вэнь-ван (1152—1056 до н.э.) — один из основателей династии Чжоу; У-ван (XI в. до н.э.) — первый император династии Чжоу; Чжоу-гун (XI в. до н.э.), также известный как «чжоуский князь», — крупная политическая фигура эпохи Чжоу.

то он был и не против, но его заявление уже не приняли.

Между тем в тот год, год Змеи, младший брат Чонсу, Чонхак, как бы отдуваясь за нерадивого братца, который проваливался три года кряду, опередил его, пройдя на отлично в старшую школу. К тому времени уже вся семья переехала в Сеул, и Чонсу, понимая, что дела его совсем плохи, не знал, как лицо показать от стыда, а так как он не желал начинать учебу с самого начала, то и вообще забросил ее с концами. Официально покончив с учебой, Чонсу пустился во все тяжкие, ибо, не имея недостатка в деньгах, все это время он по-немногу втягивался в пьянство и блуд.

Достопочтенный наставник Юн конечно же испытывал немалое беспокойство по поводу того, что молодой внук, у которого еще молоко на губах не обсохло, пропал, погрязнув в пьянстве и разврате, но еще больше его раздражала непринужденная легкость, с которой тот тратил ненаглядные деньги. Однако все это меркло по сравнению с яростью, которая переполняла господина наставника в связи с тем, что его заветная мечта об уездном начальнике утекала как дождевая вода сквозь пальцы.

Впрочем, наставник Юн не был человеком, который отказывается от благородной цели после первой же неудачи. Он подумал сам, послушал мнения окружающих и в итоге решил, что, так как путь к уездному начальнику через усердную учебу и перевод с одного высокого поста на другой был закрыт, теперь следует попытаться начать с должности секретаря в местном муниципалитете, добраться до центральной управы, дослужиться до начальника делопроизводства, а там и

до уездного начальника рукой подать. План был таков: благодаря своим отношениям с главой родного уезда, а также тесным связям с провинциальным начальником перво-наперво устроить Чонсу в местный муниципалитет, а там, при условии, что он задним числом успешно проходит практику, ему открывается дорога в центральную управу, где он становится начальником делопроизводства и, вуаля, должность уездного начальника в кармане. Все как по маслу!

Разумеется, глава родного уезда по требованию господина наставника с радостью взял Чонсу в местный муниципалитет и вдобавок обеспечил ему практику задним числом. Сам же Чонсу не то чтобы горел желанием стать уездным начальником, и поэтому осторожничал перед главой семейства наставником Юном, известным своим суровым нравом. Однако он был не прочь вернуться на малую родину и там вдоволь наслаждаться жизнью, ежемесячно тратя по двести *вон* на хозяйственные нужды, тогда как в местном муниципалитете он получал всего двадцать шесть *вон* в месяц. С тех пор прошло три года...

За эти три года почтенный наставник Юн собственноручно потратил тринадцать тысяч *вон* на продвижение внука. Помимо этого, Чонсу взял у него еще около двадцати тысяч *вон*, якобы в качестве платы за практику. Итого вышло более тридцати тысяч *вон*. И поди знай, потратил ли Чонсу те двадцать тысяч *вон* с умом или промотал... На самом же деле ушло намного больше тридцати тысяч, ибо Чонсу каждый месяц получал по двести *вон* на содержание, и за три года набегало семь тысяч. В добавок к этому, подделав печать наставника Юна, Чонсу пару раз брал

ипотечные кредиты примерно на двадцать тысяч *вон* под ежедневный процент в восемь *чон* — итого двадцать пять тысяч *вон*. Кроме того, шесть раз он выдавал закладные на общую сумму сорок тысяч *вон* якобы от имени господина наставника (разумеется, заверяя их фальшивой печатью). Сложить все это — более семидесяти тысяч *вон* выходит, причем из этой суммы на себя Чонсу потратил не больше десяти тысяч. В глазах достопочтенного наставника Юна это было наглým мошенничеством со стороны внука, поэтому он мог просто закрыть на это глаза и не платить по закладным.

Однако в этом случае Чонсу светила тюрьма, и тогда пришлось бы окончательно расстаться с мечтой об уездном начальнике, поэтому господин наставник исправно покрывал все расходы, как бы горько ему не было, ибо недаром говорят, что колодец лучше копает жаждущий.

Да, если подвести итог, то все вместе более ста тысяч *вон* получается. От такой дерзости наставника Юна переполняло негодование, и в попытках понять, куда этот паршивец, разрази его гром, с такой легкостью спускает деньги, он из раза в раз вызывал нерадивого внука на ковер и высыпал ему по первое число. Чонсу неизменно отвечал, что все ушло на продвижение по службе и на оплату обедов с чиновниками. Тогда господин наставник вопрошал: «Зачем же занимать втридорога у ростовщиков, если можно попросить у меня?» И неизменно наталкивался на встречный вопрос Чонсу: «А когда это вы, дедушка, давали, если у вас просили?» Конечно же достопочтенный наставник Юн не воспринимал эти пустые отговорки внука всерьез.

Итак, судя по тому, какую страшную сумму господин Юн потратил на все эти дела — а за три года набежало около ста тысяч *вон*, — не составит труда догадаться, насколько сильно было его желание иметь в семье уездного начальника, то есть представителя класса власть предержащих. Между тем, покамест Чонсу всего лишь тянул лямку в местном муниципалитете и не продвинулся по службе ни на йоту. Единственное, чего Чонсу добилился, это прибавки к жалованью в размере трех *вон*, и теперь он зарабатывал двадцать девять *вон* в месяц.

Оттого что дело так застопорилось, достопочтенному наставнику Юну с его раздражительным нравом уже давно бы потерять терпение, но если подумать, то ведь и план был рассчитан на десять лет: от местного муниципалитета до центральной управы четыре года, дослужиться там до начальника делопроизводства — три года, да еще столько же до уездного начальника. Именно поэтому господин наставник не отступал.

Тем временем от такой жизни Чонсу вконец распустился. Работа в муниципалитете сама по себе была не более чем формальностью, поэтому на деле он каждый день пил да ходил по девкам, а четыре-пять раз в месяц отправлялся куролесить в Сеул. Причем спускал он на это все, что у него было: и деньги, полученные из дома, и даже деньги, предназначенные на покупку исподнего и повязки под шляпу, — только дай повод. В случае же крайней необходимости он расплачивался присвоенными обманом семейными деньгами или же напрямую выпрашивал у наставника Юна под предлогом платы за продвижение по службе. Вот и сейчас он прибыл в Сеул по этому поводу.

Некоторое время назад он занял у муниципального советника тысячу *вон*, срок возврата которой истекал через пару-тройку дней, а тут на дворе так похолодало, что страсть как захотелось выпить и погулять, но то ли перст судьбы ошибся, то ли просто был плохой день, но с тех самых пор, как он вышел из вокзала на рассвете, все шло кувырком. Во-первых, хотя вчера, еще до отъезда из деревни, Чонсу отправил телеграмму в Сеул, долговязый Пёнхо так и не явился его встретить, а без него как без рук: ни денег достать, ни выпить, ни девку снять. Пёнхо мог всё: обналичить закладную, найти подходящий кабак и *кисэн*, договориться об ужине в кредит, свести с женщиной на ночь, поэтому в Сеуле он был нужнее денег. Оттого-то Чонсу и озаботился загодя, послав телеграмму, однако так и не увидел приятеля на вокзале. С досадой решив, что, скорее всего, Пёнхо либо заболел, либо уехал по срочному поручению, Чонсу в конце концов направился к нему домой. Жил Пёнхо на склоне горы Эогэ. Однако и дома его не оказалось. По словам его то ли жены, то ли сожительницы он ушел вчера днем, сказав, что отлучится ненадолго, но до сих пор так и не вернулся. Стало быть, Пёнхо находился в Сеуле, что уже хорошо. Тогда Чонсу попросил ее передать мужу, чтоб тот зашел к нему, как только вернется, а сам поспешил в гостиницу, в которую он в каждый свой приезд в Сеул бежал прежде чем домой.

В гостинице Чонсу позавтракал и наконец-то отоспался, ибо смертельно устал, так как прошлой ночью спальный вагон был переполнен, и он не мог заснуть. Кроме того, вечером он думал пойти развяться, а посему следовало заранее на-

браться сил. Впрочем, даже если бы и не было такой необходимости, без Пёнхо Чонсу чувствовал себя как слепой без трости и не мог шагу ступить, поэтому дневной сон пришелся как нельзя кстати. Когда он проснулся, уже миновал полдень, а Пёнхо так и не явился. Тогда Чонсу снова навелся к нему домой, но и на этот раз удача ему не улыбнулась, и весь остаток дня он провел, разыскивая Пёнхо тут и там. Так он оказался возле «Умигвана», где неожиданно-негаданно и наткнулся на Окхву. По возвращении в гостиницу Чонсу подождал еще. В четыре, когда его уже начали терзать сомнения, стоит ли ждать еще день или же пойти выклянчить у господина Юна ту самую тысячу вон, в комнату ввалился долговязый Пёнхо, на вытянутом, как у лошади, лице которого сияла широкая, словно коровья, улыбка.

— Эй! Прости! — выпалил он.

— Ну и где же тебя носит дни и ночи напролет? — саркастично произнес Чонсу, не вставая с постели, и бросил косой взгляд на Пёнхо, возвышавшегося над ним словно телеграфный столб. Чонсу обладал особым даром журить других: видеть, у Юнов это передавалось из поколения в поколение. Более того, он был отменным невежей. Мало того что Пёнхо приходился ему земляком, так еще и был лет на пятнадцать старше. Так как же можно столь пренебрежительно говорить со старшим? А дело все в том, что отец Чонсу, сорокапятилетний Чхансик, и Пёнхо находились в панибратских отношениях. И вот вместо того, чтобы вежливо поприветствовать Пёнхо и отвесить ему поклон, Чонсу фривольно поинтересовался, где того носит, при этом даже не утрудив себя подняться с постели. Не невежа ли? Пёнхо, однако, это ничуть не смутило.

— А мне в кои-то веки повезло, удалось столкнуться с тем приятелем...

— Вот как? Так ты был у девок?

— Ага.

— И с молодыми пробовал?

— Да ты совсем спятил! Где это видано, чтоб старики на молодых зарились?

— Да ладно тебе! Уж пес-то запах суки не учует?

Так они обменивались колкостями, и раскрепощенность Пёнхо и непринужденность обстановки сделали свое дело: Чонсу забыл об учтивости. На это Пёнхо и рассчитывал — исполняя роль угодника, необходимо быть максимально покладистым, а иначе контакт не наладить.

Чонсу наконец поднялся и зажег сигарету:

— Деньжонок надо бы...

— Попробуем. Сколько?

Пёнхо всегда отвечал деловито.

— Тысячу пятьсот вон.

— Сегодня нужно?

— Сегодня только пятьсот, а остальное — завтра.

— Попробуем! Только вот банки-то уже закрыты.

— Вот именно! Надо было днем приходить! А тебя поди знай где носит...

— Ха! Видали невежу? Какая же баба стирает, если знает, что дождь пойдет? Ты б на несколько часов раньше телеграмму-то послал.

— Ты кончай пререкаться, давай-ка лучше шевелись!

— А ты меня не торопи, подпиши вон лучше бумаги!

— Понимаешь, тут такое дело, — Чонсу вынул из сумки бланк закладной и начал ее заполнять

с одной стороны, — в этот раз я свою печать поставлю, хоть и комиссия побольше выйдет.

— Хм... Это вряд ли пройдет. А почему свою?

— В прошлый раз я дал расписку на пятнадцать тысяч под залог поля. Так вот, срок ее погашения истекает в конце следующего месяца, верно?

— Верно. И что?

— Если наша сегодняшняя подделка раскроется до погашения предыдущей закладной, а чуть погода и та всплывет, то не сносить мне головы. Мне и с одной-то придется попотеть, а тут целых две! — Чонсу сделал паузу и, перекатывая язык из стороны в сторону, покачал головой. Под «не сносить мне головы» он конечно же, имел в виду, что ему здорово влетит за такие махинации, но не от ростовщика, а от главы семейства — достопочтенного наставника Юна.

— Вот как? Говорят, прожорливому брюху — большой кусок... В этот раз же всего на две тысячи надо, а ты, добрый человек, слона раздуваешь!

— Так-то оно так...

Пока Пёнхо в растерянности хлопал глазами, Чонсу поставил печать и выдал ему закладную номиналом в две тысячи вон. Получить деньги по такой закладной от имени беспутного Чонсу, да еще и без печати наставника Юна, пусть и фальшивой, было все равно что звезду с неба достать.

— Ну и задачку ты мне задал, — промолвил Пёнхо, прицокивая языком, а затем помял закладную в руках и несколько раз загнул и разогнул ее верхний край.

— Было б просто, стал бы я тебя весь день ждать? Ты лучше не брюзжи, а давай-ка иди поскорее!

— Я-то схожу, да как знать... — Пёнхо положил закладную во внутренний карман выцветшего серого костюма на западный манер и поднялся. — Я попытаюсь. Получится — хорошо, а нет — так еще что придумаю. Но ты в любом случае подожди...

— Пренебреженно получится! Да, и для начала четыреста-пятьсот *вон* сегодня надо.

— А, это чтоб «развяться»? — Пёнхо ухмыльнулся и жестом опрокинул воображаемую стопку. Чонсу улыбнулся в ответ:

— Разве воробей пролетит мимо злачного места?

— Не беспокойся. Если не выйдет с деньгами, можно же и в кредит взять.

— Не хочу в кредит... К тому же в кредит дают только забегаловки.

— Можно и девку в кредит.

— И какой же развратник девок в кредит берет?!

— Я не беру только потому, что я нищий!

— А ты не сравнивай батрака с господином!

— А господин что ж, чем-то отличается?

Отлучившись, как он сказал, на часик, Пёнхо пропал на пару-тройку долгих часов и вернулся только в половине восьмого вечера, причем с пустыми руками. Как он объяснил, есть один человек, готовый выдать деньги при виде только лишь печати Чонсу без какого-либо намека на наличие передаточной надписи от наставника Юна. Этот человек выдал бы чек, который можно было бы с легкостью обналичить, но найти его не получилось, хотя и пришлось исколесить весь свет. Разумеется, Чонсу не мог знать, что Пёнхо намеренно обманывал его из корыстных побуждений. На

самом же деле ни один ростовщик на свете, будучи в здравом уме, не обналичил бы закладную, выданную Юном Чонсу. Пёнхо знал об этом, но сделал вид, что какой-нибудь способ да найдется, чтобы для начала получить от Чонсу подписанную закладную. Чонсу не мог знать и того, что все эти три часа вместо того, чтобы искать кого бы то ни было, Пёнхо отдыхал у себя дома.

— Эх!.. Не везет так не везет! — с раздражением вздохнул Чонсу, с силой смял закуренную было сигарету о пепельницу и снова лег.

— Кабы знать загодя, так наведался бы домой еще засветло, потолковал бы с дедом! Эх, жалко как...

Так Чонсу ненавязчиво высказал свое недовольство тем, что Пёнхо явился так поздно. Однако самого Пёнхо эти слова не только не огорчили, но и, наоборот, даже заставили ликовать внутри оттого, что дело застопорилось.

— Слушай-ка!

— Что?

— А давай поставим сюда печать твоего дедули?

— Не хочу! Все, хватит, завтра возьму у него тысячу вон, и дело в шляпе!

— Думаешь, даст?

— Ну не даст так не даст, что ж... Эх, досадно!

— А коли тебе все равно, что ж ты бьешься как рыба об лед, пытаясь раздобыть эти деньги?

— Не трави душу! В наше время тысячи вон на несколько похорон хватит...

— Вот и я говорю! А ты, стало быть, всю жизнь собираешься под чужую дудку плясать?

— Нет! Если я сию минуту заверю эту бумагу дедовой печатью, деньги будут сейчас же?

— Семь шансов из десяти, что да. Но погоди, послушай...

— Валяй!

— А если дедуля твой денег не даст, что тогда будет? Финансовый кризис?

— Если бы только кризис... Ни разу в жизни мне так не трепали нервы из-за несчастной тысячи вон!

— Потому я и говорю. Если тут будет печать деда, то сей же час что-нибудь соображу... Кроме того, если не получится сегодня, попробую завтра. Но ты не полагайся только на меня, завтра пойдешь и попроси у деда. Уж одно-то из двух точно должно сработать. Как тебе?

— Так вот ты куда клонишь! — Чонсу в гневе вскочил и потряс пальцем перед лицом Пёнхо. — У тебя все, что я в начале говорил, в одно ухо влетело, а из другого вылетело?

— А-а-а! Это ты о том, что тогда все вскроется, начиная с той истории про поле, заложенное за пятнадцать тысяч? Боишься, из-за этого ничего не выйдет?

— Я больше переживаю из-за того, что эта расписка на две тысячи первой раскроется!

— Я о том и говорю. А что, если переоформить ее несколько раз, заплатив более высокий процент?

— Переоформить несколько раз? Да кто ж позволит-то?

— А почему бы не позволить? Под более высокий процент-то и не позволить?

— А что, давай попробуем! Хе-хе. — Чонсу неожиданно ухмыльнулся и поставил на выписанную им закладную загодя приготовленную печать наставника Юна, которую он всегда имел при себе.

— Ты уж постарайся, хотя бы сто *вон* принеси наличными, хорошо? — попросил он обувавшегося в это время Пёнхо.

— Ну я-то уж постараюсь, — промолвил, ухмыляясь, Пёнхо и отвернулся.

— Может, сегодня разок вместо *кисэн* попробуешь со школьницей?

— Со школьницей?! Да ты из ума выжил!

— Ничего подобного! Я могу устроить, ручаюсь...

— Неужели?

— Слово даю!

— Правда?

— А то!

— А если не выйдет, то что?

— Не сносить мне головы!

— Так по рукам?

— По рукам! Если не выйдет, плачу головой...
А коли выйдет?

— Сто *вон* с меня!

— Договорились. Я на обратном пути все устрою.

Менее чем через час Пёнхо вернулся — и снова с пустыми руками. Он объяснил, что обошел три места, где он является постоянным клиентом, и оказалось, что один делец отлучился по делу, второй отдыхает, а у третьего нет денег на счету и будут только завтра, поэтому только завтра он сможет выписать чек, да и то посмотрит по обстоятельствам. Разумеется, и это было неправдой. На самом же деле все это время он провел в публичном доме в Тонгване.

— Тогда завтра еще попробуешь? — К удивлению Пёнхо, Чонсу даже не выразил своего негодования.

— Ну...

— Думаешь, не получится?

— Не, я не о том. Оставь мне эту закладную, я снова попробую. Но всякое может быть, поэтому ты сходи все же к деду... Только так выйдет наверняка, иначе беда будет. Вот ты думаешь, что получится, а вдруг нет? Я ведь тоже сейчас, когда ходил, думал, что все схвачено, а нет, поди достань деньги из чужого кошелька, а чуть что пойдет не так — не избежать беды! Ну вот подумай, что случилось сегодня: надежды на чужие деньги раз за разом оборачивались неудачей, не так ли?

Слова Пёнхо звучали весьма убедительно, и Чонсу кивал головой в ответ. Видя, что собеседник спокоен и воспринимает его всерьез, Пёнхо тихо радовался, что все шло как по маслу. Он и не собирался вынимать из кармана ту закладную на две тысячи вон. Чонсу же, выпросив деньги у почтенного наставника Юна, скорее всего, забыл бы об этой закладной за ненадобностью и вернулся в деревню без нее. А если бы и вспомнил, то всегда можно было пошарить по карманам и ответить что-нибудь вроде: «Ах ты, вот же ведь! Вчера пошел в сортир, а там даже бумаги не было!» Если завтра не удастся получить денег от господина Юна и так или иначе придется использовать закладную, он попросит Чонсу выписать новую, сказав, что старой подтерся. В любом случае Пёнхо собирался придержать эту закладную у себя и, заплатив пятнадцать процентов комиссии, со временем получить тысячу семьсот вон, избежав при этом каких бы то ни было проблем. С легальной точки зрения он никак не нарушал закон, да и его репутация сильно бы не пострадала, ведь Сеул — город большой. Потом, когда эта

закладная попадет в руки наставника Юна, Чонсу влетит по первое число, и он, конечно, сразу же поймет, что Пёнхо его провел, однако его добродушие не позволит ему все раскрыть, и он примет вину на себя. Более того, впоследствии Чонсу может сказать, что деньги были потрачены на одежду для пасынка и, даже ругаясь, будет отзываться о Пёнхо как о правой руке и услужнике, ибо он никогда ни на кого не держал зла, да и жалко бы ему было расстаться со своим приятелем. К тому же, пока дело не раскрылось, Пёнхо мог заранее разжалобить Чонсу, поплакавшись: мол, Чонсу, милый друг, так и так, возникли непредвиденные обстоятельства, вопрос жизни и смерти... Словом, не было другого выхода. «Убей меня теперь» — после этой фразы Чонсу не только сразу же простит его, но и, вопреки всему, подарит новый костюм. (А были ли во времена Чжоу-гуна такие снисходительные люди, как Чонсу?)

— Одевайся, идем! — Пёнхо, расплываясь в улыбке, поторопил Чонсу. Он уже видел, как кладет тысячу семьсот *вон* себе в карман. — А о завтрашних заботах и думать будем завтра. Сейчас же первым делом сообразим тебе смазливую школьницу, а потом поедem к девкам и до утра. Как тебе?

— На какие шиши все это?

— Не переживай! Ужин я устрою, у меня все схвачено, а на школьницу и десяти *вон* хватит!

— Десяти *вон*?

— Еще как! Сколько у тебя есть мелочью?

— *Вон* тридцать будет...

— Прекрасно! Десять *вон* на школьницу, двадцать — на ужин! Видишь, какое раздолье!

— Эта твоя школьница, уж не пыль ли ты мне в глаза пускаешь?

— Да как можно! Голову даю на отсечение! Верись?

— И все же, десять вон — это даже дешевле, чем в борделе...

— Не узнаешь, пока не проверишь! Нечего тут сидеть да языком чесать.

— Уж не врешь ли?

Так Чонсу, Чжоу-гун нашего времени, очутился в публичном доме в Тонгване. Деревянные балки на потолке, не покрытом обоями, торчали словно ребра больного туберкулезом. Посреди низкого потолка, обклеенного как попало потускневшими газетами, одиноко торчала тридцативаттная лампочка. Когда-то белые обои пожелтели от времени и неровными буграми лежали на стенах. Кровавые следы раздавленных клопов в форме бамбуковых листьев придали бы комнате типичный для борделя вид, но их отсутствие явно намекало на то, что она не предназначалась для постоянных жильцов, а использовалась только временными постояльцами. В углу лежала стопка продавленных матрасов и одеял, которые давно следовало бы поменять. Постельное белье, однако, выглядело чистым. В комнате было достаточно влажно и стоял запах плесени, из-за чего тело мгновенно покрылось липким потом. Единственным атрибутом мебели в номере была блеклая пепельница из фарфора, которую Пёнхо и Чонсу поставили между собой и, усевшись напротив друг друга, курили, не чувствуя вкуса сигарет.

— Идиотский бордель, и что в нем такого особенного? Чтоб я еще раз послушал твою пустую болтовню... — прошипел наконец Чонсу, окинув комнату взглядом и сморщив нос, точь-в-точь как какое-то время назад при входе в заведение.

— Верно, бордель-то он и есть бордель, да времена сейчас не те пошли!

— А что изменилось-то? Дорогой друг, я, между прочим, тоже с восемнадцати лет в деле!

— В те времена и были одни шлюхи, а теперь можешь любую девицу выбрать на свой вкус и цвет! Хочешь школьницу — будет школьница, хочешь вдову — получишь вдову, чужую жену, простушку, кондукторшу, актрису, продавщицу, да кого угодно можно заказать!

— Снова пустая болтовня! Скажем, захотел ты вдову, а как узнать, что она вдова? Требовать с нее справку о семейном положении? Со школьницы — выписку о зачислении, а с кондукторши — рабочую сумку?

— Хе-хе-хе... Верно, никак. Но обычно так оно и есть. Причем из-за такого ассортимента это теперь называется не бордель, а Центр мировой торговли!

— Что за вздор? Ты хоть знаешь, что стоит за этим названием?

Дело в том, пояснил Чонсу, что пару лет назад в районе Кванхундон полиция устроила облаву на одно такое заведение. Схватили несколько десятков человек, начались допросы, вследствие которых ко всеобщему удивлению оказалось, что это была сеть невероятных масштабов и называлась она Центром мировой торговли. Разумеется, в этом странном названии не было особого смысла, оно было выдуманно, чтобы скрыть бизнес от органов надзора. Как бы то ни было, с тех пор все бордели негласно переименовались в «центры мировой торговли», а само выражение стало общеизвестным жаргоном.

Выслушав это объяснение, Пёнхо поднялся с колен и рассмеялся:

— Приятель, да мне есть чему у тебя поучиться! Ладно, я пошел...

— Куда?

— К девкам, куда ж еще? Я там все подготовлю и буду тебя ждать, а тебе желаю хорошо провести время.

— Что это так? Давай ты лучше еще одну позови, и сообразим на двоих, а? Ха-ха-ха...

— Хе-хе-хе... Не издевайся над стариком! Да, насчет оплаты: не важно, сколько еда стоит, ты просто на выходе дай десять *вон* той старухе.

— Ты от разговора не увиливай! Если не будет школьницы, не сносить тебе головы! Понял?

— Не беспокойся! — Пёнхо вышел из комнаты, позвал старуху и, шепотом сказав ей что-то на ухо, наконец покинул заведение.

Чонсу достал часы и обнаружил, что уже двадцать минут десятого, когда боковая дверь приоткрылась, и в проеме появилось щербатое лицо старухи, курящей трубку.

— Дружок твой ушел, а тебе, должно быть, одиноко одному?

Старуха прошла к месту, где до этого сидел Пёнхо, и, скрестив руки, опустилась на пол.

— Да, сынок, какой же ты красавчик! Скоро придет девушка, так она в тебя влюбится без памяти, хе-хе...

Старуха, как оказалось, и была сутенершей. Ее сухой смех, напоминающий звук трескающегося дерева, звучал до омерзения фальшиво.

— Эта девушка, которая сейчас придет, она действительно школьница? — поинтересовался Чонсу, пытаясь себе ее представить.

— Еще бы! Самая что ни на есть! Ученица очень приличной старшей школы. Конечно, ты

можешь подумать, что пудра и школьная форма любую женщину в девочку превратят, да кто ж в наше время так обманывает? Школьница, школьница!

— Что ж тогда эта прилежная ученица не учится, а куда ходит?

— А-а-а! А ты подумай, каково это — быть школьницей? Кто-то приходит сюда от скуки, а кто-то — за деньгами... Но та, что сейчас придет, не относится ни к первому типу, ни ко второму! Впрочем, сам увидишь собственными глазами. Только обращай с ней осторожно, не переусердствуй.

— И зачем же она приходит?

— За женихом! Подбирает себе жениха по вкусу!

— Вот это да! За женихом! Это правильно!

— Она ж еще и красавица! Ты как увидишь — сразу влюбишься.

— Неужели такая красавица?

— Неопишуемая! Она тебе так понравится, что будешь ее умолять завтра же выйти за тебя замуж! Хе-хе.

— Хорошо, если понравится. Как раз тут подумывал, что пора бы уже и жениться...

— Ну раз так, тогда не жалея денег, для начала покажи, что ты не скряга, потрать на нее сегодня пару десятков *иен*! Она оценит!

— Так ты ж сказала, что она не за деньгами сюда приходит?

— Не за деньгами, но в наше-то время кто не хочет богатого и благородного жениха? Покажешь, что ты такой, так еще больше понравишься!

— Верно! Так оно и есть! Сколько ей лет?

— Экий ты принц на белом коне, не спеши! Совсем скоро она придет, а ты уже влюбился? Хе-хе-

хе... В этом году двадцать стукнет. Хороший возраст, правда?

Наконец послышались мягкие шаги, за которыми последовал стук в дверь:

— Вы тут? — раздался осторожный вопрос.

— Пришла!

Старуха поднялась и перед тем, как совсем исчезнуть за дверью, обернулась к Чонсу и подмигнула.

Прислушиваясь к звукам снаружи, Чонсу, сам того не осознавая, слегка заволновался. Конечно же он сообразил, что искусная болтовня старухи была, скорее всего, обманом и что на самом деле это обычная шлюха оделась и припудрилась под школьницу. Волнение же его было вызвано тем, что, несмотря на весь свой опыт общения с девушками легкого поведения, так называемых «школьниц» он еще не встречал, и потому не мог совсем не поддаться такому гипнозу.

Старуха вышла наружу, и после недолгих шептаний дверь снова распахнулась.

— Смотри сам, правду я тебе сказала иль наврала! Вот, я тебе привела настоящую школьницу, как и обещала, — проговорила старуха, загроживая собой вошедшую. — Ну... Проходи! И не стесняйся ты так! Молодой господин ждет, что ж ты... — продолжила она, слегка подвинувшись в сторону.

Несмотря на то что Чонсу уже более десяти лет посещал подобные заведения и посему обладал немалым опытом в этих делах, его как молнией пронзило при виде вошедшей, и поэтому, не смея посмотреть ей прямо в лицо, он медленно опустил взгляд на ее облаченную в шелковый носок ногу, переступившую порог комнаты. Поднима-

ясь взглядом все выше и выше, после по-детски пухлых ног в желтых шелковых носках Чонсу набрел на плавно покачивающуюся черную юбку из тонкого маркизета, затем на руку, разглаживающую складки на ней, потом на переднюю полу изящно укороченной белой *чогори* и, наконец, — на ленту, опрятно завязанную на выступающей груди. У Чонсу перехватило дыхание от осознания того, что сейчас ему предстоит остаться наедине с непорочной школьницей. Его взгляд начал перемещаться с округлого подбородка на лицо, которое медленно поворачивалось в его сторону. Оно открывалось все больше и больше, вот-вот их глаза встретятся, и в этот момент:

— Ядрить твою!..

— Мать моя!

От удивления у обоих перехватило дыхание, и больше они не могли издать ни звука. Чонсу чуть не упал прямо там, где сидел, но смог удержаться и опустить голову, девушка же встрепенулась и, забыв даже обуться, выбежала за дверь. В комнате повисла тишина.

Как только девушка скрылась, Чонсу опомнился и бросился ей вслед, вон из «Центра мировой торговли». Это оказалась никто иная как Окхва, вторая наложница Чхансика, то есть отца Чонсу.

Благодаря судьбу за то, что человечество избрело электричество и теперь даже в крошечной тьме все хорошо видеть, Чонсу взял такси и отправился к девкам за Малые восточные ворота.

Пёнхо, в одиночестве ожидавший прихода *кисэн*, весьма удивился, когда Чонсу явился неожиданно рано, и пустился в расспросы. Чонсу кипел от злости, которую ему не на кого было выплеснуть ранее, и хотел было обрушить весь свой гнев

на голову Пёнхо, мол, какая же это школьница, подставляй голову! — но это все равно бы ничего не изменило. В итоге он соврал, что она якобы внезапно заболела и не пришла, а так как ему не очень-то и надо было, он просто встал и ушел. Выдумывание подобных историй было весьма в духе Чонсу.

13

И с гнилым топорищем...

(Возвышаясь над суетой бренного мира)

Между тем в тот же вечер, в тот же час, а именно около девяти, иное действо разворачивалось за Восточными воротами в доме первой наложницы Чхансика. Наглухо закрыв все ворота и двери, мальчик-слуга из своей каморки пристально следил за людьми, снующими по дому и двору, всем своим видом демонстрируя непреклонность духа и готовность вступить в схватку. В комнате разворачивалась большая битва в маджонг. Точнее, началась она еще вчера и продолжалась до сих пор. Оно и понятно: когда на кону пятьсот *вон* при ставке в десять *чон*, приглядывать за входящими никому не покажется излишним. Разумеется, в таком деле не избежать наблюдателей, которые получают процент с выигрыша, и так как без них не обойтись, шесть-семь таких зрителей присутствовало в доме: половина стойко продолжала следить за игрой, а половина настолько утомилась от круглосуточного наблюдения, что дрыхла в чулане.

На полках вдоль стен комнаты стояли старые собрания произведений китайской литературы.

Один из углов украшала керамическая посуда династии Корё под стеклянным колпаком, к которому был аккуратно приставлен *каягым**, что придавало комнате особый шарм. На стенах тут и там висели черные таблички с выведенными белой краской парными надписями** в стиле Чхуса***, а на колонне красовался лук и колчан со стрелами. В том же углу неопрятно громоздились миски с остатками китайской еды и бутылки из-под саке, что, видать, объяснялось ленью домашней прислуги. Стены комнаты были оклеены двумя слоями белой бумаги, так что они казались белоснежными, а «четыре благородных растения»**** Мисана***** на одной из них безукоризненно сочетался с тщательно подобранными надписями. В глаза также бросался свиток с пионами кисти Сочхи*****, висевший над невысоким столиком, на котором лежало несколько томов китайских книг. Судя по наличию в комнате «Пионов» Сочхи становилось понятно, что ее хозяин был весьма неплохо образован и вместе с тем прямо сейчас

* Каягым — корейский традиционный многострунный щипковый музыкальный инструмент.

** Обычно это были надписи с пожеланиями здоровья и благополучия, которые вывешивались по обеим сторонам двери дома.

*** Чхуса — один из псевдонимов Кима Чонхи (1786—1856), корейского политика и каллиграфа, прославившегося, в частности, изобретением нового стиля письма, который и был назван его именем.

**** «Четыре благородных растения» (цветы сливы, орхидея, бамбук и хризантема) — традиционный сюжет восточной живописи.

***** Мисан (1899 — ?) — корейский каллиграф и художник, получивший особую известность в период японского колониального правления.

***** Сочхи (1809 — 1892) — корейский каллиграф и художник доколониального периода.

демонстрировал такие низменные пристрастия, как любовь к азартным играм. Таков был нрав господина бездельника Юна — увлекаться всем подряд без особого разбора. И причиной тому — тоска бренного бытия...

За игровой доской сидели три человека: сам хозяин дома Юн Чхансик, «дед» — толстопуз Пак, слывший богачом и виртуозным игроком в маджонг, — и «салага» — заядлый игрок Губошлеп. У всех лица лоснились от пота, а в уголках покрасневших глаз скопился гной.

Начав с «конца» «южным ветром», Чхансик раздал, разыграл «весну» и почти собрал «руку дотов». Он держал пару восьмерок дотов, два полных чоу: единицу-двойку-тройку и шестерку-семерку-восьмерку, два потенциальных — четверку с пятеркой и семерку с восьмеркой той же масти, а также девятку символов. При успешном стечении обстоятельств какая бы кость из дотов ни пришла, выигрыш был гарантирован. Если сейчас выпадет шестерка, то выйдет тройной чоу: тройка-шестерка-девятка, и затем, если придет девятка, откроется возможность закончить игру с максимально возможным количеством очков, собрав «полный дом» дотов.

Господину бездельнику такой выигрыш был необходим, так как он уже проиграл пять тысяч вон, и на руках у него оставалась всего сотня, поэтому, если сейчас ему придут эти кости одна за другой, то он получит четыре тысячи, то есть практически отыграется. Однако, если в следующем раунде игра закончится хотя бы со счетом шестьдесят-сто-двадцать, то ему придется раскошелиться снова.

С другой стороны, Чхансик и так потерял немало, более трех тысяч вон, поэтому лишиться еще

пятисот вон было в общем-то не страшно, но он так не хотел упустить выигрыш с максимальным количеством очков, собрав полный комплект, что непременно ждал эти кости.

Решив, что игра идет к концу, толстопуз Пак потряс рукой, зажимавшей шестерку дотов, и, тяжело дыша, произнес:

— Хе-хе, «змеинный хвост»! Чхансик, приятель, уж не этим ли ты хотел закончить?

Если бы Пак ее сбросил, то господин бездельник непременно воспользовался бы шансом собрать чоу из четверки, пятерки и шестерки, и тогда бы вышла комбинация «шестерка или девятка» дотов, но треклятый толстопуз зажал шестерку дотов и сбросил семерку символов. Тем самым Пак лишил себя возможности собрать чоу символов, даже если бы ему затем и пришла долгожданная пятерка или восьмерка этой масти.

— Если не отдашь, я сам возьму!

Попалась восьмерка символов. Пока Чхансик теребил ее в руке и раздумывал, что делать, один из наблюдателей толкнул его сзади. Разумеется, господин бездельник сразу же понял, что это означало. Речь шла о том, чтобы разбить чоу из шестерки, семерки и восьмерки дотов и составить последовательность из четверки, пятерки и шестерки; из двух семерок собрать «голову воробья», из четырех восьмерок сделать закрытый конг, к восьмерке и девятке символов добавить семерку и на этом завершить раунд, а уже в следующем открыть закрытый конг из восьмерок.

Однако при таком раскладе даже в случае выигрыша он бы и комбинацию «обычный цвет» не собрал, не говоря уже о «руке дотов», а ведь прошло три раунда: один закончился закрытой рукой, один — розыгрышем «весны», и в одном

Чхансик раздавал. Конечно, при наличии всего ста вон на руках надлежало бы спасти ситуацию любой ценой, однако для господина бездельника с его азартным нравом это было бы непростительным проступком, не достойным высоких добродетелей игры в маджонг.

При виде того, как Чхансик отбросил восьмерку символов безо всякого сожаления, Пак подпрыгнул от удивления, ибо если бы толстопуз не разбил свою последовательность шестерка-семерка символов, сбросив последнюю, то с этой восьмеркой мог бы выиграть.

— Я беру!

Губошлеп добавил эту восьмерку к своим шестерке и семерке, тем самым завершив чоу. Кредитор, следивший из-за его спины, всячески подбадривал Губошлепа заканчивать. Губошлеп знал, что господин бездельник намеревался собрать «полный дом», и поэтому целенаправленно стремился к счету шестьдесят-сто-двадцать.

Сбрасывая пришедшую в четвертый раз зеленую восьмерку, толстопуз Пак произнес:

— Эх, Чхансик...

— Ну не сбрасывай, коли тебе так жалко! — промолвил господин бездельник, вытягивая новую кость. «В этот раз — так точно!» — не успел подумать он, как увидел диагональ из трех кружков. Тройка дотов!

Теперь, когда чоу из тройки, четверки и пятерки дотов был собран, дело осталось за «шестеркой или девяткой» — и маджонг в кармане!

Чхансик медленно вытащил девятку символов и уже было ее сбросил, как в комнату смущенно протиснулся секретарь Мин, державший в руке телеграмму. За игральным столом не знали, что

ее какое-то время назад принес привратник, а секретарь Мин, раскрыв сообщение и весьма удивившись, переписал его содержание смесью корейской письменности с китайскими иероглифами.

— Вам телеграмма!

— Что?..

Чхансик был настолько поглощен сбрасыванием девятки, что даже не понял, о чем речь.

— Панг! — незамедлительно провозгласил Губошлеп.

— Вам телеграмма! — тут же повторил секретарь Мин. Однако Чхансик всего лишь пробормотал:

— А? Телеграмма?.. Ну-ка, покажи свой панг. Девятки символов, говоришь?

— Вам телеграмма из Токио!

— Из Токио? Хорошо!

Всецело поглощенный ожиданием своей очереди после того, как толстопуз Пак возьмет кость, Чхансик не глядя протянул руку, взял телеграмму и кое-как засунул ее в карман жилета.

— Прочитайте телеграмму!

— Обязательно прочту. Ты перевел?

— Да-а.

Господин бездельник взял кость и начал вертеть ее в руке, снова позабыв о телеграмме. Четверка символов представляла трудности. Толстопуза Пака можно было не опасаться, так как он разбил свой ряд, а вот Губошлеп точно ждал либо единицу, либо четверку этой масти.

— Это очень важно! — продолжал настаивать секретарь Мин, однако Чхансик продолжал отмахиваться:

— А?.. Да... Ее нельзя сбрасывать! О чем там телеграмма-то?

— Раскройте же ее скорее!

— Да-да, гляну... Если я ее отдам, то Губошлеп выйдет... Что? Чонхак заболел?

— Нет же!

— А что тогда? погоди, не суетись... Вот что с ней делать? Я должен заглянуть в телеграмму!... Это же змея! Змея...

Разумеется, до телеграммы ему не было никакого дела, ведь если сбросить пришедшую четверку символов, Губошлеп заканчивал, а в этом случае «полного дома» не видать как собственных ушей. Значит, с этой четверкой расставаться нельзя. Однако во время прочтения телеграммы можно было подумать еще, поэтому господин бездельник временно оторвался от игровой доски и медленно достал ее из кармана.

— Одни проблемы от этой четверки, э-эх!

— Эй, да так доска пылью покроется!

— Не шуми. В телеграмму надо глянуть...

Потеребив пальцами телеграмму, зажатую в левой руке, Чхансик открыл ее и, еще немного потянув время, наконец опустил взгляд на написанное. Сообщение состояло всего из тринадцати иероглифов, прочтение которых не требовало ни много времени, ни усилий.

— Да чтоб ему неладно было... — Господин бездельник нахмурил лоб и снова как попало смял телеграмму. — Эх, будь что будет! — воскликнул он и с грохотом шмякнул проблемную четверку на доску.

— Ба, да это ж как раз то, что надо!

Как и ожидалось, Губошлеп собрал комбинацию символов «единица или четверка», тем самым доведя конечный счет до семидесяти-тридцати!

— Да чтоб ему неладно было! — снова выругал Чхансик сына Чонхака за телеграмму, и если перед этим он гневался на ее содержание, то сейчас — на то, что шанс выиграть «полным домом» был безвозвратно упущен.

В итоге господину бездельнику пришлось раскошелиться снова и выложить очередные пятьсот вон, и пока он раскладывал новый кон, в очередной раз собираясь начать игру, секретарь Мин взволнованным голосом спросил:

— Не нужно ли сообщить домой?

— Домой?.. — рассеянно переспросил Чхансик, отложив кости.

— Я пойду?

— Пойдешь?.. Сколько тут? Если четыре, то я раздаю... Пойдешь, говоришь?

— Да-а.

— Семь... Тоже неплохо... Девять, значит, плюс семь — шестнадцать выходит... — считал господин бездельник, снимая кости.

— Так я пойду?

— Да что ж это такое... С самого начала не пойми что, а не кости! А ведь как-то надо отыгаться за семь проигрышей. Это я должен идти... Если ты уйдешь, то меня тотчас же вернут обратно в игру. Зеленый дракон, поди прочь! Как-то подозрительно ты выглядишь... Чтоб тебе неладно было!

— Послать за такси?

— Да!

— Эй, куда это ты собрался? Начал игру и уходишь? — упрекнул Чхансика толстопуз Пак.

— Действительно... Что же делать? Вот «южный ветер».

— Да, а вот и «восточный ветер», давай панг!

— Нечем мне...

Господин бездельник снова с головой погрузился в игру, а секретарь Мин, полный досады и негодования, отправился восвояси.

Так один сентябрьский день 1937 года, принесший каждому свои большие или малые заботы, будь то distinguished наставник Юн, невестка Ко, Сеульская Госпожа, господин бездельник Чхансик, Окхва или кто бы то ни было другой, неспешно перешел в глубокую ночь.

Уже совсем скоро рассветет, и наступит новый день, и начнется новая жизнь. Кому же что достанется? И что это была за телеграмма из Токио, которую господин бездельник столь небрежно сунул в карман жилета? Все это станет известно, когда наступит завтра.

14

Великая Китайская стена в лучах закатного солнца

Если бы сегодняшний день не нес нам ничего нового и ничем не отличался от вчерашнего, нам всем было бы нечем дышать, и мы бы были по-настоящему несчастны. Конечно сегодня похоже на вчера и в то же время рождено им, и пока день меняет день, человечество продолжает жить и стареть, покрываясь сединой и в конце концов сходя в могилу... Между тем на фоне всей этой бессмысленности жизнь с каждым днем становится интереснее.

Итак, вот-вот должен был наступить новый день, и первые лучи солнца уже начинали озарять мир. Становилось все светлее, и, наконец, пробило шесть часов, причем каждый удар сопровождался кашлем наставника Юна. Так наш старый господин наставник начинал новый день. Это непреклонное упорство каждый день вставать на рассвете, ровно в шесть утра, уже давно переросло в незыблемую привычку, которой он не изменял ни зимой, ни летом в течение пятидесяти лет.

Проснувшись, достопочтенный наставник Юн первым делом обратился к латунному ночному горшку, ожидавшему его у изголовья, и опорожнил кровеносные сосуды от едкой жидкости, накопившейся за ночь. Обмен веществ в организме — дело неизбежное, и, чтобы новый день приносил новое и вдыхал новую жизнь, необходимо избавиться от отжившего. Испражнение — бич отжившего и весьма полезное занятие!

Господин Юн раз за разом набирал в руки мерно текущую жидкость, подносил ее к глазам и умывался. Издревле известно, что, если каждое утро промывать глаза мочей, то можно избежать ухудшения зрения, поэтому достопочтенный наставник Юн прямо сейчас применял это средство народной медицины. По правде говоря, применял он его на протяжении последних вот уже тридцати лет, ведь если, скажем, подхватить гонорею, то и ослепнуть недолго, и хотя доподлинно неизвестно, было ли здоровье господина Юна результатом его усердия в осуществлении профилактических мер, несомненно, зрение его до сих пор не подводило, и за исключением совсем мелкого почерка он видел все. Если бы он кому-то

понадобился для написания диссертации на научную степень по медицине, то тема докторской работы звучала бы так: «Основные принципы предотвращения старения зрительных нервов с помощью урины».

Покончив с этим народным способом промывания глаз, достопочтенный наставник Юн наконец, переоделся, набил трубку табаком и закурил. Клубящийся табачный дым окутал комнату, в которой ярко горела ночная лампа, как будто все еще стояла кромешная тьма. Ни голоса, ни звука — он был единственным живым существом, помереть можно с тоски, а лампа и другая бездушная утварь только усиливали это ощущение.

Когда табак в трубке наставника прогорел примерно наполовину, в комнате показалась телячья голова Самнама, которую он просунул боком, ибо только так он мог смотреть в нужном направлении своими косыми глазами. В руках он бережно держал стеклянный сосуд, поднесение которого было его ежедневной утренней заботой. Господин Юн безмолвно взял сосуд, также безмолвно поданный Самнамом, и вытащил трубку изо рта, а из ящика стола достал небольшую пиалу из раковины моллюска. Затем он наполнил ее до краев желтоватой жидкостью, напоминавшей sake, от которой еще поднимался пар. Содержимое пиалы также было мочой. Однако то была не какая-то непонятно чья моча, а детская, то бишь девственная.

Еще одним издревле известным способом поддержания здоровья с помощью отходов человеческой жизнедеятельности было употребление детской мочи в пищу. В последнее время, говорят, то ли из гормонов, то ли еще из чего, содержащегоо-

ся в моче, делают лекарство, и это не звучит так уж нелепо. Поэтому, если и в самом деле так, то честь обнаружения гормонов в моче бесспорно следует воздать славным предкам нашего корейского народа. Таким образом, регулярно применяя эти два способа поддержания здоровья с помощью мочи на протяжении последних тридцати лет, достопочтенный наставник Юн активно осваивал ее полезные свойства.

В деревне достать детскую мочу не составляло никакого труда, но с тех пор, как он перебрался в Сеул со всей его городской ментальностью, ее приходилось покупать. Но и тут он нашел небогатых соседей с детьми и договорился, чтобы те каждое утро доставляли ему их первую мочу по цене двадцать чон... Правду сказать, заявленная цена этого «особого лекарства» составляла тридцать чон, но Тэбок так и не смог уговорить их согласиться на десять, поэтому в итоге сошлись на двадцати.

Так моча стала «особым лекарством», и Самнам каждый день на рассвете подносил господину стеклянную емкость с этой драгоценной жидкостью.

Пока наставник Юн занимался уринарными процедурами, Самнам чистил имбирный корень.

Как будто опохмеляясь лечебной настойкой, которая постепенно начинает действовать, достопочтенный наставник залпом выпил первый стакан мочи, а за ним и второй, и третий, после чего Самнам двумя руками подал ему очищенный имбирь.

— Не иначе как непутевый отпрыск этой дурехи на ночь наелся соли, чтоб его! В моче сплошная соль, — скорчив гримасу, произнес наставник Юн и откусил имбирь.

Разумеется, моча изначально соленая, однако острота человеческих ощущений — страшное дело, поэтому господин наставник, каждое утро употреблявший ее внутрь в течение последних тридцати лет, мог с точностью сказать, когда она была чуть более или чуть менее соленой.

— Этот говенок, чтоб его, небось целую пиалу соевого соуса съел!

— Передать им, чтоб с сегодняшнего дня перестали давать ему столько сегового соуса?

Самнам был явно возмущен тем, что моча приобрела чрезмерно соленый вкус вследствие съеденной плошки соевого соуса и что из-за этого господину наставнику пришлось пить более соленую жидкость.

— Не пори чушь! Да и кто вообще просил тебя вмешиваться?

— Хорошо, не буду пороть чушь!

— Ну ты и болван!

— Да.

Самнам взял в руки стеклянную емкость и пиалу из раковины моллюска, чтобы ополоснуть их.

— Настойку приготовил?

— Да.

— Важно ее не передержать! А то вчера утром слишком много испарилось!

— Да.

Когда Самнам удалился, наставник Юн начал делать оздоровительную гимнастику. Перед тем как приступить к основным упражнениям, он принял подготовительную позицию: распрямил ноги и поднятые вверх руки. Затем он наклонился, согнув верхнюю часть туловища — ту, что выше пояса, — вперед, как бы пытаясь достать руками до пальцев ног, после чего распрямился снова. Затем еще раз согнулся и разогнулся. Так он

наклонялся и выпрямлялся снова и снова. Из-за тучности телосложения и наличия нескромного живота это упражнение давалась ему нелегко, однако, выполняя его под счет «раз, два, три», ему удалось дойти до пятидесяти. Более того, господин наставник смог достичь того, что вначале казалось невероятным: достать пальцами рук до носков. Такое на первый взгляд незамысловатое упражнение для поддержания здоровья. Казалось бы, для оздоровления лучше заниматься передаваемой по радио гимнастикой, однако она скорее подходит молодежи, нежели старикам...

От усилий наставник Юн тяжело дышал, а его одежда стала мокрой и липкой от пота, поэтому он раскрыл раздвижную дверь и уселся дышать утренним прохладным воздухом. Уже рассвело, и от свежего ветра господина наставника пробрала дрожь.

— Ох, день-то какой! — обеспокоенно произнес он.

Как раз в это время в комнату зашел Тэбок пожелать доброго утра, а заодно и обсудить список поручений на день.

— Холодно сегодня, как бы чего не случилось...

— Верно говорите, — ответил Тэбок, даже не поздоровавшись, и покорно сел. — И в самом деле, если ударят заморозки, то несладко нам придется.

— А я что говорю! Мать честная, что ж за напасть-то такое?! Заморозки заморозками, а поздний рис должен поспеть! Меня и без того батраки донимают сократить им оброк, сетуя на всякого рода убытки от того наводнения!

С самого начала осени наставник Юн и Тэбок особенно беспокоились по поводу грядущего урожая. С сельскохозяйственной точки зрения год-

то обещал быть урожайным, но провинцию Чолла постигло наводнение, которое нанесло ущерб угодьям господина наставника. Таким образом, на некоторых из них взойдет только половина посева, а некоторые затопило так, что не то что рисового зернышка не прорастет, а еще и строительных материалов не напасешься, чтобы заново возвести все необходимые сооружения.

Незадолго до Дня всех душ* Тэбок ездил проверить положение дел и собственными глазами убедился, что крестьяне не преувеличивали масштабов бедствия. Но и тут достопочтенный наставник Юн оставался верен себе. «Общий оброк за пользование моими полями уплачивается заранее, поэтому урожайный год или нет — не имеет никакого значения. В договоре аренды так и указано, что даже если было собрано меньше или вообще ничего, арендаторы обязаны заранее уплатить общий фиксированный налог, не так ли? — рассуждал он. — Если же уменьшить оброк по причине неурожая, а в следующем году, наоборот, урожай удастся на славу и взойдет много риса, то его предположительное количество на деле увеличится, так ведь? В таком случае станут ли крестьяне платить, если потребовать больший оброк? Им это как пить дать не понравится. Значит, это они все дурят, прося уменьшить плату, а неурожайный год — не более чем отговорка». Весьма логичное рассуждение. Не упуская подробностей и продолжая следовать своей логике, достопочтенный господин наставник продолжал размышлять: «Прогресс человечества — дело,

* День всех душ — буддийский праздник, выпадающий на пятнадцатое число седьмого месяца по лунному календарю.

конечно, хорошее, но худо будет, если с ним переборщить. Тоже мне, понапридумывали каких-то там бесполезных указов о сельскохозяйственных угодьях и регулировании земледелия на арендованной земле, которые сделали этих проходимцев еще нахальней: и оброк им снизь в случае неурожайного года, и не поднимай им платы за аренду, и участок их не передавай... — Все это так раздражало и сердило наставника Юна, что ему даже думать об этом было противно. — Что ж это выходит, на своей земле я не могу ни взимать оброк, какой хочу, ни передавать землю, как мне вздумается, во все теперь вмешивается то провинциальная, то уездная полиция?» Словом, поди пойми, что у них на уме, пусть себе жалуются, но все же для господина наставника такая ситуация была величайшей загадкой.

В любом случае по приблизительной оценке тысяча сок риса будет потеряна. Господин Юн конечно же, решил стоять до последнего, однако даже он не смел ослушаться провинциальных и уездных властей. Эта ситуация не давала ему покоя и становилась источником беспокойства каждый раз, когда они с Тэбоком садились обсуждать дела. Главной темой обсуждения конечно же было то, как бы придумать такой хитрый способ, чтобы арендаторы не возмущались и выплатили оброк в полном объеме. И то, что день обещал быть таким холодным, разумеется, не могло не вызывать беспокойства на фоне всех насущных тревог, ибо это могло весьма навредить всходам риса.

Пока Тэбок докладывал о том о сем, Самнам принес вскипяченную настойку из женьшеня и пантов оленя, назначением которой также было укрепление здоровья. И моча, и оздоровительная гимнастика, и женьшеневая настойка — все

это преследовало единственную цель: укрепить тело, чтобы жить долго-предолго. Больше всего на свете наставник Юн хотел жить долго-долго, до ста, двухсот, тысячи, десяти тысяч лет... Нет, лучше жить вечно, под стать бесконечному миру, всю жизнь наслаждаясь материальным изобилием... А еще лучше — понемногу его приумножая. Иначе будет невероятно жаль оставить все состояние в этом прекрасном мире и умереть, не дожив и до ста лет.

В своем желании наслаждаться бессмертием господин наставник ничуть не уступал китайскому властителю Цинь Шихуанди, который тоже хотел жить вечно и поэтому отправил пять тысяч детей к Восточному морю* на поиски эликсира бессмертия. Господин Юн неоднократно задавался вопросом: «Проживу ли я еще пятьдесят лет? А сто? Ведь, скорее всего помру лет через десять». Понятное дело, это было чистой правдой, ибо таков удел всех смертных, и в глубине души он это понимал, но все равно не хотел умирать, прожив еще всего десять лет. Он вообще не хотел умирать. Вечная жизнь и бессмертие... Подобно Цинь Шихуанди, господин наставник отчаянно хотел жить вечно. Он берег состояние как зеницу ока, приумножая его при любой возможности, и его изысканный план причаститься к знати через появление в семье уездного начальника и полицеймейстера был сродни грандиозному историческому проекту Цинь Шихуанди огорадить империю от кочевников Великой Китайской стеной. И вправду, в этом плане достойный наставник ничем не отличался от Цинь Шихуанди: точь-в-точь как китайский император, который, возводя высокую

* В Корее Восточным морем именуется Японское море.

многокилометровую стену, чтобы служить небесам и оберегать свою страну, полагал, что элексир бессмертия позволит ему вечно наслаждаться славой властителя, господин Юн служил небу, приумножая, холя и лелея семейное состояние, облагораживая свой клан с помощью должностей уездного начальника и полицеймейстера, употребляя мочу, делая оздоровительную гимнастику и принимая настойку из женишени, чтобы вечно наслаждаться славой главы клана.

Долго ли, коротко ли, наступило восемь утра, и, пока господин наставник завтракал, прошел еще час. Небо светилось чистотой, и солнечные лучи разливали теплый свет. Определенно день обещал быть отменным и принести наставнику Юну новую радость. После обеда ему предстояло отдать Головастику пять тысяч девятьсот пятьдесят *вон* в обмен на закладную номиналом в семь тысяч *вон*, что было оговорено заранее. Таким образом, он выигрывал тысячу пятьдесят *вон* и, даже отдав сто пять *вон* Головастику в качестве комиссии, он получал девятьсот сорок пять *вон* чистой прибыли. Именно поэтому сегодняшний день обещал быть особенно удачным. Помимо этого, сегодня господин наставник рассчитывал встретиться с Чхунсим, поболтать с ней о том о сем, и если все выйдет, как запланировано, то его день будет похож на юбилейное издание известного произведения.

У остальных членов семьи, хотя они и не знали, что такое настоящие радость и наслаждение, тоже все было тихо и мирно. Тхэсик, который баловался сладостями в придорожной лавке, был безмятежно спокоен и даже счастлив. Кёнсон сидел за партой и не мог сосредоточиться, поглощенный воспоминаниями о прошлом вечере, ко-

торый он провел с Чхунсим, на что потратил целых две вонь. Сеульская Госпожа лежала, листая роман «Свет осенней луны», напрочь позабыв о всех невзгодах и тревогах. Невестка Пак с нетерпением ждала непутевого мужа Чонсу домой, с головой погрузившись в шитье в задней комнате на пару с невесткой Чо. Невестка Ко вернулась после трех ночи хмельная и сейчас безмятежно спала без задних ног. За Малыми восточными воротами Чонсу также спал без задних ног за столом, уставленным тарелками с яствами, в компании Пёнхо и кисэн. Окхва, хотя еще не отошла от приключения вчерашней ночью, в целом была спокойна, ибо она имела дом, какое-то количество украшений и две-три тысячи вон наличными, поэтому ее бы не сильно расстроило, если бы, откройся этот случай, ей пришлось расстаться с Чхансиком. Чхансик в общей сложности проиграл четыре тысячи пятьсот вон в маджонг, но так как это все равно было меньше пяти тысяч, он списал всю сумму как издержки на выпивку и отправился на боковую только на рассвете, поэтому сейчас спал как убитый, совершенно позабыв о телеграмме из Токио...

Так обстояли дела у домочадцев, но вернемся к господину Юну. Время до полудня, когда доstopочтенный наставник велел Чхунсим прийти, тянулось бесконечно долго. Более того, она могла вообще не явиться, так как у нее заболел отец, и господин Юн уже сгорал от нетерпения, но как только пробило девять часов, эта прошмандовка, задыхаясь, неожиданно ворвалась в дом! Радость-то какая! Господин наставник настежь распахнул входную дверь и ерзал на месте, словно вот-вот собираясь выскочить ей навстречу. На его огромном лице сияла улыбка.

— Заходи, дорогая! Слышал, твой отец захворал. Ему полегчало?

— Да, уже намного лучше... — Чхунсим стояла на пороге, как будто не собираясь входить внутрь. — Выходите скорее, пойдемте за колечком.

— Хе-хе-хе! А ты, я смотрю, не забыла! Будь по-твоему, пошли! Чтоб тебе неладно было.

— Чтоб я-то забыла? Да я ночь не спала! Вон, даже пришла аж к девяти утра, хотя вы в двенадцать велели. Одевайтесь скорее!

— Э-э-эх... — Достопочтенный наставник с усилием поднялся и начал собираться.

— Не боишься, что люди в ювелирной лавке подумают, мол, школьница, а кольца носит?

— А какое мне дело, что другие думают? Лишь бы мне самой нравилось.

— И то правда! Ну, раз так, то будь по-твоему!

— Правда-правда!

— Ладно, ладно! — продолжал приговаривать наставник Юн, так как у него было беспокойно на душе, и он чувствовал, что надо что-то сказать.

Как и вчера вечером для похода на концерт в Пумингван на голову поверх *тхангона* господин наставник надел *кат* из Тхонъёна, облачился в новый, с иголки, сияющий атласный наряд, надел белые *посон* под черные, словно ночь, кожаные ботинки, а в руки взял бамбуковый веер и трость с серебряным набалдашником.

Вместе они смотрелись несколько комично, словно огромный пароход с малюсенькой рыбацкой лодкой сбоку. Так или иначе, пара добралась до Чинкоге. Каждый встречный, проходя мимо, бросал взгляд на наставника Юна. Японцы, давно облюбовавшие этот район, представляли корейцев либо как нерях в протертых хлопковых

подштанниках, закатанных так, что видно голые ноги, с *чиге** поверх *чоксам***, либо как чудаков в белых *турумаги*, с заложенными за спину руками, непроницаемыми лицами и раскрытыми ртами, которые заходят в магазин, шарят бегающим взглядом по полкам, теребят руками каждую вещь и уходят ни с чем, были изрядно удивлены при виде господина наставника, который своим тучным телом практически заслонял узкие проходы Чинкоге, имел солидный вид и благородные черты лица, а элегантный наряд только придавал ему аристократичности.

Вряд ли такое можно себе представить, но, глядя на господина Юна, японцы нехотя признавали, что и среди корейцев есть не только неряхи и чудаки, но и благородные мужи. И хотя сам господин наставник, разумеется, считал это весьма бесполезным делом, фактически он воплощал собой немую гордость за весь корейский народ.

Идущая чуть впереди Чхунсим свернула на торговую улицу и, остановившись у одной ювелирной лавки, стала рассматривать ее ассортимент сквозь окно витрины. Она искала присмотренное загодя кольцо за семь *вон* пятьдесят *чон*, но так и не могла найти. Ее это раздосадовало, но вдруг, как бы о чем-то подумав, она взяла господина наставника под руку и завела его внутрь лавки.

— *Ирасямасе!**** — в один голос выпалили продавцы, коих насчитывалось пять-шесть человек, и выстроились в ряд поглазеть на посетителей.

* *Чиге* — наплечные носилки.

** *Чоксам* — традиционная корейская рубашка на завязке, зачастую укороченная.

*** *Ирасямасе* (яп.) — добро пожаловать.

Чхунсим спросила одного из них на ломаном японском, который она учила в *квонбоне*, есть ли еще то кольцо за семь с половиной *вон*.

— Нэ, уже нэт, — ответил продавец по-корейски, с откровенной скукой выслушав вопрос.

— Эти кольца все распроданы, но вот тут есть похожие...

Продавец бережно открыл витрину и разложил коробочки с кольцами на любой вкус и цвет: с красными, зелеными, желтыми и черными камнями. Из них он выбрал одно с красным камешком и подал его Чхунсим.

— Вот это хорошее, намного лучше того, о котором вы говорили. И само колечко красивое, и камешек в нем *вон* как светится...

Чхунсим взяла предложенное кольцо в руки, и действительно оно казалось ей красивее того, выбранного ранее. Затем примерила его на безымянный палец левой руки — какая прелесть! Подходит тютелька в тютельку.

— Вот это хочу, — попросила Чхунсим, глядя на господина Юна снизу вверх. С кольца на ее пальце свисал ценник.

— Целых семь *вон* пятьдесят *чон*? Это ж разориться! — Господин наставник отбросил подол *турумаги*, развязал шнурок кошелька и повернулся к продавцу. — Семь с половиной *вон* — это чересчур дорого, скинь-ка малость?

— Ошибаетесь! Это кольцо стоит десять *вон*.

— Что? Десять *вон*?.. Это ты что ж, услышал, что мы ищем за семь с половиной *вон*, и нарочно за десять предлагаешь?

— Что поделать, те все проданы, ни одного не осталось.

— Тогда не куплю! Пойдем куда-нибудь в другое место, ну или потом придем!

— Не хочу! Мне именно это кольцо нравится, его и купите!

— Нет, говорю тебе! — Господин наставник поднял свой массивный зад с крошечного стула.

— Разве две *воны* пятьдесят *чон* — это такая большая разница? — с сочувствием начал уговаривать его продавец. — Присядьте. Это кольцо хоть и стоит десять *вон*, оно в два раза лучше того за семь с половиной. Оно и шире.

— Тем не менее...

— К тому же, дедушка, колечко в подарок внучке не грех и получше выбрать.

Убить его мало. Понятно, что он не мог знать всех подробностей, но назвать влюбленных дедушкой и внучкой — никакого мата не хватит, чтобы выразить негодование по этому поводу. Достопочтенный господин наставник конечно же не мог ему ответить: «Болван, что ты несешь?», и был вынужден молча справляться с позором. Между тем Чхунсим ехидно хихикала:

— Да, дедушка, купите это колечко, а то сами знаете! — Это ее «сами знаете» звучало весьма весомо.

— Ну хорошо, хорошо! — сдался господин Юн и снова сел. Эти слова обладали немалой силой. Угроза Чхунсим убедила его подумать еще раз, а от сравнения с дедушкой и внучкой стало стыдно. — Так что, именно это кольцо, и никакое другое?

— Да-да-а-а-а...

— Эй, ты, подойди-ка сюда.

— Да-а?

— Я возьму, но не много ли ты просишь? Скинь чуток?

— У нас нет скидок. К тому же десять *вон* — это совсем недорого, поверьте.

— Да как недорого, когда дорого! Отдашь за восемь *вон*?

— Не могу. Даже если вы заплатите установленную цену, я не получу никакой выгоды... Но такому уважаемому господину, как вы, я могу скинуть двадцать *чон*. То есть для вас оно будет стоить девять *вон* восемьдесят *чон*.

— Да ладно тебе приbedняться, давай за восемь *вон*, восемь!

— Вы находитесь в приличном месте, а не в рыбной лавке! Здесь не торгуются! — упрекнула Чхунсим наставника Юна, которому, разумеется, следовало бы ей ответить со всей жесткостью: «А ты молчи себе и не вступай», — но так как теперь его считали дедулей, души не чаявшим в своей молодой внучке, он не мог так грубо себя с ней вести.

— Эй, эй, что это ты такое говоришь? Где это видано чтоб при торге не делали скидок? У меня на все скидка есть, даже на государственные налоги!

Продавец беззаботно рассмеялся, решив, что ему попался дедуля с хорошим чувством юмора.

Господин Юн запустил руку в кошелек, вынул оттуда горсть монет, пристально посмотрел на них, перебрал их в руке, тщательно пересчитал и вдруг, ко всеобщему удивлению, бросил деньги на прилавок и резко встал, прогремев:

— Будь по-твоему! Восемь *вон* пятьдесят *чон*! И разойдемся с миром... — И добавил, обращаясь к Чхунсим: — Все, пошли, мы тут закончили. Пошевеливайся!

От такой наглости у продавца подкосились колени, но он быстро опомнился и подпрыгнул, давая понять, что так не пойдет.

В итоге, потратив на жаркие торги более часа, стороны сошлись на цене в девять *вон* десять *чон*,

и поэтому, когда господин наставник с Чхунсим вышли наконец из лавки, было уже хорошо за одиннадцать.

Возвращаясь с перевала Чин, на протяжении всего пути через площадь к остановке трамвая Чхунсим не сводила глаз с переливающегося колечка на пальце, так оно ей нравилось.

— Чхунсим?

— Да? — Она повернулась к наставнику и, рассмеявшись, снова перевела взгляд на руку.

— Хорошее я тебе колечко купил?

— Да, отменное!

— Видали паршивку? Мало того что я на тебя деньги потратил, так еще и опозорился!

— Почему опозорились?

— Слыхала, тот олух меня принял за твоего деда, милая моя внученька!

— Ха-ха, ха-ха-ха-ха!

— Не важно, теперь слушай меня.

— Хорошо.

— Так-то. В общем, сегодня вечером...

— Да-а.

— Приходи пораньше, поняла?

— Да-а!

— Смотри, не разочаруй меня!

— Хорошо.

— Точно?

— Да, не беспокойтесь!

— Так-то.

— Погодите, господин!

— Что еще?

— А пойдёте в Мицукоси* поестъ *нандзи*?

— *Нандзи*? Это еще что такое?

* Мицукоси — торговая сеть, основанная в Японии в конце XVII века. В 1930 году ее филиал был открыт в Сеуле.

— Ну *нандзи*, это обед по-европейски.
— Обед по-европейски?
— Да, очень вкусный!
— Эх ты ж! Даже не упоминай эту европейскую дрянь!

— Почему?

— Потому что все говорят, что вкусно, а я как-то раз пошел в одно такое заведение и попробовал — дрянь дрянью! Чуть не помер на месте, ей-богу! Только деньги зря потратил.

— Ха-ха-ха! И как это было?

— Мне принесли тарелку с какой-то стряпней, в которую воткнули что-то, напоминающее вилы, и сказали это есть!

Не случись у господина наставника того горького опыта, он бы повелся на просьбу Чхунсим отобедать по-европейски и продемонстрировать корейское благородство, однако, к счастью, из-за его враждебных чувств к так называемым «блюдам с вилами», то есть вилок, эта затея сорвалась.

Расставаясь на перекрестке Чонно, наставник Юн еще несколько раз повторил уговор с Чхунсим и направился домой. Тут же, как будто преследуя его, явился Головастик со своим знакомым по фамилии Кан (тем самым хозяином лавки у моста Чольмульгё), которому господин наставник и должен был задешево обналичить закладную. Так как Тэбок подготовил все заранее, господин Юн тотчас получил закладную на семь тысяч *вон*, отдав взамен всего пять тысяч девятьсот пятьдесят *вон* наличными. Разумеется, и Головастик получил свои сто пять *вон* за посредничество. Распрощавшись с гостями, наставник Юн был весьма доволен собой — ведь сегодня он заработал девятьсот сорок пять *вон*.

Прошлой ночью Чхансик проиграл четыре с половиной тысячи *вон* в маджонг, Чонсу выписал пройдохе Пёнхо закладную на две тысячи и проел *вон* эдак двести, причем скоро придет просить еще две тысячи, поэтому на самом деле господин наставник потерял около девяти тысяч *вон*, то есть раз в десять больше, чем «заработанные» девятьсот *вон*. Словом, где приобрел, там и потерял. Да еще как потерял! Все равно как если бы у Китайской стены рухнула угловая секция. Но на тот момент достопочтенному господину наставнику это было неведомо.

В преддверии вечерней встречи с Чхунсим, обещавшей море любви, от счастья у него текли слюни, и, когда часы пробили полдень, он был всецело поглощен этими мыслями, напрочь позабыв об обеде. В это время во дворе вдруг послышались шаги. Господин Юн кинул взгляд в окно в нижней части раздвижной двери и увидел быстро приближающиеся европейские брюки. От неожиданности он подскочил и приготовился ретироваться внутрь дома. Эти щеголи редко появлялись с бухты-барахты, но ничто в мире не приводило господина наставника в такой ужас, как их внезапные визиты.

Обычно у человека при виде змеи мурашки бегут по коже от страха, и он рефлекторно становится осторожнее и принимает защитную позицию. Так наши предки в доисторические времена миллионы лет находились под угрозой быть съеденными рептилиями, каждый день проводя в страхе, готовые в любой момент бороться за жизнь, и на определенном этапе это переросло в инстинкт, в связи с чем некоторые ученые считают, что даже сейчас в наших жилах течет кровь тех далеких предков. Исходя из этого принципа, сам собой на-

прашивается вывод, что именно поэтому господин Юн первым делом вздрагивал и готовился бежать в укрытие каждый раз, когда являлись подобные гости.

После событий 1919 года при виде так называемых «щеголей» он еще долго вспоминал об ужасе, связанном с вымоганием денег под черным дулом пистолета, направленным прямо в грудь, и о том, как, оставшись без денег, снова обливался потом во время допроса в полиции... Конечно, допрос — это обычная процедура, необходимая при расследовании преступления, и никто бы не подумал подозревать наставника Юна в связи с этими ребятами, но, будучи полумертвым от потрясения, он давал ответы, зачастую противоречившие друг другу, что не шло на пользу ни одной из сторон. Так вот, это были те самые щеголи, внезапное появление которых каждый раз приводило в бешенство и вызывало дрожь.

Помимо этих опасных посетителей еще менее желанными гостями были агенты из компании по страхованию жизни. Все обладатели какого-либо состояния проходят через это, но господину наставнику, по обыкновению, не везло больше других. Оно и понятно: в силу своего немолодого возраста он не мог застраховаться сам, поэтому его помогали предложениями застраховать детей, внуков, правнуков и прочих членов семьи.

На эти попытки наставник Юн отвечал следующим образом:

— Послушай-ка, ты предлагаешь мне оформить страховку на детей и внуков, а потом сидеть и ждать, что они сдохнут, чтобы получить страховые выплаты?

Однако страховые агенты не из тех, кто легко отступает, услышав такое. Они прилипают, как

пьявки, садятся рядом и продолжают уговаривать. Щеголи в костюмах, страховые агенты... Немилыми гостями были и собиратели пожертвований, цель которых состояла в просвещении широких масс и помощи беднякам и нуждающимся. Приходя, они сначала подробно описывали ситуацию, так, мол, и так, а затем просили: «Поэтому и вы, уважаемый господин...»

Вслушав их, наставник Юн с пеной у рта отвечал:

— А-а-а, да, хорошее это дело, необходимое обществу... Однако я в течение нескольких десятков лет ежегодно помогаю сотням людей, поэтому я не совершу преступления, не поучаствовав в вашем славном мероприятии!

— О-о-о! Это, безусловно, замечательно! А каким образом вы помогаете? — спрашивал гость из вежливости, восхищаясь тем, как только что услышанное расходилось с его предыдущими сведениями.

— А-а-а... На данный момент я собираю урожай в десять тысяч сок. У меня работает около тысячи крестьян. Так вот, я даю им землю в пользование, чтобы они занимались на ней сельским хозяйством, выращивали себе еду и жили в радости. Это ли не благотворительность?

Услышав такие слова, вежливый человек посмеялся бы про себя и тотчас сменил бы тему, но иной гость, видимо будучи глуховат, приходил в еще больший восторг и спрашивал:

— Так, стало быть, вы предоставляете тысяче крестьян землю бесплатно, не взимая платы за пользование? Как благородно!

— Да ты что, как не брать-то? Где ты видал такого идиота, который бы свою землю отдал просто так, мол, пользуйтесь, кушайте, при этом сам

не получая никакого дохода? — твердо продолжал гнуть свое наставник Юн.

Услышав этот разговор, любой лопнул бы со смеху, сочтя его несусветной чушью или попыткой пошутить, однако господин наставник был абсолютно серьезен. Он рассуждал так: когда хозяин земли сдает ее в аренду крестьянам, это большая добродетель, поэтому и его помощь им следует считать благотворительностью. И его можно было понять. «Это моя земля» — уже веский аргумент, только усиливающийся тем, что между крестьянами всегда существовала сильная конкуренция за обладание определенным участком земли: Ким, Чхве, Ли, Чхэ — каждый хочет его заполнить в пользование, а в итоге права отходят только одному. Допустим, Чхве получает участок, который мог отойти Киму, или Ли, или Чхэ, — и все это решает владелец земли! Не благодетель ли он? Таковы были принципы благотворительности, основанные на арендном праве.

Будучи верен себе, наставник Юн жертвовал только на нужды тех, кем он действительно восхищался. Так, например, он пожертвовал управлению полиции на строительство зала для занятий боевыми искусствами. Кроме этого, однако, он не давал ни гроша на общественные нужды и иные благотворительные проекты. Поэтому единственными вымогателями денег, которые ему по-настоящему досаждали, были те самые щеголи. Чего только не пришлось перенести по вине этих джентельменов наставнику Юну за двадцать лет жизни в деревне: и угрозы, и ущерб, и постоянные тревоги. Поэтому неудивительно, что при одном только их виде в нем автоматически просыпалась враждебность и ненависть к ним. Это было сродни инстинкту самосохранения, дожив-

шему до наших дней благодаря тому, что наши общие предки на протяжении миллионов лет опасались рептилий, постоянно сражаясь с ними за выживание. Вот и сейчас, заведя быстро приближающегося щеголя, наставник Юн резко встал, открыл заднюю дверь и собирался ретироваться внутрь, но не успел, ибо незванный гость был быстрее и уже отодвинул входную дверь. Господин Юн со злостью развернулся и... вздохнул с облегчением, так как это был не щеголь! Однако облегчение быстро сменилось раздражением:

— А, разрази тебя гром, предупреждать же надо!

Это был Чонсу, вернувшийся от Малых восточных ворот, где он в буквальном смысле слова пировал в компании прекрасных обольстительниц.

Он не обратил особого внимания на брань деда, ибо тот делал это с такой легкостью, как будто сигарету курил. Как ни в чем не бывало он поклонился и опустил на колени.

— Ты зачем снова явился?

— Да так, есть тут одно дело...

— Что это за «одно дело» такое? Небось снова деньги пришел кланчить? Слышать ничего не хочу про деньги, поди с глаз моих прочь и не смей показываться!

Таким образом, наставник Юн нанес Чонсу сокрушительный удар в кону*, заняв центральную позицию. Не ожидавший такого резкого поворота событий, Чонсу не знал, как открыть рот, и поэтому некоторое время молча кивал головой.

— Как там вообще дела продвигаются с уездным начальником? Подавай отчет!

* Кону — игра четырьмя шашками на доске с небольшим количеством клеток.

Не то чтобы господин наставник гневался — он нарочно делал вид, что зол: выразительно вытряхнул пепел из трубки, придал голосу раздраженный оттенок и сменил тему на идеальную для упрёков.

— Ну, что молчишь? Мне, по-твоему, дожидаться, пока правнук займет эту должность?

На самом же деле в связи с тем, что план был рассчитан на десять лет, наставник Юн особо не переживал, но хотел бы, чтобы он воплотился в жизнь раньше, потому и поторапливал внука. Однако именно в этих словах Чонсу углядел возможность проявить хитрость и выпросить деньги:

— Не беспокойтесь об этом. Я потому и пришел, а заодно и дело обсудить...

— А? Рад слышать! Так что, все получилось? — У господина наставника вмиг отлегло от сердца. В конце концов, в своей наивности он не уступал внуку.

— Вскорости можно ждать назначения посыльным центральной управы!

— Да неужели? Правда?

— Да-а.

— Это же прекрасные новости! И как скоро тогда до начальника?

— Как только попаду в центральную управу, там уже намного проще будет!

— Это сколько лет еще займет?

— Года четыре, может, пять. Только вот...

— Что?

— Чтобы все прошло гладко, необходимы две тысячи вон!

— Ну тогда ладно! Так уж и быть!

Господин наставник подскочил. Он представил Чонсу, облаченного в роскошные чиновничьи одежды с золотистыми полосками на рука-

вах, держащего в руке отделанный золотом кинжал, всем своим видом олицетворяющего величие аристократа. Конечно, это все атрибуты старых времен, однако полоски все еще в ходу: у младшего чиновника одна, у старшего, такого, как уездный начальник, — две. Это, с одной стороны, не могло не радовать господина Юна, но с другой, как только зашел ненавистный разговор о деньгах, у него испортилось настроение, и он снова разгневался:

— Разрази тебя гром! Мошенник, деньги транжиришь почему зря! Вот и сейчас пришел, чтобы языком молотом да тянуть из меня деньги? Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме? Если, как ты говоришь, все получилось, на что еще вдруг две тысячи понадобилось? На что?

— Я ж не на себя собираюсь их тратить!

— Коли не на себя, на кого тогда? Монаха с горы Лушань?*

— Собираюсь купить кольцо с алмазом в подарок!

— Что-о-о-о? Где ты нашел кольцо за две тысячи? Даже если такое и существует, того, кто его наденет, на месте поразит молния, а ты говоришь, подарок? Да еще за две тысячи! В конечном счете все мы сгинем в могиле, а того, у кого на пальце будет красоваться кольцо за две тысячи, непременно поразит молния! Я вон давеча за девять вон десять чон приобрел кольцо без единого изъясна... Кто такие кольца делает? Ты сам до этого додумался? Или кто надоумил?

— Господин уездный начальник. Во время прошлого визита я встречался с господином Икедой,

* Лушань — горный комплекс и национальный парк Китая.

вы же его хорошо знаете? Он из отдела внутренних дел японского генерал-губернаторства.

— Ну и?

— Так вот, господин уездный начальник случайно столкнулся с ним у входа в «Мицукоси», куда он наведался с женой и детьми. Икеда был рад его видеть, расспрашивал всякое, в том числе и обо мне, сказал, что ничего не забыл... И предложил пройти вместе по торговым рядам. В итоге оказались они в отделе ювелирных изделий, и госпоже Икеда так приглянулось кольцо за две тысячи *вон*, что она тотчас захотела его приобрести. Но ее муж рассмеялся, сказав, мол, даже если б я и захотел тебе его купить, откуда у меня такие деньги? Тогда госпожа Икеда расстроилась. Потом господин уездный начальник объяснил мне, что, если б он располагал этой суммой, он бы сам купил ей кольцо, ибо ради сохранения чести и достоинства и десяти не жаль, если они есть. Но у него не было при себе и двух, вот и не купил. А может, и при деньгах не купил бы, ведь сумма все-таки немаленькая...

— И поэтому он сказал тебе купить кольцо и подарить его жене Икеды?

— Да, так как я у них на хорошем счету, было бы весьма выгодно воспользоваться этой возможностью...

Не зная, что думать, наставник Юн молча курил трубку. С одной стороны, рассказ Чонсу походил на правду, с другой же — сильно пахивал разводом на деньги. Что, если он примет правду за вранье, и не даст денег на подарок, поразит его молния? Тогда и весь план пойдет насмарку... В итоге господин наставник, полностью отдавая себе отчет в том, что это может быть обманом, все же решил дать деньги.

— Да будь что будет! У меня сейчас только тысяча на руках, больше нет, так бери ее и делай как знаешь: хоть подарок покупай, хоть что. Не мое дело!

В полном соответствии с собственными словами о том, что даже на государственные налоги у него есть скидка, господин Юн урезал вдвое запрошенную внуком сумму. Чонсу, однако, зная эту особенность дедового нрава, опередил его на шаг, изначально назвав сумму в две тысячи вместо необходимой одной.

Наставник Юн позвал Тэбока, наказав тому обналичить выписанный им и заверенный печатью чек на тысячу вон и выдать деньги Чонсу. Он чувствовал себя крайне разочарованным и опустошенным при мысли о том, что, заработав сегодня девятьсот сорок пять вон, в итоге потерял пятьдесят пять.

15

Цинь погубят кочевники*

В далекой молодости, когда он еще слыл Жабой Юном, достопочтенный господин наставник, стоя у тела своего отца, Йонгю Лошадиной Головы, жестоко забитого до смерти бандой головорезов, взывал к небу, озаренному пламенем, что окутало стог сена:

— Чтоб этот треклятый мир рухнул к ядерной матери! Да пропади все пропадом, кроме нас!

* «Цинь погубят кочевники» — пророчество придворного предсказателя, услышав которое Цинь Шихуанди приказал построить Великую Китайскую стену.

Те сказанные полвека назад в сердцах слова стали и яростным проклятием враждебному миру, и своеобразным пророчеством героической борьбы. Господин Юн вышел из нее победителем, но тут...

Все семейство, кроме невестки Ко, столь ненавистной наставнику Юну, — Сеульская Госпожа, Тхэсик и две невестки из задних покоев — собрались в главной комнате, чтобы поприветствовать Чонсу. Под их пристальным взглядом господин Юн занял свое почетное место, а Чонсу сел напротив, оказавшись лицом к задней стене. Вот-вот должны были накрыть обед.

— Эй, папаша Кёнсона! Хватит витать в облаках! — нравоучительно обратился господин наставник к Чонсу. Учтивости ради в присутствии женщин глава семьи обращался к внуку «папаша Кёнсона». — Почему ты не можешь быть собранным, как твой брат Чонхак? Вот у него и способности есть, и, в отличие от тебя, он не несет окоlesiцу, и ему можно верить. Паче того, через год-два он окончит университет! Так ведь?

— Да.

— Верно? Через два года, значит, окончит, а еще года через три-четыре он достигнет своей цели. Цель — в последнее время это слово часто используют, слышал?... Так вот, дослужится он до заместителя полицеймейстера, а там и до самого полицеймейстера рукой подать! Понял?

— Да.

— Поэтому тебе нужно собраться и поскорее стать уездным начальником, ясно? Да-а, а что, если младший брат уже станет начальником полицейского участка, а ты все еще будешь муниципальным секретарем, а? Не стыдно ли? Подумай,

ведь если вы станете уездным начальником и полицеймейстером, вам и все лавры, не мне! И то, что я сейчас так ворчу, это все ради вашего же блага, мне-то ничегошеньки с этого не будет! Ты меня слушаешь?

— Да.

— Чонхак — толковый малый! Он с детства следовал за мной по пятам, у него и голова есть на плечах, и доверять ему можно, и меня слушает даже сейчас, когда он уже не маленький... Я только ему доверяю, только ему. С прошлого года, правда, и он стал тратить больше, но это ничто по сравнению с тем, сколько тратишь ты. К тому же настоящий мужчина, если он следует своим принципам и не имеет двойных стандартов, может и потратить чуток. Не то что ты... Поэтому, когда он в прошлом месяце в письме просил у меня пятьсот вон, я послал, не колеблясь ни секунды!

В это время во дворе раздался сухой кашель. Господин бездельник нехотя приближался к дому, чтобы доложить о полученной среди ночи телеграмме из Токио. Проснулся он, к слову сказать, лишь недавно.

На входе Чхансик буднично поинтересовался у встретившего его Чонсу, когда тот приехал, поймал взглядом безмолвное, но почтительное приветствие двух невесток, также поспешивших ему навстречу, и поздоровался с младшей сестрой, Сеульской Госпожой, так и не вышедшей дальше *мару*. Зайдя внутрь, он поклонился отцу, наставнику Юну, сам принял поклоны от сына Чонсу и младшего брата Тхэсика и сел рядом.

— Уж не солнце ли взошло на западе? — раздраженно отчитал господин наставник сына, сво-

евольно нагрянувшего домой без предупреждения. — Ты зачем явился? Никак снова деньги кланчить?

— Пришла телеграмма из Токио...

Если бы собеседники поменялись местами, то господин бездельник мог бы с легкостью стать рассудительным и понимающим отцом, а господин наставник — дерзким и легкомысленным сыном-подростком.

— Телеграмма? Из Токио?

— Пишут, что Чонхак задержан полицией.

— Что-о? — взревел господин наставник, опустившись на пол с такой силой, что тот едва не проломился под его весом. Все собравшееся семейство было также поражено новостью, и каждый выражал это по-своему.

У наставника Юна зазвенело в ушах как после удара увесистой дубиной по затылку. Какое-то время он не мог шелохнуться и молча сидел, открыв рот и выпучив глаза. Вдруг он истошно завопил, а лицо его сморщилось от гнева.

— Как?! Что это значит? Что за вздор?! Что? Что за?..

— Судя по всему, это его друг телеграмму отправил, подробные обстоятельства неизвестны.

Господин бездельник достал ту самую полуночную телеграмму из кармана жилета и подал отцу. Господин наставник резко выхватил ее из руки сына, быстро просмотрел и зачитал вслух:

— Чонхак... арестован полицией по подозрению в приверженности идеологии... Что это значит?

— Это значит, его задержала полиция, обвиняют в приверженности идеологии!

— В приверженности идеологии?

— Это значит, социализму...

— Что-о-о? — взревел господин наставник еще громче, чем в прошлый раз, и откинулся назад так, что чуть не повалился на спину, однако в последний момент сумел удержаться. Причем если в прошлый раз у него зазвенело в ушах, словно после удара дубиной по затылку, то сейчас он был ошеломлен так, будто земля под ним разверзлась и тысячи трещин устремились вглубь.

Однако это было не потому, что он переживал за своего ненаглядного внука, которому так доверял и которого так любил. На самом деле тот факт, что Чонхак связался с социализмом, разгневал и напугал господина Юна больше, чем бандитское движение *хвальбиндан*, лютовавшее в былые времена.

Услышав предсказание о том, что Цинь погубят кочевники, Цинь Шихуанди приказал возвести Великую стену для защиты окраин. К счастью для него, он так и не узнал, что после его смерти Цинь погубили не кочевники, а его сын Эрши Хуанди.

— Социализм? Как? Ка-а-ак? — продолжал громогласно причитать достопочтенный господин Юн. В эту минуту ярости он мог прибить первого, кто подвернется под руку. — Ка-а-ак? Этот паршивец стал социалистом? Это правда? Правда?

— Когда он приезжал на каникулы прошлым летом, что-то такое уже проглядывало!

— Стало быть, это правда! Видать, правда, э-эх! — По лбу и лицу господина наставника заструился пот. — Вот паразит, чтоб ему неладно было, убить его мало! Как такое возможно? Будущий полицеймейстер задержан полицией как социалист? Чтоб он сдох и в гробу перевернулся,

кто ему только в голову вбил эту социалистическую чушь? Что ж это выходит, сын богатого семейства — и присоединился к хвальбиндану?

Присутствовавшие не смели вздохнуть, а только качали головой, кто сидя, кто стоя. Когда господин наставник на мгновение замолк, в комнате повисла гробовая тишина.

— Да-а-а, как прекрасен мир! Да-а-а... — Закавав рукав, господин Юн со всего размаха треснул кулаком об пол и промычал подобно разъяренному быку: — Где сейчас бандиты? Где эти разбойники из хвальбиндана?.. Прошли времена, когда воры беспрепятственно отбирали твое имущество, а жизнь человека ценилась не больше жизни мухи... Глянь-ка, на каждом шагу полиция, в каждом уезде теперь порядок, и впрямь прекрасный мир... Чужаки призвали на службу сотни тысяч человек, чтобы защищать нас, корейцев! Уж не достоин ли этот мир благодарности? А-а-а?.. Безмятежный мир, в котором каждый может спокойно жить со всем своим добром! Грядет эпоха великого спокойствия! Эпоха великого спокойствия!.. Так почему же сын богача, родившийся в эту эпоху, ставит под вопрос спокойную жизнь и связывается с бандой хвальбиндана, которая желает все разрушить, а? — Наставник Юн снова грохнул кулаком об пол и поднялся. Этот оглушительный и резкий порыв смахивал на проявление безумия. И похоже, так и было: все присутствовавшее семейство, ошеломленное грохотом, не могло не подумать, уж не тронулся ли наставник умом.

— Разорвать его на куски! Я отправлю им письмо, чтоб посадили его лет на сто! На сто лет!.. Да-а, я собирался выделить ему три тысячи сок, так теперь я их распродам и пожертвую полиции,

чтобы ловили этих социалистов! Все отдам полиции! Так-то! Чтоб он сдох! — Это последнее проклятие господин наставник выкрикнул, срываясь на плач. — В эпоху великого спокойствия! В эпоху великого спокойствия...

Грузно ступая, наставник Юн вышел из комнаты, сидевшие на коленях бездельник Юн и Чонсу поднялись за ним.

— Паразит, выходец из семьи с достатком в десять тысяч сок стал социалистом, приспешником хвальбиндана, чтобы разрушить мир! Убить его мало! Чтоб он сдох! — По мере удаления в глубь дома эти проклятия становились все тише, пока не умолкли совсем. Однако свирепый рев господина наставника продолжал звенеть в ушах оставшихся в комнате домочадцев, а их лица были омрачены. Потеряв дар речи, они молча осматривались по сторонам и не находили себе места.

Содержание

1. Наставник Юн возвращается домой.....	5
2. Искусство не платить за проезд.....	14
3. Концерт по-европейски	23
4. Пропади все пропадом, кроме нас	31
5. Дебри души.....	55
6. Вести с поля боя.....	75
7. Деньги к деньгам	89
8. Три медных монеты за упокой.....	101
9. Экономия ради экономии.....	117
10. Не передать словами	130
11. Кризис спроса и предложения.....	161
12. Введение в мировую торговлю	190
13. И с гнилым топорищем... (Возвышаясь над суетой брэнного мира)	212
14. Великая Китайская стена в лучах закатного солнца	220
15. Цинь погубят кочевники	246

Чхэ Мансик

Ч97 В эпоху великого спокойствия: роман / Чхэ Мансик; перевод с кор. Анны Дудиновой, Евгении Розенфельд. — Москва: Текст, 2020. — 253[3] с.

ISBN 978-5-7516-1622-9

Роман признанного классика корейской прозы минувшего века Чхэ Мансика (1902–1950) «В эпоху великого спокойствия» — это острая сатира на жизнь и нравы корейского общества в период японского колониального правления (1910–1945). Главный герой романа господин Юн, зажиточный землевладелец и ростовщик в почтенных летах, окруженный многочисленным потомством, идет на любые ухищрения и расходы, чтобы обеспечить своему клану место в самых верхах разлагающегося общества. Читателю предстоит на два дня окунуться в быт семейства Юнов, ни один член которого не вызывает симпатий, однако все они выписаны с непревзойденным сарказмом, сильно и выпукло, рукой истинного мастера сатиры.

УДК 821.531-31
ББК 84 (5Кор)-44

Чхэ Мансик
В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО
СПОКОЙСТВИЯ

РОМАН

16+

Редактор В. Генкин
Художник Д. Бондаренко
Художественный редактор К. Баласанова
Корректор Т. Калинина

Произведено в Российской Федерации

Подписано в печать 08.07.20. Дата изготовления 22.07.20.

Формат 84 х 108/32. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 2000 экз. (1-й завод 1000 экз.)

Заказ № К-9788.

Издательство «Текст»
125319 Москва, ул. Усневича, д. 8
Тел.: +7 (499) 150 04 72
E-mail: textpubl@yandex.ru

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

По вопросам,
связанным с приобретением
книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел. +7 (495) 780 00 98
www.labyrinth.org

•

Заказ книг в интернет-магазине:
www.labyrinth.ru

